UNIVERSITATEA DE STAT DIN MOLDOVA

CENTRUL DE ANALIZĂ POLITICĂ
ŞI TEHNOLOGII SOCIALE “CAPTES”

MOLDOSCOPIE
(PROBLEME DE ANALIZĂ POLITICĂ)

PARTEA XVII

CHIŞINĂU – 2001

MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XVII. / CAPTES. – Chişinău, 2001. – 200 pag.

În această culegere sînt examinate diferite probleme ale vieţii social-politice din Republica Moldova, rezultatele dezvoltării social+economice şi politice în ultimii 10 ani. Sunt prezentate articole în care se analizează specificul alegerilor parlamentare şi prezidenţiale din Republica Moldova, rezultatele, strategiile şi tehnologiile electorale, comportamentul politic al alegătorilor, rolul şi impactul mass-media în companiile electorale, aplicarea diferitor metode informaţionale, sociologice şi politologice în studierea fenomenelor politice. Au fost analizate procesule formării culturii politice şi societăţii civile democratice, afirmarea identităţii naţionale, migraţia de muncă, fenomenul tălhăriei, dezvoltarea busenessului în Moldova, etc. Materialele sunt dedicate studenţilor, profesorilor, celor ce se interesează de ştiinţă politică contemporană.

Coordonator
Valeriu MOŞNEAGA,
doctor habilitat, profesor

Recomandată pentru editare
de Consiliul Facultăţii Relaţii Internaţionale,
Ştiinţe Politice şi Administrative

Articolele apar în redacţia autorilor

SUMAR

VALORIFICAREA POPULISMULUI ÎN DISCURSUL POLITIC

Elvira ANGHEL
Republica Moldova, Chişinău
Universitatea de Stat din Moldova
Facultatea Relații Internaționale,
Ştiințe Politice şi Administrative
Catedra Politologie
Lector

În toate formele sale de manifestare, discursul politic vizează reprezentarea realității prin prisma intereselor politice. Este specific relațiilor dintre guvernanți şi guvernați şi e adresat deopotrivă rațiunii şi sensibilității.

Studiul obiectiv al discursului politic include nu numai analiza semanticii cuvintelor, a stilului de comunicare, a avantajelor pe care le urmăreşte emițătorul, dar şi a reacțiilor auditoriului la acest limbaj.

Problemele publice şi circumstanțele în care este emis discursul modelează elementele sale: unele rămân relativ stabile, altele în virtutea cerințelor se schimbă. Anume aceste modificări generează duplicitatea termenilor. Este o diferență între sensul cuvintelor "comunişti", "trecut" percepute de tineri şi de oamenii în etate.

Pentru atragerea simpatiei şi obținerea acordului public spre realizarea sau motivarea unor acțiuni este folosit discursul populist. Acest tip de discurs este utilizat şi pentru construirea imaginii unui lider sau a grupului pe care-l reprezintă. Funcția semnificativă a stilului populist constă în liniştirea maselor, astfel, încât grupurile direct implicate să poată avea o mai mare libertate de acțiune în stadiile ulterioare ale definirii respectivei politici. În mod constant se încearcă convingerea publicului că direcția aleasă de guvernanți trebuie acceptată de toți.

În ceea ce priveşte structura discursului, stilul populist se rezumă la premise, deducții şi concluzii care iau forma fie a unor promisiuni sau "amenințări". Şi unele şi altele constituie premisele apelurilor pentru sprijinul public, care este elementul cel mai evident al discursului populist.

“A venit timpul ca în funcțiile cheie ale statului să fie promovați oameni care au toate calitățile necesare pentru un conducător dornic să-şi servească poporul”[1].

“Dar numai împreună cu poporul, cu oamenii vom realiza intențiile noastre…”[2].

Analiza semantică a cuvintelor utilizate în cadrul acestui tip de discurs implică în sine o reacție contradictorie între emitere - recepționare. Înaintea campaniei electorale parlamentare din februarie 2001, majoritatea populației, în special oamenii de la 45 de ani şi mai mult erau pentru revocarea trecutului. Astfel, 44% din cei 1096 de persoane intervievate în 12 unități teritorial-administrative considerau nivelul de trai mult mai bun până la 1991; 46% - mai bun. Calitatea conducerii țării era mult mai bună pentru 29%, iar pentru 41% - mai bună până la 1991[3]. Această situație a constituit una din cauzele principale ale alegerii PCRM ca partid majoritar parlamentar.

După 6 luni de guvernare conform rezultatelor sondajului “Opinia populației referitor la sărăcie şi inegalitate” realizat în luna august 2001 în cadrul proiectului PNUD, “Dezvoltarea Capacității pentru Monitorizarea Sărăciei”, în colaborare cu Departamentul Statistică şi Sociologie, 67,9% din populația Moldovei se consideră săraci, iar 53,6% apreciază situația lor drept mai rea decât cu 3-5 ani în urmă, iar 11,1% consideră situația lor extrem de înrăutățită, 35,8% se aşteaptă la o înrăutățire a situației, 8,8% se aşteaptă la o înrăutățire drastică a situației lor[4].

“Trecutul” a fost mesajul de manipulare camuflat al actualei elite guvernamentale. Însă semantica “trecutului” se schimbă în discursul ei când referințele sunt altele decât “secolul de aur ”al regimului sovietic.

“Într-o societate în criză trecutul joacă un rol predominant. Blochează imaginația…Astfel spus cel care trăieşte obsesiv în trecut riscă să nu înțeleagă urgențele prezentului şi să refuze viitorul… ”[5].

Aceste “confuzii semantice” discursive sunt construcțiile strategice utilizate de elita politică pentru o mai bună manevrare a opiniei publice în direcția aprobării acțiunilor sale.

---

[1] *«Țara», 2001, 22 februarie.*
[2] *«Moldova Suverană», 2001, 3 aprilie.*
[3] *Barometrul de Opinie Publică - 2000. / IPP. – Chişinău, august 2000.*
[4] *«Dialog», 2001,15 octombrie.*
[5] *«Moldova Suverană», 11 octombrie 2001.*

Utilizarea şi acceptarea acestui tip de discurs demonstrează faptul că publicul manifestă un anume interes în procesul de luare a deciziilor. Iar elita politică prin mijloacele discursive tinde să accentueze "rolul important" al maselor în procesul de guvernare. "Şi noi şi poporul punem mari speranţe în noua sesiune"[6]. "De aceea realizarea sarcinilor trebuie să devină cauza întregii societăţi, a tuturor cetăţenilor"[7].

Semnificaţia răspunsului este motivată de accentuarea construcţiilor emoţionale pe care se bazează discursul populist, care exprimă ceea ce toată lumea crede, fără ca nimeni să gândească. Judecând după sondajele preelectorale (numai 42% erau siguri de participarea lor la alegerile parlamentare anticipate din 25 februarie 2001, ceilalţi – 21% probabil nu, 19% sigur nu, 5%- nu ştiu)[8], mulţi alegători sunt indiferenţi de campania electorală, de aceea previziunea rezultatelor alegerilor se deduce mai uşor din reacţia emotivă vizavi de unii sau alţi candidaţi, decât apelând la opiniile alegătorilor privind calitatea direcţiei politice propusă de acest candidat.

Nivelul stării de tensiune joacă un rol important. Structura valorilor creează o atât de mare tensiune, încât răspunsurile raţionale vor fi minime, iar sugestiile şi protecţia simbolică vor fi acceptate imediat.

Eficienţa discursului populist devine mai mare odată cu utilizarea modului indirect de convingere. Spre deosebire de convingerea directă care ia forma unui sistem de argumentaţie pentru viitoarele acţiuni politice şi stimulează reacţii logice, convingerea indirectă se bazează pe aluzii, care sunt supuse aprobării fără o raţionalizare preventivă. Îndeosebi, această situaţie se valorifică, dacă liderul e un bun orator, devine impresionant prin manifestarea intenţiilor bune şi aduce o mulţime de argumente, care iau forma criticistă a aparenţelor. Aceasta şi explică fluctuaţia masivă a electoratului în timpul alegerilor de la o extremă la alta.

Discursul populist devine convingător dacă se apelează şi la emoţii negative, generate de critica excesivă a oponenţilor, de accentuarea greşelilor şi mai puţin a rezultatelor pozitive obţinute de ei. Şi aici comparaţia devine principalul element de descriere a avantajelor şi dezavantajelor dintre "ei-noi".

"(P.Lucinschi) Adept al compromisului cu orice preţ, dacă preţul nu ameninţă cu pierderea postului"[9].

---

[6] *«Comunistul», 2001, 27 iulie.*
[7] *«Comunistul», 2001, 7 septembrie.*
[8] *Barometrul de Opinie Publică - 2000. / IPP. – Chişinău, august 2000.*
[9] *«Comunistul», 2001, 2 februarie.*

“(V.Voronin) În numele cauzei ştie a merge la compromisuri, dar la unele deschise şi cu conturarea clară a granițelor până la care acestea sunt posibile ”[10].

Cu cât devin mai puternice emoțiile negative, cu atât mai clară devine reacția auditoriului. Însă jocul bazat pe frică, pe negație nu este capabil tot timpul să conducă la rezultatele dorite. De aceea comunicarea cu publicul devine mai convingătoare, dacă ea se axează pe emoțiile pozitive generatoare deseori de promisiuni iluzorii. Convingerea este cimentată dacă se apelează şi la rațiune iarăşi în parametri comparației “ei-noi”. În situația creată auditoriul ia decizii pripite, impulsive.

“Conducerea Guvernului Moldovei este convinsă că în viitorul cel mai apropiat va realiza o îmbunătățire substanțială a nivelului de trai al populației prin promovarea în continuare a reformelor”[11].

Alinând limbajul auditoriului, discursul populist pune în umbră atitudinea critică a receptorului pentru a obține acordul sau în cel mai rău caz tăcerea. Agresând auditoriul acest tip de discurs ignoră celelalte procese care au loc în societate şi le pot reduce autoritatea şi propria eficiență.

Apelările la emoție şi nu la rațiune în mesajele transmise tot timpul s-au bucurat de rezultatele favorabile în manipularea maselor de către elită.

Totuşi în situația când ştiința şi logica sunt considerate cele mai accesibile căi spre adevăr, se aşteaptă ca apelurile la rațiune să constituie instrumentul principal al discursului politic. De aceea utilizarea eficientă a stilului populist ascunde apelul emoțional sub masca definirii problemelor. Reprezentanții politici justifică forma de reglamentare guvernamentală pe care o susține pe motivul că ea va realiza scopurile propuse în rezolvarea problemelor existente.

“Pe baza renaşterii economiei urmează să rezolvăm importante probleme sociale: perfecționarea administrării locale pentru a apropia puterea de om, a depăşi birocratismul şi samovolnicia funcționărimiii, perfecționarea legii privind asigurarea cu pensii”[12].

“Se întreprind deja acțiuni concrete pentru a proteja producția autohtonă. Aceasta înseamnă că vor fi asigurate noi locuri de muncă, garantate salarii şi în buget se vor efectua defalcări respective”[13].

---

[10] *Barometrul de Opinie Publică - 2000. / IPP. – Chişinău, august 2000.*
[11] *«Modova Suverană», 2001, 30 mai.*
[12] *«Moldova Suverană», 2001, 3 octombrie.*
[13] *«Modova Suverană», 2001, 30 mai.*

Patosul sentimental mascat sau direct prezent în argumentările politice şi reacțiile la ele, creează o aparentă realitate a bătăliei politice, a importanței problemelor existente.

Ca manifestare a unui potențial critic, discursul guvernanților trebuie interpretat nu ca o simplă manifestare a lor, dar ca important demers în viața politică a democrației mediatizate.

INFOTACTICI DE CONSERVARE A IMAGINII PLAUZIBILE: CREAREA IMAGINII PRIN MINCIUNĂ POLITICĂ ŞI TACTICI DE MANIPULARE

Ala BELOSTECINIC
Chişinău, Republica Moldova
Universitatea de Stat din Moldova
Facultatea Relații Internaționale,
Ştiințe Politice şi Administrative
Doctor, conferențiar

Aurelia PERU
Chişinău, Republica Moldova
Comentator politic

Din arsenalul tacticilor informaționale inerente complexului sofisticat de creare a imaginii politice face parte şi minciuna politică. În disputa dintre elitele politice pentru cucerirea unor segmente electorale argumentul plauzibil al minciunii politice îl constituie principiul makiavelic, şi aceasta din considerentul că politica şi morala sînt două fenomene, de regulă, divergente în actul guvernării. Punctele de tangență apar rar, în funcție de prioritățile liderului politic sau ale Statului makiavellic.

În contextul dezbaterilor vis-à-vis de oportunitatea sau inoportunitatea minciunii politice în procesul de fabricare a imaginii unui lider, vom remarca că adevărul politic, de cele mai multe ori, nu coincide cu edevărul conduitei sociale sau morale. Cunoscuta frază a lui Benjamin Franklyn “poți păcăli o parte din viață

toată lumea, mai poţi apoi păcăli toată viaţa o parte din lume, dar nu poţi păcăli toată viaţa toată lumea”[14] indică limitele discursului minciunos.

Pentru a “păcăli o parte din lume” /electorat/, actorii politici recurg la două categorii distincte ale discursului minciunos:
- prima categorie serveşte intereselor imediate ale celui care-şi doreşte o imagine pozitivă;
- a doua categorie cuprinde minciunile caritabile.

Pentru liderii politici dezinformarea este echivalentă cu o sursă de date cu acces preferenţial pentru “iniţiaţi”, din care se pot obţine maximum de avantaje posibile în raport cu “masa neştiutoare”, fiind totodată şi o modalitate particulară de autolegitimare.

Singura împrejurare în care minciuna politică poate servi scopuri caritabile, este minciuna publică, destinată calmării neliniştilor comunitare şi consolidării imaginii liderului abil şi stăpîn pe situaţie. Elocvente în acest sens sînt catastrofa de la Cernobâl (aprilie 1986) sau naufragierea vărfului de lance al Flotei Maritime Ruse, submarinului “Kursk” (12 august 2000). Conservarea informaţiei despre producerea unor catastrofe sau calamităţi naturale a fost un atribut ideologic în perioada totalitară de guvernare în spaţiul sovietic şi avea drept scop alimentarea mitului de stat supraputere. Tactica desinformărilor sau de omitere a informaţiei veridice urmărea, totodată, şi crearea unei imagini pozitive, ireproşabile a conducătorului unui stat “unde soarele nu apune nicicănd”.

Uzanţele mesajului minciunos pot servi nu doar creării imaginii pozitive, dar şi a creării imaginii negative. Atăt în regimurile monopartide, cu un lider autoritar, căt şi în sistemele pluripartide, democratice, minciuna politică devine arma de distrugere morală a rivalilor politici. În istorie sänt cunoscute cazuri, cănd liderii autoritari au recurs la uzanţele minciunii politice pentru a elimina “partenerii incomozi”. Un exemplu elocvent de minciună politică din Rusia stalinistă a fost cazul generalului Tuhacevski (1937). Vis-à-vis de circumstanţele, care au dus la condamnarea şi executarea sa – organizarea unui complot al generalilor ruşi şi germani împotriva politicii expansioniste a Moscovei – toate iau adus maximum de profit politic lui Stalin.

Perpetuînd argumentele în favoarea minciunii ca instrument de creare a imaginii negative, Harold Lasswell, consideră că minciuna politică (“mecanis-

[14] *Teodosescu Gh. Putere, autoritate şi comunicare politică./ Nemira. – Bucureşti, 2000, p.238.*

mul inducerii în eroare"), constă într-un exercițiu de adormire a suspiciunii adversarului, pentru ca momentul declanşării acțiunii propriu zise să-l găsească nepregătit să opună rezistență unei decizii, care lezează grav interesele, avantajându-le, în schimb, ale grupului.[15] Din acest punct de vedere sociologul american distinge două tipuri de minciună politică: *minciuna tactică* şi *minciună mediatică*.

Cea dintăi, *minciuna tactică*, constă într-o disimulare premeditată a intențiilor unei persoane sau ale unui grup pentru a nu fi cunoscute de adversari, obligându-i astfel pe aceştea să ea decizii greşite şi să poată fi luați prin surprindere de anumite decizii, care-i privesc nemijlocit. Disimularea presupune nu numai o tăcere "tactică" din patrea celor care uneltesc lovitura, ci chiar o modificare a conduitei acestora pentru a nu trăda prin nimic intențiile reale.

Relievant în acest sens devine comportamentul fracțiunii P.P.C.D.- iste din forul legislativ în momentul procedării la vot a celor două candidaturi la funcția de preşedinte a Republicii Moldova – Vladimir Voronin şi Pavel Barbalat. Inițial cei 11 deputați P.P.C.D.-işti declară că vor boicota şedința, pentru ca în debutul procedurii de vot ca-şi anunțe participarea.[16] Postfactum, aceştea recunosc că au stricat buletinele, făcîndu-le nevalabile, pentru a demonstra astfel, că candidatura unui comunist pentru funcția supremă în stat este susținută nu doar de fracțiunea comunistă, ci şi de unii deputați democrați, lăsând să se înțeleagă, că voturile suplimentare pro-Voronin, sunt furnizate de către fracțiunea lui M.Snegur. Re-

---

[15] *Teodorescu Gh. Putere, autoritate şi comunicarea politică. / Nevira. - Bucureşti, 2000, p.240*

[16] *La I decembrie 2000 în Parlamentul Republicii Moldova s-au desfăşurat primele alegeri ale preşedintelui Republicii Mpldova în condițiile noii forme de guvernămînt – republică parlamentară. Pentru funcția de şef al statului au fost propuşi doi candidați: V.Voronin, (din partea fracțiunii comuniste) şi P.Barbalat (din partea fracțiunilor de centru dreapta). În primul tur de scrutin, invalidat, Voronin a obținut 48 de voturi, Barbalat, - 37, iar 15 buletine au fost declarate nevalabile. În aceiaş zi, alegerile au fost repetate. Rezultatul primului tur de scrutin: Voronin – 50, Barabalat – 35. La 6 decembrie a avut loc cel de al doilea tur de scrutin, la care au participat 99 de deputați: Voronin – 59, Barbalat – 35, 5 buletine – invalidate. La 21 decembrie, la primul tur al alegerilor repetate PDM, C.D.M., P.F.C.D. şi P.P.C.D. boicotează şe-dința parlamentară, legislativul demonstrându-şi astfel incapacitatea de a desemna şeful statului. La 31 decembrie, preşedintele în exercițiu P.Lucinschi emite decretul de dizolvare a Parlamentului.*

curgănd la o astfel de tactică din arsenalul minciunii politice, creştin-democraţii favorizează crearea imaginii negative a liderului P.R.C.M., formaţiune cu care vor fi nevoiţi să partajeze electoratul de dreapta, în eventualitatea (la momentul istoric respectiv), dizolvării forului legislativ.

În ce priveşte *minciuna mediatică*, acasta presupune o formă de mijlocire în promovarea interesului de grup. În cazul minciunii mediatice, este vizată imaginea adversarului, şi nu a subiectului însuşi, iar procedura scoaterii lui din cursă implică opinia publică să denigreze anumite atitudini, conduite, valori, sau mentalităţi, considerate retrograde, conservatoare, ori îndreptate împotriva intereselor comunităţii.

De regulă, demonizarea liderilor politici prin crearea imaginii negative este o procedură de eliminare din calea intereselor elitei politice a celor mai incomozi adversari. În România, bunăoară, exacerbînd anumite greşeli ale monarhiei din perioada carlistă, liderii stăngii politice postrevoluţionare au insinuat prin discurs propagandistic existenţa unei relaţii nemijlocite între revenirea regelui Mihai I în ţară şi interesul unor reprezentanţi ai partidelor istorice de a-şi recupera vechile priorităţi. O astfel de minciună politică a constituit vertebra campaniei propagandistice a stăngii postcomuniste din România.

Invocăndu-se diverse activităţi sau intenţii de perspectivă ale puterii, opoziţia, de asemenea, recurge la mecanizmul minciunii mediatice. Astfel, cu căteva luni pînă la desfăşurarea alegerilor din Transnistria, mediile de informare de la Chişinău bulversează opinia publică prin informaţia, potrivit cărea, V.Voronin şi-ar fi anunţat intenţia de a candida la prezidenţialele din autoproclamata Republica Moldovenească Nistreană. Potrivit agenţiei de presă rusă "Interfax" Voronin şi-a motivat disponibilitatea prin faptul că autorităţile nistrene nu recunosc guvernul Moldovei. Voronin, care este originar din zona transnistreană, a estimat doar, că ar putea obţine rezultate mai bune decăt Igor Smirnov.[17]

Rivalii politici ai lui V.Voronin contribuie la mediatizarea informaţiei respective pentru a-i deteriora astfel imaginea liderului de la Chişinău, care s-ar lăsa antrenat într-o acţiune constituţională, dar desfăşurată într-un stat neconstituţional, autoproclamat. Pentru a sparge "zidul" imaginii sale negative, Voronin este nevoit să infirme zvonul în cadrul unei conferinţe de presă, organizată ad-hoc în incinta preşedenţiei.

Pentru a-si adjudeca o imagine plauzibilă, actorii politici au nevoie, desigur si de programe electorale concludente. În acest caz minciuna politică devine ele-

[17] *"Jurnal de Chişinău", 2001, 29 iunie, p.21.*

ment inerent majorităţii dezideratelor electorale. După cum afirma Huga de Grotuis, minciunele făţişe au fost întotdeauna considerate mijloace făţişe de atingere a scopurilor politice.[18] A promite electoratului, fiind conştient de incapacitatea de a realiza dezideratele sale de program, este, la fel, o minciună politică, una bine chibzuită şi premeditată. Ori, a promite dreptatea pentru toţi este echivalent cu a substitui imposibilitatea realizării sale practice cu iluzia participării fiecăruia la împărţirea în regnurile democratice. Cel care a dezavuat minciuna politică fiind Emmanuel Cant, după care minciuna "nu se justifică niciodată, nici pentru a salva un prieten de la moarte"[19]. Dar în jocurile politice nu este loc pentru ecest raţionament.

În perioada scrutinelor electorale, cetăţeanul de rînd, de regulă, nu citeşte programele electorale. Acesta cade pradă, în principal, sloganurilor şi reclamei electorale, care în multiplele cazuri inserează, în ultimă instanţă, o minciună politică în dimensiuni lexicale mai reduse, dar cu un impact mai eficient.[20] Însă deseori, minciuna politică electorală permite, în consecinţă, partidelor de opoziţie să stigmatizeze formaţiunea politică ajunsă la guvernămănt. De exemplu, liderul P.P.C.D.-ist I.Roşca susţine că patridul comunist nu are dreptul să modifice limba, istoria şi cultura naţiei, deoarece comuniştii au fost aleşi numai pentru "promisiunea de a vinde salam şi pîine la preţuri mici"[21].

Minciuna politică va penetra şi discursul inaugural al ex-preşedintelui Petru Lucinschi: "Un lider nou, o politică nouă, o viaţă decentă". Devansăndu-l în prezidenţialele din 1996 pe contracandidatul său, M.Snegur, nou alesul Preşedinte

---

[18] *Keane J. Mass media şi democratia. / Institutul European. - Iaşi, 2000, p.90.*

[19] *Cant E. Ecrit et discours politique. - Paris, 1964, p.21.*

[20] *De exemplu: în alegerile parlamentare din februarie 2001, Blocul electoral "Plai natal", lansează sloganele: "Dreptate în societate, bunăstare în casa"; "Noi vrem: să legalizăm economia şi să mărim pensiile; să le dăm celor în puteri locuri de muncă, iar celor slabi - grija noastră". Blocul electoral "Alianţa Braghiş": "Ceilalţi doar promit, pe cînd Braghiş – face. Nu judeca omul după vorbe, ci după fapte!" P.R.C.M.: "Echipa Snegur susţinută de dumneavoastră va pune capăt haosului în economie, va restabili ordinea şi dreptatea, va asigura poporului un trai demn şi o viaţă normală. Echipa Snegur este unica forţă care poate opri dezastrul dezlănţuit în ultimii 4 ani", P.C.M.: "Înainte de a lăsa buletinul în urna electorală, amintiţivă şi gădiţivă ce ne-a dat tuturor puterea soviatică, pe care o ponegresc atît de mult democraţii şi ce avem în schimb de la reformele democraţilor? Nu permiteţi să fiţi înşelaţi din nou."*

[21] *"Jurnalul naţional", 2001, 7 septembrie, p.3*

încearcă să-şi creeze imaginea "unui mai bun gospodar" decăt predecesorul său: "Noului guvern îi revine sarcina vindecării treptate dar hotărîte a situației economice. În cel mult doi ani de zile declinul economic va fi oprit. În mod prioritar, guvernul va asigura lichidarea restanțelor la salarii şi pensii, îmbunătățind această situație oră de oră, zi de zi. "[22]

Spre finele mandatului Lucinschi, însă, restanțele la plata pensiilor şi salariilor capătă proporții exacerbante. Datoriile bugetare vor fi considerabil reduse abia în ajunul alegerilor parlamentare din 2001. Observatorii politici vor face o paralelă între această performanță şi lansarea în alegerile generale a premierului Dumitru Bragiş, liderul Blocului Electoral "Alianța Braghiş". Concurenții electorali vor eticheta generozitatea tardivă a premierului drept un truc electoral sfidător.[23]

Rolul minciunii în menținerea imaginii plauzibile a conducătorului este abordat şi în "Principele" lui Machiavelli. Aici o întâlnim sub calificativul "viclean, viclenie". Celebrul florentin remarca, că e lăudabil, ca un principe să se țină de cuvănt, să fie cinstit şi nu viclean, dar totuşi experiența diferitor timpuri arată, că faptele mari au fost săvîrşite de acei principi, care au ținut prea puțin seama de cuvăntul dat şi care au ştiut prin viclenia lor să amețiască mintea oamenilor, iar pe urmă i-au înfrănt pe cei, care au crezut în cinstea lor[24].

Prin urmare, afirmațiile machiavelice despre omul - Centaur politic- jumătate om, jumătate animal, - presupun, că cel ce face jocul politic este constrîns să folosească în mod egal şi după caz, ambele virtuți pentru a-şi duce la bun sfârşit proiectele. El trebuie sa fie în mod simultan şi vulpe şi leu. Orice exces într-un sens sau altul îi anulează şansa de a izbuti în politică. Prin urmare, minciuna practicată de politician nu este "ceea ce recuză moralitatea şi bunul simț al omului de rînd, ci valoarea omului de rînd pentru care el o face".

Minciuna politică, "viclenia", devine o calitate inerentă şi a actorului politic contemporan. Bunăoară, ex-preşedintele Republicii Moldova Petru Lucinschi

---

[22] *Din discursul inaugural al Preşedintelui Republicii Moldova P.Lucinschi. // "Moldova suverană" 1997, 15 ianuarie.*

[23] *De exemplu, în fluturaşul electaral al "Alianței Braghiş", printre cele 13 argumente pentru a o vota, se conține şi cel referitor la lichidarea restanțelor de plată: "Braghiş a plătit în anul 2000 16 pensii, achitînd toate datoriile guvernelor anterioare."*

[24] *Machiavelli N. Principele. / Minerva. - Bucureşti, 1995, p.89*

insista asupra faptului, că în politică, există un fel specific de a fi cinstit, un om politic "nu poate spune pe de-a dreptul tot ce crede".[25]

Aşa dar, minciuna ca element intrensec imaginii virtuale este vehiculată indiferent de regimul politic. În acest sens, mojoritatea politicienilor este convinsă de faptul, că jumătate din politică înseamnă construirea unei imagini, iar cealaltă jumătate, arta de a-i face pe oameni să creadă în această imagine, oricare ar fi adevărul. Aceste considerente vin odată în plus să confirme dictonul: politicienii pot fi înţeleşi urmărindu-le picioarele, nu şi gura.

Arta minciunii politice este arma de care uneori fac abuz şi consilierii de imagine şi, în special purtătorii de cuvînt guvernamentali. Arta minciunii prin intermediul relaţiilor publice este foarte dezvoltată în SUA, unde personalul de la Casa Albă încearcă în permanenţă să modeleze imaginea preşedintelui în mass media. Începănd cu mandatul preşedintelui american Truman, declaraţiile de deschidere pregătite minuţios de consilierii săi, furnizează materialul reporterilor de serviciu. Administraţia oferă o serie de servicii presei, interviuri, conferinţe de presă, ropoarte zilnice, facilităţi de deplasare. Informaţiile reprezentănd ocazii deosebite pentru a difuza minciuni nevinovate. Cînd aceste metode potenţial minciunoase dau greş, administraţia de stat încearcă să pedepsească mass media pentru ilustrare injustă, nefavorabilă. În cazuri extreme, li se interzice mijloacelor de comunicare ostile administraţiei accesul la sursele oficiale.

Minciuna de rutină s-a proliferat în ramurile civile şi militare ale statului american în timpul războiului din Vietnam şi din Golful Persic.[26]

Autorul bestseller-urilor internaţionale "Şocul viitorului" şi "Al treilea val" Alvin Toffler identifică un alt arsenal de dezinformare premeditată pentru crearea imaginii plauzibile prin manipularea opiniei publice:

- *tactica omisiunii;*
- *tactica pipetei;*
- *tactica suflatului inapoi;*
- *tactica minciunii gogonate;*
- *tactica inversării.*[27]

Abordănd *tactica omisiunii*, autorul porneşte de la idea, că mesagele politice, fiind mai conştient selectate, implică deseori apariţia unor "găuri" enorme acolo, unde cineva smulge din mesajul politic fapte relevante. În acest sens omi-

---

[25] *Lucinschi P. Răspunsuri la 59 de întrebări ale alegătorilor. - Chişinău, 1996, p.19-20.*
[26] *Washinghton, plans an Aggressive War. - New York, 1971, p.175.*
[27] *Toffler A. Puterea în mişcare. / ANTET. - Prahova, Pp.276-277*

siunile fac parte din modalitățile de disimulare a intențiilor adversarilor politici pentru a-si masca dimensiunea unor pretenții. De regulă, liderii politici recurg la omisiuni, atunci cănd li se solicită să-şi explice intențiile de viitor după obținerea victoriei electorale. Astfel, la eventuala întrebare despre desemnarea unor persoane la principalele funcții în stat, jurnaliştii obțin un răspuns evaziv. În cazul nominalizării veridice a iminenților guvernanți, acestea din urmă riscă să se expună unor vehemente atacuri mediatice, coordonate de adversarii politici. Refuzul categoric al liderului de a oferi un răspuns tranşant se interpretează ca incapacitatea liderului de a lua decizii. În consecință, ca regulă, se vehiculează ipoteze despre existența unor grupuri de presiune, e.t.c.

În această ordine de idei, drept soluție remediantă pot servi confesiunile celebrului cardinal francez Mazarini, după care, dacă angajamentele riscă să te coste scump, e necesar să adaugi căteve clauze suficient de vagi, care ar putea fi interpretate într-o formă mai mult sau mai puțin generală. Se indică de la bun început convenționalitatea respectării promisiunii prin următoarele expresii: "numai cu condiția de a exista …" sau "numai cu condiția de a nu exista…". Numai astfel, dacă circumstanțele o vor cere, liderul politic va putea denunța angajamentele sau promisiunile publice făcute anterior, fără a-şi dezamăgi simpatizanții.

Atunci cănd elitele politice sau liderii autoritari intenționează să fractureze configurația unor evenimente, astfel încăt acestea să devină mai puțin vizibile pentru cetățenii de rînd se recurge la *tactica pipetei.* Ea implică un proces de mediatizare picurat în doze mici la intervale mari. De regulă, tactica pipetei este utilizată de către şefii de state sau guverne în cazul unor catastrofe de proporții, calamități naturale, pentru a nu impacienta exacerbant spiritele şi opinia publică. Concludentă în această ordine de idei este "operația Cozlodui", desfăşurată în perioada de guvernare a cabinetului Ciubuc-2.[28]

Experții celor mai actuale tehnologii electorale dau preferință, însă, *tacticii suflatului înapoi*, grație capacității deosebite de persuasiune. După Toffler, această tactică presupune o poveste falsă, plantată în străinătate pentru a fi culeasă şi retipărită în presa autohtonă. Aplicarea tacticii suflatului înapoi în toiul

---

[28] *"Operația Cozlodui", coordonată de ministrul de stat (din acea perioadă) N.Cernomaz, vehement criticată de opoziție şi mişcarea ecologistă, presupunea tranzitarea prin Moldova a unor deşeuri radioactive de la stația atomică Cozlodui /Bulgaria/, în Federația Rusă. Adevărul despre eventualul pericol la care se expunea populația băştinaşă a fost mediatizat dozat de presa guvernamentală.*

campaniilor electarale urmăreşte drept scop denigrarea personalității adversarului politic. Sub aspect autohton, reamintim filmul ”Buchetul Moldovei”, transmis de canalul de televiziune rus NTV cu puțin timp pînă la dizolvarea parlamentului Republicii Moldova prin decret prezidențial (31 decembrie 2001). Pelicula a făcut dezvăluiri spectaculoase despre legăturile clanurilor mafiote cu familiile liderilor politici aflați la putere: M.Snegur, N.Andronic, D.Diacov. Mai apoi, urmînd modelul tacticii suflatului înapoi, “cazul M.Snegur”, “cazul Diacov” vor fi înserate în broşura “Cartea neagră a corupției” editată de către P.P.C.D. în perioada alegerilor parlamentare din 2001.[29]

Alături de tacticile contemporane de manipulare a opiniei electorale, nu şi-au atenuat capacipatea de convingere nici tacticile relativ învechite sau istorice. Dintre acestea face patre şi tactica *minciunii gogonate.* Autorul acesteia este considerat ministrul de propagandă a lui Hitler - Josef Goebbels, care pornea de la idea, că dacă o minciună este macro, atunci ea va fi crezută mai uşor decât un conglomerat de microminciuni. Din categoria macrominciunii face parte şi raportul răspîndit de Moscova în 1987, potrivit căreia epidemia mondială de S.I.D.A. ar fi fost lansată de către C.I.A. în timpul experimentelor cu agenți de război biologici.

Justificarea în societate a tacticii minciunii gogonate necesită un alibi sau un argument plauzibil. Argumentul plauzibil se infiltrează în mesajul politic ca fiind un truc de disimulare a intenției de a minți. Bunăoară, opinia publică era din abundență informată despre bolile de care suferea B.Elțin. În cazul escivării preşedintelui de a lua o decizie tranşantă, în special, de rezonanță internațională, creatorii de imagine ai acestuia invocau argumentul plauzibil – starea de sănătate, care-i împedica participarea la respectiva reuniune. Atentatele cu bombe în Moscova, de care erau suspectați rebelii ceceni, au servit drept argument plauzibil pentru declanşarea operațiunilor militare în Cecenia.[30] În scopul culpabilizării lui M.Snegur pentru legăturile sale cu gruparea mafiotă “Solnțevskoe”, rivalii politici, de asemenea, invocă argumentul plauzibil în elucidarea “Cazului

[29] *În campania electorală 2001 P.P.C.D. obține 8,18% din sufragiul general, sau 11 mandate parlamentare: 8,5% - județul Cahul, 13%- județul Chişinău, 9,3% - județul Lăpuşna, 6,8% - județul Tighina, 9,7% - județul Ungheni, 1% - județul Taraclia.*

[30] *Potrivit presei britanice, însă, în organizarea actelor teroriste din vara lui 1999 la Moscova au fost implicate serviciile speciale ruseşti.*

Snegur". [31] Drept consecinţă, imaginea liderului P.R.C.M. va fi grav deteriorată, întrucât la calificativele de preşedinte cu mîînile în sînge (învinuirea lui Snegur pentru declanşarea războiulii din 1992), se adaugă şi imaginea unui preşedinte mafiot. [32]

Culmea obrăzniciei, pe care şi-o permit unilateral sau reciproc adversarii politici în războiul de imagini este considerată *tactica inversării*. Aceasta presupune schimbarea în sens opus a conţinutului mesajului politic. Un exemplu istoric de recurgere la uzanţele inversării este incidentul produs între prim-ministrul izraelian I.Shamir şi ministrul de externe al Israelului Şh. Peres, care se aflau într-o relaţie tensionată.[33]

Studiind exersarea tehnologiilor electorale contemporane de manipulare a opiniei publice în diverse circumstanţe, putem determina încă un obiectiv al minciunii politice ca metodă de autolegitimare a liderului politic. Aceasta implică atenuarea trecerii subite de la o politică la alta, de la unele deziderate electorale la altele printr-un comportament verbal adecvat. Astfel, în lexicologia de specialitate poate apare un termen nou – *minciuna postelectorală.*

Minciuna postelectorală devine un cvazi echilibru minciunii electorale, totodată, ea este identică unei profilaxii de excludere a eventualelor contradicţii dintre lideri şi sublideri, dintre lideri şi partidele acestora în cazul revizuirii an-

---

[31] *La 25 august 1989 în oraşul canadian Toronto a avut loc nunta fiului lui B.Bernştein. Reputaţia businessmanului este dubioasă, el fiind direct legat cu structurile mafiote, iar afacerile purtând un caracter clandestin. În calitate de oaspeţi la această nuntă au fost M.Snegur, ex-preşedinte RM, preşedinte al P.R.C.M., N.Andronic, pe atunci prim-vice-ministru în guvernul Sturza, vice-preşedinte al P.R.C.M., alte cîteva din filiera grupării moscovite mafiote "Solnţevskoe". Se consideră că nunta a fost doar un pretext, obiectul discuţiilor fiind situaţia social-politică din Moldova, unde cei din gruparea mafiotă au interese mari.*

[32] *Aceste momente îşi găsesc oglindire în antipropaganda "echipei Snegur" lansată de rivalii anonimi în perioada electoralei 2001: "Oameni, fiţi vigilenţi: Snegur din nou vrea să ajungă la putere!" "Snegur şi echipa lui înseamnă repetarea posibilă a războiului săngeros de pe Nistru!" "Snegur şi echipa lui înseamnă puterea corupţiei şi mafiei".*

[33] *I.Şamir a instruit ministerul de externe să-şi notifice ambasadele din toată lumea că Sh. Peres nu are autoritate să convoace o conferinţă internaţională, orientată spre rezolvarea problemei arabo-israeliene. Personalul lui Peres din Minisrerul de Externe a primit mesajul primului ministru, dar pur şi simplu l-a neglizat şi a trimis telegrame în care se spunea exact contrariul.*

gajamentelor electorale. Iminența unui asemenea incident a încercat s-o evite preşedintele V.Voronin, rostind un mesaj în parlament cu prilejul încheierii sesiunii de primăvară-vară în 30 iunie 2001.[34] Mesajul rostit în fața parlamentarilor de comunistul V.Voronin s-ar părea că simulează teoriile liberaliste de consolidare a economiei. De fapt, primul secretar al C.C. renunță public, dar dozat, de la clişeele comuniste de fortificare a statului. Din acest moment elitele politice şi mediile autohtone vor lansa supoziții vis-à-vis de iminenta scindare a comuniştilor în aripa radicalistă ortodoxă şi aripa apropiată aspirațiilor social-democratice de stînga. O asemenea poziționare a liderului comuniştilor în parlament, denotă faptul, că un preşedinte comunist vrea să pară mai puțin comunist.

Tactica minciunii postelectorale încheie astfel, gala info-tacticilor pe care le acreditează un lider politic pentru a-şi proteja imaginea în circumstanțe social-politice şi non-politice nefavorabile, sau pentru manipularea maselor electorale în favoarea sa. Infotacticile sunt ghidate, de regulă de lideri, der executate docil de echipele de consilieri de imagine, deşi practica internațională atestă şi raporturi inverse. Această interdependență şi efectele ei au fost supranumite drept tactica "nevoii-de-a-nu-şti", care este folosită de subordonați pentru a proteja liderul, lăsîndu-l neafectat de evoluția unor evenimente mai puțin importante, aşa, încăt acesta să nu se consume preventiv, dar să-şi păstreze capacitatea de a lua decizii tranşante în situațiile cheie. În timpul anchetei "Irangate" circula prin Washington o glumă care demonstra exact acest principiu:

- De cîți consilieri la Casa Albă e nevoie ca să înşurubeze un bec?
- De nici unul. Preferă să-l țină pe Reigan în beznă.[35]

În aceiaşi manieră, consilierii de imagine abordează – în funcție de circumstanțe – "tactica forțatului-de-a-nu-şti", mai popular cunoscută drept memoriul C.I.A. sau "cover your ass" (acoperă-ți fundul). Conform tacticii respective actorul politic transmite informația unui alt subiect al puterii, astfel, ca în caz de

---

[34] *V.Voronin reitera în fața deputaților:"În primele patru luni ale activității noii puteri noi n-am reuşit să elaborăm o strategie clară şi transparentă de renovare a țării noastre. Da, noi am venit la putere cu anumite rețete, dar situația în țară s-a dovedit a fi mult mai dramatică, decăt se vedea din opoziție. Situația a cerut soluții noi… Dacă cineva este atăt de naiv şi consideră că măsurile de interzicere, majorarea amenzilor şi a penalizărilor agenților economici fortifică rolul statului, acesta greşeşte… Este nevoie de debirocratizare a aparatului de stat"*

[35] *Toffler A. Puterea în mişcare. / ANTET. - Prahova, p.275.*

agravare a consecinţelor, primul deţinător al informaţiei să poată împărţi vina cu receptorul secund.

Alături de minciuna politică propriu zisă, folosită în scopul manipulării maselor electorale, ştiinţele politice atestă tehnici de persuasiune şi mai sensibile – *tehnicile subliminale*. În dicţionarul de neologizme se conţine următoarea explicaţie a noţiunii: sub pragul conştiinţei. Cei care cunosc tehnicile subliminale de manipulare pot face cu omul orice. Astfel, un om absolut normal, se poate transforma la un moment dat într-o maşină fără raţiune.[36]

O modalitate clasică de aplicare a tehnicii subliminale, care a scandalizat opinia publică, ţine de numele ex-preşedintelui francez Francois Mitterand. În timpul campaniei electarale din 1988, genericul de ştiri al postului TV francez "Antenne 2" a transmis de 2949 ori o imagine a preşedintelui Mitterand, candidat care a fost reales în această funcţie. Aplicarea procedeului cunoscut sub denumirea de "*cadrul 25*" este calificată pe plan internaţional drept infracţiune morală şi este pedepsită prin lege, întrucât se consideră, că reprezintă o formă de manipulare a subconştientului maselor împotriva voinţei acestora. Legislaţia italiană, de exemplu, prevede excluderea automată din cursa electorală a concurenţilor care fac uz de această metodă. Procedura este interzisă de întreaga legislaţie internaţoinală referitoare la publicitate, în special, la cea politico-electorală, fiind interzisă în 1953, după ce de această tehnologie s-a folosit compania "Pepsi", căreia ulterior i-au fost aplicate sancţiuni financiare dure.

Procedeul montajului subliminal de natură să influinţeze subconştientul telespectatorilor este interzis şi în legislaţia Republicii Moldova prin Art.12 al Legii cu privire la publicitate din 1997. Cu toate acestea, în campania electorală 2001 au fost înregistrate încălcări a legislaţiei respective. Astfel, subiectul electoral P.P.C.D. sesizează Curtea Constituţională în legătură cu faptul, că unii concurenţi electorali – P.R.C.M. şi P.D.M. ar folosi montajul subliminal la realizarea spoturilor electorale difuzate de televiziune. P.D.M. a utilizat montajul subliminal de la începutul campaniei electorale, înserând în spoturile sale, la fiecare schimbare de secvenţă video, un semicadru care reprezintă imaginea lui Ion Sturza şi sloganul său electoral. Acelaşi procedeu îl foloseşte şi mişcarea "Pentru Ordine şi Dreptate", care pe parcursul unei emisiuni de 5 minute a înserat fotograme ce conţin cuvintele "Jos mafia".

---

[36] *Бодалев А.А. Сухов А.Н. Основы социально-психологической теории. – Москва, 1995. с.361-362.*

Conclizionînd, putem remarca că fenomenul minciunii politice implică din start divizarea societății în două tabere compatibile, neantagoniste, dar situate pe diferite poziții în topul ierarhiilor, care, în cele din urmă, se disting în guvernanță şi guvernați. Actul guvernării presupune o continuă rotație a grupelor sociale din tabăra guvernaților în cea a guvernanților, şi vice-versa. În acestă ordine de idei minciuna politică serveşte drept armă de cucerire prin metode persuasive a unor poziții elitare în tabăra guvernanților. Prin urmare, minciuna şi manipularea nu pot fi omise din actul guvernării, şi mai cu seamă, din multiplele strategii de accedere la putere. Mincuina, ca fenomen imoral, poate fi stigmatizată, dar rolul ei în procesul de manipulare a guvernaților de către guvernanți nu poate fi neglizat. În această conjunctură, rolul ştiințelor politice, la fel a eforturilor societății civile, este de a ridica cultura politică a maselor electorale, ca acestea din urmă să poată conştientiza procesele de manipulare şi deosebi valorile de non-valori. Numai o astfel de societate nu va cădea pradă totalitarizmului şi regimurilor pseudo-democratice.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ НЕЗАВИСИМОСТИ.

Игорь БОЦАН
Кишинэу, Республика Молдова
Международный Фонд избирательных систем
Директор программы

Введение

Политическое развитие Республики Молдова было предопределено несколькими факторами, среди которых: отсутствие демократического опыта, как у граждан, так и у нарождающейся политической элиты; качество и политическая этика этой элиты; внешнее воздействие со стороны западных демократических и финансовых организации и, конечно, со стороны России. Я постараюсь показать, как взаимодействие эти факторов привело к той политической ситуации, которую мы имеем сегодня в Молдове. Также, я попытаюсь показать что трансформация, направленная на преодоление сложившегося status-quo, в принципе, возможна.

1. События, определившие политическое развитие Республики Молдова.

События, предшествующие декларации независимости Республики Молдова, во многом, предопределили дальнейшее развитие страны. Освоение демократического опыта Молдовой началось в 1987 г. с развития так называемого Демократического Движения в Поддержку Перестройки (ДДПП). Это было неформальное движение, которое было создано интеллигенцией и наиболее либерально настроенной частью коммунистов. Декларированной целью ДДПП было поддержка Горбачева в борьбе с ортодоксальными коммунистами.

Позже, однако, ДДПП раскололась по национальному и языковому признакам. Причиной тому послужило политика направленная на устранение лингвистического дисбаланса в общественно-политической жизни Республики Молдова. Новое языковое законодательство, принятое в 1989 г., предусматривало, что язык общения с чиновниками выбирает гражданин. Это либо румынский, либо русский язык. Это было воспринято русскоязычным населением с опасением, из боязни не оказаться вытесненными из официальной политической и общественной жизни, хотя законом предусматривались длительные периоды для освоения румынского языка.

В свою очередь, молдавская общественность утвердилось во мнении, что русскоязычные сограждане противятся устранению несправедливости, связанной с вытеснением из общественной жизни, в годы советской власти, языка местного населения. Это противостояние привело к развитию, так называемой "митинговой демократии». Естественно, появились новые лидеры, которые возглавили, так называемое, движение за "национальное возрождение", основой которого стал Народный Фронт (НФ). В противовес им было создано «Интернациональное Движение» русскоязычных граждан.

После свержения режима Чаушеску в Румынии, на своем съезде НФ постановил, что объединение с Румынией является программной целью. Это привело к еще одному расколу, уже в среде коренного населения - на молдаван и румын. Выборы в Верховный Совет Молдавской ССР, в 1990 г. показали, что три категории граждан, каторые идентифицировали себя как: румыны, молдаване и русскоязычное население, поддерживают политические течения, примерно одинаковой силы.

Таким образом, раскол молдавского общества произошел задолго до приобретения Республикой Молдова независимости с 1991 году.

Этот раскол выгоден и является и поныне очень эффективным средством в борьбе за власть, за контролирование определенными политическими группировками определенных сегментов электорального поля.

Свидетельством тому является призыв разных политиков самого высокого уровня, которые публично обращаются перед выборами к гражданам, политическому классу, средствам массовой информации с призывами способствовать разработке объединяющей национальной идеи, приемлемой для всех граждан Республики Молдова, и могущей стать основой для строительства независимого молдавского государства.

Это происходит до сих пор, потому что в глазах многих граждан и политиков независимость Республики Молдова есть всего лишь “подарок судьбы”, которым политический класс не знает как распорядиться. Действительно, с самого начала приобретения независимости существовали три возможности распорядиться ею: вернуться под покровительством России, объединится с Румынией, и развивать независимое молдавское государство. Повторюсь, эти три варианта предопределяют до сих пор поведение политических сил и избирателей. Следует заметить, что в первые годы независимости, сторонники первых двух вариантов развития страны, рассматривали третий вариант как промежуточный, компромиссный, а потому метастабильный.

В самом деле, процесс обретения независимости Республикой Молдова был, по большому счету, процессом реагирования политической элиты Республики Молдова на события, которые происходили в России. В Москве, на смену противоборства Горбачева с ортодоксами из КПСС, пришло более сложное противоборство Ельцина и его окружения с Горбачевым. Существует устойчивое мнение, что развал СССР имел первопричиной борьбу за власть между Горбачевым и Ельциным, а не натиск национальных движении на окраинах СССР. Хотя, безусловно, национальные движения способствовали этому, подходя шаг за шагом к той грани, за которой возврат к прежним государственным отношениям становился невозможным. Поэтому, принято считать, что первый гвоздь в гроб СССР был забит Верховным Советом РСФСР, который 12 июня 1990 г принял декларацию о суверенитете России. Только после этого начался так называемый “парад суверенитетов”. Республика Молдова среагировала лишь 23 июня, приняв собственную декларацию о суверенитете.

Далее началась борьба вокруг нового союзного договора, которая завершилась путчем 19 августа 1991 г. и последующими декларациями неза-

висимости. Это произошло тогда, когда командам, которые работали в Ново-Огареве, были переданы все полномочия для подготовки документов, касающихся нового союзного договора, и всем стало ясно, что документы готовит не ЦК КПСС, а президентская, горбачевская структура. Это означало, что центр политической активности из ЦК переместился в президентскую структуру. На фоне этого и грянули события, связанные с ГКЧП, развалом СССР и появлением новых независимых государств. Так что не стоит преувеличивать вклад национальных движений в обретении независимости бывшими союзными республиками. Это звучит не очень героически, но мне кажется, что все происходило именно так.

Все это важно для более глубокого понимания возникновения приднестровской проблемы, которая и поныне является одним из главных сдерживающих факторов развития молдавской государственности, а также развития экономики, ибо и приднестровская республика планировалась тоже в Москве.

Позже, когда начались экономические преобразования, раскол Молдовы по национальному и территориальному признакам усугубилось еще и расколом по имущественному признаку.

2. Политическая элита Республики Молдова и методы ее политической борьбы

Непоследовательность внутренней и внешней политики Республики Молдова объясняется качеством политической элиты страны.

Самое меткое замечание по поводу политической элиты Республики Молдова сделал бывший председатель законодательного органа страны, Думитру Дьяков. Он заявил, что непоследовательность политики Республики Молдова исходит из отсутствия опыта государственного строительства у политиков и чиновников. Вчерашние агрономы, писатели, журналисты, идеологические работники коммунистической партии стали вдруг президентами, министрами, депутатами, дипломатами, политическими лидерами. Им пришлось делать большую политику, разрабатывать то, что принято называть стратегией развития внутренней и внешней политики, без какой-либо подготовки и элементарных знаний. Естественно, эта политика делалась больше на эмоциях и волевых порывах, чем на основе понимания политической ситуации, и оценки возможных последствий. Более того, этому внезапно появившемуся политическому классу выпала задача на-

чать экономические преобразования, приватизацию государственной собственности, которую, естественно, они хотели провести в свою пользу.

Методы политической борьбы в Республике Молдова не отличались разнообразием на протяжении всего этого времени. Однако, все же, определенные отличия существовали в разные периоды.

Сами периоды политической борьбы можно условно разделить на романтический и прагматический. Следует заметить, что прагматики положили основания своим богатствам и влиянию, а некоторые даже псевдогосударственным структурам, именно в романтический период. Собственно, прагматический период начался, когда романтики поняли, что проводимая ими политика является источником власти и богатства для прагматиков.

А) Можно условно считать, что романтический период политической борьбы начался вместе с перестройкой, и продлился до парламентских выборов 1994 г. Это период, когда политические силы только выявляли и пытались сформулировать те ценности, на основании которых они собирались завоевать доверие граждан.

В этот период политические силы правого толка выступали за демократизацию общества, "национальное возрождение», приватизацию государственной собственности, ориентацию на объединение с Румынией. Позже они объявили, что разделяют либеральные и христианско-демократические ценности. Их лидеры были, в основном, из писательской и журналистской среды, и выдвинулись благодаря своему красноречию во времена расцвета "митинговой демократии».

Представители этой политической ориентации считают себя румынами. У них сформировались навыки политиков в реальной политической борьбе, однако, у них никогда не было административных навыков. На парламентских выборах в феврале 1990 г, под их знамена в парламент прошло примерно 30% депутатов. Надо отдать им должное, и отметить, что именно они инициировали наиболее прогрессивные законопроекты в области реформирования экономики, местного самоуправления и т.д. Однако поспешность, с которой они хотели достичь этих целей, привела к печальным последствиям.

Во-первых, они дали повод для обвинения в радикализме, что позволило их политическими противникам принять ответные мер, которые особенно проявились в Приднестровском конфликте и на юге республике, в зоне компактного проживания гагаузов. Во-вторых, начиная с 1990 г., само движение начало раскалываться из-за стратегических разногласий, а позже

и из-за более прозаических причин – постоянного выяснения, кто внес больший вклад в развитие национального возрождения. Это и сейчас проявляется, особенно в канун выборов. В результате с 1990 г. присутствие правых сил в парламенте сократилось почти в 3 раза. И это особенно печально, ибо впоследствие эти политические силы стали достаточно умеренными, сменив лозунги объединения с Румынией на лозунги постепенного приближения Молдовы к Европейскому Союзу, где в рамках Европы регионов могла бы осуществиться их мечта об едином экономическом и культурном пространстве румын.

В противоположность правым политическим силам политические силы левого толка, особенно «Интердвижение», выступали за сохранение коммунистических ценностей, и воссоздание СССР. Они способствовали развитию сепаратизма как орудия против политики, проводимой правыми силами. Собственно, Приднестровская республика появилась как орудие прессинга на руководство Республики Молдова для недопущения возможного выхода из СССР и подписания нового союзного договора в 1991.

Интересно заметить, что последний председатель КГБ СССР Вадим Бакатин признал в своих мемуарах, что одновременное возникновение *интердвижений*, практически во всех союзных республиках, было делом рук организации, которую он возглавлял. В Молдове, именно интернациональное движение "Унитатеа – Единство» выступало выразителем левых идей в период запрета Коммунистической партии в 1991–1993 гг. Однако, оно было вымыто с политической арены, как только в 1993 г. разрешили коммунистическую партию.

Там, где есть крайности, всегда появляются и предлагают свои услуги, так называемые, "центристы". Они выступают за умиротворение, как правых, так и левых, не забывая, однако, о собственных интересах. Именно, такая политическая сила, состоящая из региональной коммунистической номенклатуры, создала Аграрно-Демократическую Партию (АДПМ) в 1990 г. и постаралась лавировать между «правыми» и «левыми». Она смогла к концу "романтического» периода (в 1994 г.) завоевать за счет симпатии избирателей, отвергающих политические крайности, парламентское большинство.

Б) Прагматический период политической борьбы начался сразу же после парламентских выборов 1994 г., когда на повестку дня стала необходимость принятия новой конституции страны и проведения массовой, а потом и денежной приватизации государственной собственности. Можно

считать, что этот период продлился до парламентских выборов 2001 года, когда произошла смена всей правящей верхушки.

На выборах в 1994 г. центристы из Аграрно-демократической партии получили 43% голосов и благодаря пропорциональной избирательной системе - абсолютное большинство в парламенте. В самом начале все высшее руководство страны: премьер-министр, председатель парламента и президент объединилось вокруг АДПМ, однако через год партия раскололась из-за амбиции этих лидеров, желающих, видимо, в одиночку контролировать, в первую очередь, приватизационные процессы.

Всего через год, тогдашний, президент, Снегур, обидевшись, что конституция, принятая 29 июля 1994 г., сильно урезала его полномочия, создал собственную Партию Возрождения и Согласия (ПВС). А еще через год страна прошла через конституционный кризис, когда президент стал выяснять отношения с Правительством и Парламентом, кто контролирует назначение и снятие силовых министров. Позже, в 1996 г., все три высшие руководители страны сошлись в борьбе за президентское кресло, которую выиграл председатель парламента Петру Лучинский. Таким образом, в 1996 г. на смену бывшему секретарю ЦК КПМ, пришел бывший первый секретарь той же самой партии.

Нахождение Петра Лучинского на посту президента Республики Молдова с 1996 до 2000 г. запомнилось борьбой за укрепления своей власти. Это еще больше раскололо “центристские силы”. И в результате, эти годы были во многом потерянными для экономических реформ. Победив на выборах в 1996 г. с лозунгом “Порядок, Стабильность, Благосостояние”, Лучинский обещал подать в отставку через 2 года, если не удастся переломить ситуацию.

Следует отметить, что точно также поступил в 1994 г. Лукашенко в Беларуси. Но если Лукашенко мешала оппозиция и он начал активно бороться с нею, то Лучинскому, как выяснилось позже, через 2 года после своего избрания, помешала Конституция. Поэтому, оставшиеся два года правления были посвящены изменению конституции, с целью сконцентрировать всю власть в свои руки. В конечном итоге президент проиграл свое противостояние с парламентскими фракциями, которые модифицировали конституцию наоборот, и Республика Молдова из полупрезидентской стала парламентской республикой. Сам бывший президент был вынужден покинуть большую политику.

Почему же так случилось? Во-первых, потому что молдавские политические партии и представляющие их парламентские фракции, по выражению самих сторонников бывшего президента, это всего лишь представители мощных политико-экономических кланов, которые не могли допустить концентрацию всей власти в руки президентского клана. К тому же лидеры почти всех партий страдают синдромом *отцов основателей*.

Во-вторых, бывший президент, был заподозрен в неискренности. Так, будучи председателем парламента (1993 г. по 1996 г.) он активно выступал за парламентскую форму правления, а, став президентом страны, вдруг захотел изменить форму правления в президентскую республику. Естественно, он был заподозрен в том, что вместе со своим окружением движим желанием контролировать всю власть для направления приватизационных процессов в выгодное им русло.

В самом деле, на первом этапе, пока разрабатывалось и принималось законодательство по приватизации, был интерес контролировать этот процесс с позиции председателя законодательного органа, а когда началась практическая реализация приватизационных процессов, появился интерес полностью подчинить себе исполнительную власть, во главе которой он оказался в 1996 г. По крайней мере, такой вывод напрашивается из анализа публичной полемики, которая имело место между сторонниками и противниками бывшего президента.

Однако, не могу пройти мимо одного очень любопытного высказывания бывшего президента. В одной из телевизионных передач он сам заявил, что необходимость введения президентской формы правления подсказано им выводами, вынесенными им из общения с потенциальными инвесторами, желающими вкладывать деньги в экономику Республики Молдова и нуждающимися в гарантиях, что они не пропадут здесь бесследно. Это признание проявляет очень хорошо те факторы, которые мотивировали поведение политических сил, ввязавшиеся в политическую борьбу за изменение конституции страны в 1999 – 2000 гг.

Партиям правого толка, во время прагматического периода, пришлось оставаться в оппозиции, и вести политическую борьбу больше между собой за влияние на избирателей той же политической ориентации. Однако, случайно оказавшись у власти, после парламентских выборов 1998 г., они затеяли такую борьбу за министерские портфели, что очень скоро развалили свой пеструю коалицию.

К тому же шлейф скандалов связанных с коррупцией потянулся за лидерами правых партий. К сожалению, именно в этом и проявился их прагматизм. За это, правые партии, вошедшие в Альянс за Демократию и Реформы (АДР), были наказаны избирателями во время парламентских выборов в феврале 2001 г. Так что нравы и политическая этика правых оказались ни чем не лучше, чем у центристов.

Провал «центристов» и «правых» в период с 1994 по 2000 г. способствовал возвращению к власти коммунистов, в 2001 г., которые все это время набирали политическую силу. Таким образом, завершился своеобразный цикл пребывания у власти коммунистов, центристов, правых. И теперь мы имеем новое возвращение первых.

Это логично, ибо правые силы чрезвычайно раздроблены и теряют до 20% голосов благодаря 6% избирательному порогу, а центристы просто исчерпали свой ресурс «клонирования» себе подобных через постоянные расколы и деление на консерваторов и прогрессистов. Избиратели рассудили, что уж лучше голосовать за «настоящих коммунистов», чем за постоянных «мутантов» этой же политической особи.

Преимуществом коммунистов оказалось и то, что они умело воспользовались ностальгическими настроениями большинства граждан. Это не составляло большой трудности, если учесть, что социально-экономическое положение неуклонно ухудшалось все эти годы, и происходило это на фоне постоянных политических скандалов, в том числе и связанных с коррупцией в высших структурах власти.

В самом деле, менталитет молдавских граждан, воспитанных в "патерналистском» государстве, которое о них заботилось, столкнулся с необходимостью использовать дарованную, а не завоеванную, свободу, для того чтобы заработать себе на жизнь самим, планируя и неся ответственность за свои действия. Поэтому политическое воскрешение Партии коммунистов после запрещения в 1991 г. выглядит вполне логично.

В 1993 г. Президиум Верховного Совета Республики Молдова снял запрет с коммунистической партии, и она была воссоздана под руководством нынешнего президента Республики Молдова, Владимира Воронина. В 1996 г. на президентских выборах Партия коммунистов набрала – 10%, в 1998 г. на парламентских выборах – 30%, и, наконец, в 2001 г. на досрочных парламентских выборах – чуть более 50% голосов.

Таким образом, партия коммунистов имеет сейчас конституционное большинство в парламенте. Это позволило коммунистам избрать своего

лидера президентом страны и назначить свое правительство, которому предстоит воплотить в жизнь предвыборную программу этой партии. Как видно, прагматический период развития политической ситуации закончился очень своеобразно. Интересна и последовательность занятия высшей государственной должности Республики Молдова: первый президент – бывший секретарь КПМ, второй - бывший первый секретарь КПМ, и, наконец, третий, действующий президент – нынешний председатель Партии коммунистов.

3. Влияние избирательной системы на политическое развитие Республики Молдова

Трудно переоценить ту роль, которую сыграла избирательная система в развитие политических процессов в Республике Молдова. В 1993 г. была проведена реформа избирательного законодательства. Ее суть состояла в том, что мажоритарная система была заменена полной пропорциональной системой, согласно которой вся страна стала одним избирательным округом, в которым избирались 104 депутата (позже – 101). Голосование проводится по закрытым партийным спискам, которые составлялись партийными лидерами. Избирательный порог был зафиксирован на уровне 4% (с 2000 г. – 6%), а распределение мандатов проводилось по методу д'Хондта.

Эта избирательная система, во многом предопределила поведение политических лидеров, которые сочли созданные ими политические партии как своего рода собственные коммерческие структуры. Как считают эксперты, это явилось главной причиной развития политической коррупции. Стало (как бы нормой) давать взятки лидерам политических партии, за включение в список кандидатов на выборы. Что это именно так подтвердили с парламентской трибуны некоторые депутаты, которые признались в даче взятки партийным лидерам за включение в список. Это становилось очевидным и когда лидеры партии, вдруг, меняли местоположение кандидатов за два дня до выборов, не известив об этом избирателей и коллег по партии.

Такая избирательная система определила и главные рычаги, используемые в избирательных кампаниях, а также технологии их проведения. Во-первых, следует отметить, что такая избирательная система выгодна крупным политическим силам. Во-вторых, она позволяет представителям лоббирующих группировок, сориентироваться и определить какие политические партии имеют реальные шансы попасть в парламент, и финан-

сировать их. Поэтому неудивительно, что в Республике Молдова постоянно возникают крупные публичные скандалы, связанные с финансированием избирательных кампаний.

В-третьих, эта избирательная система сильно фаворизирует так называемые «партии власти», которые могут воспользоваться неограниченным доступом к государственным средствам массовой информации, единственными покрывающими своим вещанием всю территорию страны. И, наконец, последний ресурс, к которому прибегает «партия власти», - это местная администрация, которая должна работать на «партию власти», чтобы потом, самой сохраниться. Все предыдущие избирательные кампании подтвердили такое поведение властей.

Поэтому, пропорциональная система способствовала как коррупции партийных лидеров, так и расколу «партий власти», лидеры которых надеялись, что административный ресурс останется на их стороне. Так случилось с Аграрно-демократической партией в 1995 и 1996 г, когда президент страны, а позже председатель парламента откалывали от правящей тогда партии мощные группировки, которых потом возглавляли перед выборами. Так случилось и с пропрезидентской Демократической партией в 2000 г., когда возник конфликт между президентом страны и председателем парламента, возглавляющим данную партию.

И оппозиционные партии поддаются искушению отвоевать избирателей у политических конкурентов той же ориентации посредством грязных технологии. В результате получаются сплошь негативные избирательные кампаний, в ходе которых, выпячиваются реальные и мнимые недостатки оппонентов, а не собственные достоинства и программы. Таким образом, избиратели пребывают в полном недоумении, а политическая культура продолжает оставаться в упадке.

4. Влияние внешнего фактора на политику Республики Молдова.

Политическое развитие Республики Молдова, также, невозможно понять без рассмотрения влияния внешних факторов. Как уже отмечалось, развал СССР и становление независимого молдавского государства явилось неожиданностью для большинства граждан Молдовы. Поэтому, неудивительны и постоянные шатания правящих верхушек, так и не сумевших определить стратегический курс развития страны. Как было показано, до сих пор руководство страны реагировало на внешние раздражители. Так было с

провозглашением суверенитета в 1990 г., так было и с провозглашением независимости в 1991 г., после падения ГКЧП. Так оно происходило и далее.

Согласно мемуарам бывших высокопоставленных партийных функционеров, после временного развала СССР должно было состояться собирание союзного государства посредством механизма Сообщества Независимых Государств (СНГ). Однако этот план таил определенную угрозу кровавой развязки, ибо националистические силы новых независимых государств не позволили бы отменить те завоевания, которые были достигнуты, главным образом, благодаря московским интригам. Можно вспомнить события в Тбилиси и Вильнюсе. 10 лет существования СНГ показали, что оно так и не стало экономическим сообществом, а на встрече глав государств СНГ то хоронят, то воскрешают.

Нынче мало вспоминают об очень интересных событиях, имевших место примерно через месяц после Беловежских соглашений и подписания документов о создании СНГ в Алма-Аты. А имело место знаменитое турне госсекретаря США, Джеймса Бейкера, по странам СНГ, после чего эти страны стали принимать в ОБСЕ, в январе–феврале 1992 г., а месяц спустя и в ООН. Это было очень правильное, оперативное решение по вводу бывших советских республик под протекцию международного права от возможного посягательства на их независимость. К осени того же года, Молдова и другие страны СНГ, стали, также, членами Международного Валютного Фонда и Всемирного Банка. Это стало следующей мерой, уже финансово-экономической протекции, ибо либерализация цен правительством Гайдара, нанесло жуткий удар по финансовым системам стран СНГ. Через год это позволило ввести национальную валюту, что способствовало относительной финансовой стабилизации.

Все эти действия международных организаций привели к своеобразной реакции со стороны России. Один из самых либеральных российских чиновников, министр иностранных дел, Андрей Козырев сделал в феврале 1993 года публичное заявление о том, что бывшие советские республики являются зоной влияния России. В то же время президентские советники опубликовали серию статей, в которых обосновывали необходимость проведения Россией по отношению к странам СНГ политику наподобие той, которая декларировалось доктриной президента США Монро по отношению к Латинской Америке 150 лет тому назад.

Так что трудно переоценить роль международных организации в становлении независимости не только Молдовы, но и стран СНГ. Что касается Молдовы, нет сомнений, что окажись она без помощи международных организаций, то добилась бы она такого же результата в строительстве своего государства, какого добилась в разрешение приднестровского конфликта, признав в 1992 г. Россию единственным посредником и миротворцем. После того как Россия же поддержала и вскормила сепаратизм в этом регионе.

Прошло уже 9 лет с окончания вооруженного конфликта, а положение ничуть не изменилось. Причем, решения предлагаемые Россией создают лишь порочные круги. Так было в случае увязания вывода войск с предоставлением юридического статуса Приднестровью, так было и в случае изобретения понятия «общего государства», которое Молдова и Приднестровье должны строить, и которое вызывает вот уже 4 года споры о том, что же это такое - «общее государство».

Наиболее ощутимо влияние международных организаций проявилось при принятии Республики Молдова в Совет Европы, особенно благодаря тем условиям, которые были поставлены с точки зрения введения демократических норм и институтов. Именно взаимодействие с Советом Европы позволило Республике Молдова принять в 1994 г. демократическую конституцию, которая определяет основные права и обязанности граждан, структуру власти, и позволило, шаг за шагом, создавать демократические институты.

Интересно отметить высказывание бывшего президента Республики Молдова Петра Лучинского, который заявил в разгаре конституционного кризиса в 2000 г., что молдавская, очень демократическая, конституция не работает в Республике Молдова, потому что она, просто, была списана с европейских конституций и не учитывает специфики Республики Молдова.

Это очень ценное признание бывшего председателя парламента и парламентской комиссии по разработке этой самой конституции. Оно выявляет насколько некритично, высшие молдавские чиновники, полагались во всем на помощь международных организаций. С этой точки зрения, также, трудно переоценить ту роль, которая сыграла Венецианская комиссия во время конституционного кризиса 1999-2000 гг., когда подход молдавских политиков к конституционным изменениям стал очень пристрастным.

Я привел только несколько примеров влияния международных организации на политическое развитие Республики Молдова. Интересно рассмотреть эффекты этого влияния. Сразу же после вступления в силу новой

Конституции парламент принял постановление о программе работы законодательного органа по реализации положений Основного закона страны и концепции судебно-правовой реформы. Согласно программе, надлежало разработать и принять более 50 законодательных актов, призванных обеспечить претворение в жизнь положений Концепции. Не были полностью выполнены лишь несколько положений.

После 1995 года был создан целый ряд правовых институтов, крайне необходимых и важных для жизни общества.

1. В первую очередь это Конституционный суд, единственная в Республике Молдова власть конституционной юрисдикции, постановления, которого имели особое значение на протяжении последних трех лет. Те два очень опасных конституционных кризиса удалось мирно разрешить лишь благодаря Конституционному Суду.

2. Была реорганизованная судебная системы, которая включает суды (простые и специализированные), трибуналы (всего пять), Апелляционный суд и Высшую судебную палату, Высший совет магистратуры, призванный обеспечить автономию судебных инстанций, назначения, перемещения, продвижения и дисциплинарные меры в отношении судей. Постановления судов могут быть обжалованы несколькими путями, что сводит к минимуму возможность ошибок. Статус и независимость судов гарантируется Конституцией, международными правовыми нормами и серией законодательных актов, регулирующих данную область.

3. Был введен административный суд, который обеспечивает ответственность органов госадминистрации перед гражданами, гарантирует защиту и восстановление через специализированную судебную инстанцию легитимных прав и свобод человека.

4. Созданы институт адвокатуры и нотариальной службы, которые были выведены из-под монополии и полного контроля со стороны государства и становится независимым, автономными.

5. Институт парламентского адвоката работает в рамках Центра по правам человека и призван способствовать гарантированию и защите прав человека в духе международных актов и конституционных положений

6. Счетная палата является высшим органом контроля за порядком формирования, администрирования и использования публичных финансовых средств, она призвана исключить и предотвратить злоупотребления, обеспечить рациональное использование общественных финансов и при-

влекать к ответственности публичные учреждения и чиновников, виновных в нарушении закона.

7. Министерство Госбезопасности было, наконец, преобразовано в Службу информации.

Главный вывод, который напрашивается в результате анализа достижений судебно-правовой реформы, состоит в том, что в общих чертах законодательные рамки, необходимые для работы правовых структур демократического общества, обеспечены.

Однако правосудие так и не стало стопроцентно независимым от законодательной и исполнительной власти, следовательно, еще необходим ряд изменений, связанных с финансированием и материально-техническим обеспечением судебных инстанций. Иными словами, необходимо обеспечить еще более широкую автономию судебной власти, сохраняя и расширяя спектр гарантий, необходимых для обеспечения независимости судей.

Создание этих демократических институтов является пока наиболее значимым достижением Республики Молдова. Осталось только заполнить эти институты квалифицированными кадрами и научить граждан адекватно ими пользоваться.

5. Нынешняя политическая ситуация в Республике Молдова

Нынешняя политическая ситуация в Республике Молдова, на всех уровнях, полностью контролируется Партией коммунистов. Коммунисты намерены полностью выполнить свою предвыборную программу. По крайней мере, они об этом постоянно твердят. И это правильно, ибо предыдущие правящие партии очень дорого заплатили за обман избирателей. Такая участь постигла и двух президентов страны. Молдавские коммунисты это прекрасно осознают, поэтому пытаются смягчить данные обещания. Так, они говорят, что обещали только попытаться решить те сложные вопросы, с которыми сталкивается Молдова. Получится это или нет, это другой вопрос.

А обещали они следующее:

а) в социальном плане

сформировать новую систему социальных гарантий;

обеспечить рост пенсии и заработной платы в два раза;

восстановить бесплатное медицинское обслуживание;

ввести контроль за ценами на энергетические ресурсы, коммунальные услуги, продукты питания, товары первой необходимости и медикаменты;

расширить возможности получения бесплатного высшего образования;

б) в экономическом плане:

возродить реальный сектор экономики;

обеспечить рост значимости государственной собственности в стратегических отраслях экономики;

индексировать и выплатить вклады населения потерянные в 1990-1992 г.;

в) в политическом плане:

искоренить коррупцию через лишение высокопоставленных чиновников иммунитета;

защитить право молдавского народа на свое историческое имя и название языка;

придать русскому языку статус государственного языка;

разрешить приднестровский конфликт;

рассмотреть вопрос о вхождении в Союз «Россия-Беларусь».

Для решения этих задач молдавские коммунисты намерены увеличить в 2 раза бюджетные поступления за счет ликвидации коррупции и контрабанды. После таких обещаний неудивительно, что коммунисты получили абсолютное большинство голосов избирателей.

Положительные стороны прихода коммунистов к власти это, что в стране есть политическая сила, которая несет полную ответственность за свое правление. Второй положительный момент это, что у коммунистов есть возможность, хоть частично, побороть коррупцию, ибо есть надежда, что «настоящие коммунисты» честнее своих предшественников у власти.

Однако, не трудно заметить, что эта программа содержит потенциально конфликтные положения, которые, однажды уже спровоцировали раскол общества. Это, конечно, языковые проблемы. Пример тому намеченные новой властью Республики Молдова преобразования, связанные, в первую очередь, с изменением учебников истории, названия языка, а не экономического характера. Кроме того это и действия Народного Собрания Гагауз-Ери, направленные на демонстрацию своей нелояльности к центральной власти, игнорируя национальные праздники Республики Молдова. Хочется надеяться, что власти и политические силы не станут реагировать на это, а гагаузы станут жить лучше.

Что касается обещаний социального и экономического характера, кажется, коммунисты не учитывают сложившуюся демографическую и социальную ситуацию. Во-первых, число пенсионеров достигло 30% от числа взрослого населения страны. Во-вторых, существует очень сложная ситуация с эмиграцией наиболее квалифицированной и трудоспособной частью рабочей силы. К сожалению, нет даже приблизительной статистики, которая могла бы пролить свет на эту цифру. Считается, что это примерно 10% взрослого населения.

В-третьих, очень трудно оценить уровень реальной безработицы. В-четвертых, за эти годы были разрушены многие предприятия и не известно к чему следует приложить рабочую силу. В-пятых, произошло дикое моральное старение оставшихся производственных средств и дисквалификация рабочей силы, не говоря уже о нравственном упадке. Так что, возродить реальный сектор экономики представляется немыслимо трудно.

Что по-настоящему смущает в деятельности нынешней коммунистической власти, так это отрыв прокоммунистической риторики от практических действий. В самом деле, коммунисты клянутся в верности идеалам марксизм-ленинизма и в то же время говорят, что время диктатур прошло. Надо полагать, имеется в виду и диктатура пролетариата. Также, они говорят, что пошло время деления общества на классы, и это понятно. Не могут нынешние коммунисты считать членов своих семей, являющиеся успешными бизнесменами, классовыми врагами. Если посмотреть в список кандидатов Партии коммунистов, то можно найти там учителей, агрономов, большое число руководителей частных фирм, и т.д., а вот рабочих и крестьян там, увы, нет. Не очень понятно, что же есть коммунистического в этой партии.

Далее, на недавно состоявшемся съезде партии, в политическом докладе был заклеймен процесс глобализации, как новое проявление международного империализма, а всего через месяц парламент ратифицировал документ о присоединение Республики Молдова к Всемирной Торговой Организации (ВТО), которую они же считают главным инструментом этой самой глобализации. Сейчас интересно понаблюдать, чем же закончатся отношения с Международным Валютным Фондом и Всемирным Банком, которых власти считают виновными за сложную экономическую ситуацию в стране.

Что касается внешней политики, то стремление присоединиться одновременно к Союзу «Россия-Беларусь», таможенному евразийскому союзу,

ГУУАМу, Пакту Стабильности Юго-Восточной Европы и Европейскому Союзу создает совершенно непонятную картину приоритетности внешнеполитических целей страны.

Создается впечатление, что новая власть находится, пока, в судорожном поиске своей политической линии, что чревато внутренними расколам, о чем уже начали писать средства массовой информации. Это подталкивает власти к некоторым неадекватным реакциям, по отношению к средствам массовой информации, которые стараются делать всего лишь мониторинг поведение властей. Поэтому, те предложения коммунистов, о снятии мониторинга Совета Европы над Республикой Молдова кажутся преждевременными.

Я считаю, что политические силы страны должны помочь коммунистам справиться со сложной ситуацией, создавшейся в стране, аргументированно оппонируя им. Однако и коммунисты должны показать свою восприимчивость к критике.

6. Выводы

Основные выводы, которые можно сделать после 10 лет политического развития Республики Молдова, состоят в том что:

для расколотого общества, каким является Республика Молдова, внешнее корректирующее воздействие со стороны, в первую очередь, международных организаций остается еще совершенно необходимым фактором стабильности.

- Завершающийся цикл ротации политических элит образца ‘90 годов ставит на повестку дня естественный уход этих элит и замене их элитами нового поколения, не причастными к тем национальным и экономическим конфликтам, которые доминировали до сих пор в политической жизни Республики Молдова. Этот процесс уже идет. Поэтому трансформация, направленная на преодоление существующего status-quo, в принципе, возможна. Остается выяснить, как можно помочь этой нарождающейся новой элите.

- Естественно, экономический фактор в преодолении статус quo, является определяющим. Есть надежда что приватизационные процессы в конце концов закончатся и новые собственники будут заинтересованны в стабильности политической и экономической ситуации.

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Маргарита БУЛОВА
Республика Молдова, Кишинэу
Молдавский госуниверситет
Факультет международных отношений, политических и адменисмтративных наук
Кафедра политологии
преподаватель

Электоральное поведение граждан Республики Молдова нередко выступает обьектом изучения современной политиченской науки. Подход к электоральному поведению как к предмету познания политического процесса, подразумевает выделения специфических групп на основании определенных критериев. Типы электорального поведения будучи определенным образом структурированы и измерены, могут использоваться в качестве как методологического так и практического инструментария для анализа политического состояния общества Молдовы, для прогноза итогов последующей избирательной кампании. Представленные как политические конструкции они позволяют структурировать значительную часть электорального пространства.

Настоящая статья посвящена не сколько на проблемах связанных с типологией электорального поведения, сколько на анализе электорального поведения молодежи Республики Молдова. В представленной статье электоральное поведение в общем рассматривается как совокупность действий, демонстрируемых гражданами на выборах, и отношение к самому факту возможности участия в них.

Опыт прошедшего десятилетия показывает нам, что наличие права на участие в свободных, демократических выборах, не означает автоматически более активного участия в политической или общественной жизни в нашей республике. Например, в ряде западных демократических государств молодые люди давно имеют право участвовать в выборах, где граждане получают возможность «реального» выбора, но явка на выборы, среди молодых избирателей всегда была низкой и к, сожалению, в осо-

бенности у нас в Республике Молдова, продолжает снижаться. В связи с этим возникает вопрос: как можно повысить заинтересованность молодых граждан в участии общественной и политической жизни Молдовы?

Ранее молодежь воспитывалось в духе гражданственности в процессе социализации, предполагавшей контроль и регулирование деятельности молодежи до усвоения его существующих общественных норм, и только после этого ей позволялось занять свое место в существующих институтах. Однако сегодня распространено мнение, что воспитание активных и сознательных граждан состоит в поощрение участия молодых людей в процессе принятия решений на всех этапах и во всех сферах их жизни.

В последние годы у нас в Республике Молдова были определены пути формирования политического курса и программ, которые могут способствовать реализации прав молодежи и увеличить её вклад в жизнь общества. Серьёзная работа в этом отношении проделана также и в Западной Европе, однако данный новый подход к молодёжи имеет также большое значение и для молодых демократических обществ Центральной и Восточной Европы и Содружества Независимых Государств, где чаяния и возможности выросшего в переходный период молодого поколения значительно отличается от тех, что были у их родителей.

Действительно, время, в которое росло поколение переходного периода, превращаясь из 5-14-летних детей в 1989 году в подростков и взрослых молодых 18-24 лет в 1999 году, было временем больших перемен в самой концепции гражданства у нас в республике. И хотя не все из этих перемен оказались положительными, факт остается фактом: это поколение взрослеет с надеждой полностью реализовать права человека, придя на смену нескольким поколениям, жившим в условиях значительно более узкого толкования понятия гражданства, в котором участию уделялось гораздо меньше внимание. Какие же основные приобразования произошли в рамках перехода, свершившегося в Молдове, и как они отразились на этом переходном поколении? В плане политических преобразований одной из важнейших перспектив переходного периода было становление независимости и суверенитета Республики Молдова. Политическая карта на которой в 1989 году было восемь государств, была перекроена к пяти оставшимся добавились 22 новых независимых государств, возникших на месте бывших Чехословакии, Югославии и Советского Союза. Суверенитет, независимость и парламентские системы правления были созданы или воссозданы.

Результаты опроса общественного мнения показывают, что именно молодежь к данным преобразованиям относится позитивнее, чем представители старшего поколения.[37] Но какую роль будет играть новое поколение молодых граждан, зависит от того, насколько эти граждане будут признаны партнерами и ценным ресурсом для развития человеческого потенциала и социально-политических преобразований в Молдове.

Как уже было отмечено, что молодое поколение играют важную роль в политической и общественной жизни в нашем государстве. В странах Центральной и Восточной Европы, да и в нашей республике молодёжи предоставляется особая возможность участвовать в укреплении демократии, воссоздании гражданского общества, а во многих странах и в строительстве недавно обретшего независимость государства. Осознание молодыми людьми своей причастности к этим историческим переменам и участии в их осуществлении могут способствовать устойчивости процесса реформирования. Своим участием в новых демократических институтах и социокультурной деятельности молодые люди могут также содействовать формированию общества и, следовательно, сделать его таким, каим они себе его представляют.

Если в западном обществе участие молодых граждан обычно на сегодняшний день предполагает преобразование установившихся систем в относительно стабильной среде, то в нашем государстве, переживающего переходный период, перед молодыми людьми стоит задача создания новой политической системы и гражданского общества, сопряженная с гораздо большим политическим и экономическим риском и неопределенностью результата. Нестабильность экономической ситуации и снижение уровня жизни, несмотря на наличие тревожных симптомов, свидетельствующих об отторжении многих молодых людей от семьи, работы и общества, далеко не всегда являются препятствием для участия молодежи в жизни стран в переходный период. Успех многих молодых людей в реализации появившихся в переходный период возможностей не ограничивается сферой политики, это наблюдается во всех зарождяющихся гражданских организациях, и в массовых общественных движениях.

Участие молодежи в политической сфере Республики Молдовы может принимать разные формы. Один из наиболее распространенных методов

[37] *Молодёжь в меняющимся обществе. // Региональный мониторинговый доклад. 2000, № 7, с.6.*

определения уровня электоральной активности, это есть анализ данных о явке избирателей. Участие в голосовании – один их основных демократических актов, и жизнеспособность демократического общества часто оценивается по показателям участия граждан в выборах.

Участие молодых граждан в электоральном процессе Республики Молдова 1994-2001 годов, имеет болшое значение в силу ряда причин. Во-первых, политические интересы молодых людей могут отличаться от политических интересов старших поколений избирателей и должны быть представлены. Во-вторых, если во многих ситуациях молодые люди могут ощущать себя менее влиятельной силой, чем старшее поколение, то при голосовании, где каждый человек имеет один голос, они равны и таким образом имеют одинаковую возможность влиять на исход политических выборов. В-третьих, участие в процессе принятия решений в Молдове способствует осознанию гражданских проблем. Можно также добавить, что содействие развитию у молодежи привычки участвовать в выборах необходимо в целях упрочения и сохранения демократии в будущем республики.

В дореформенный период реального выбора между политчиескими партиями или выдвинутыми кандидатами не было. Тем не менее участие в голосовании было правовой обязанностью, и неучастие в выборах было чревото официальными и неофициальными санкциями. Таким образом, существовала традиция голосования, но не было традиции голосования для изменения хода событий. При явке в среднем 99% электората, выборы были в целом формальностью, и молодежь старше 18 лет была обязана голосовать,[38] как впрочем, и все остальное взрослое население.

Как мы отметили выше, отношения молодых людей к событиям переходного периода, как правило, более позитивное, чем отношение старшего поколения. Но только вопрос в том, что находит ли эта поддержка свое отражение в более высокой степени участия в общенациональных выборах?

На основание опросов, проведенных Европейским Союзом в 7 странах в период 1995-1997 годах представлены данные о готовности молодых людей и электората более старшего поколения в странах переходного периода воспользоваться совим правом голоса. В большинстве странах около

---

[38] *Молодежь в меняющемся обществе. // Региональный мониторинговый доклад. №7, 2000, с.121.*

двух третьей респондентов ответили, что пойдут голосовать, если выборы состоятся завтра.[39]

Таблица 1. Намерение молодых людей участвовать в голосовании, в разбивке по возрастным категориям (1995-1997 гг.)

	Голоса %	
Страны	***18-24 года***	***Старше 24 лет***
Румыния	74%	78%
Эстония	66%	75%
Латвия	55%	62%
Литва	60%	68%
Беларусь	38%	40%
Россия	68%	69%
Украина	30%	35%

Как показывают результаты исследования, намерения более молодого и старшего возраста сопоставимы, но все же наблюдается определеннй разрыв между поколениям. В данном случае отстает молодежь: в 4 из 7 стран, представленных в таблице, молодые люди менее готовы к участию в голосовании, чем поколение старше 24 лет. Следует отметить, что ситуация в Республике Молдова схоже с ситуацией данных стран. Как показал опыт электоральных процессов за период 1991-2001 гг., молодое поколение Республики Молдовы можно отнести к категории пассивного электората, в силу ряда причин не принимал участия ни в одних выборах.

Анализ причин такого поведения, выделяемых в социологических опросах, позволяет констатировать факт, что большая часть этой группы электората в республике, считает бесполезным участие в них.

Вместе с тем на выборах в нашем регионе, явка молодых избирателей всегда была и остается намного ниже, чем явка избирателей более старших возрастных групп. В данном случае возникает вопрос: почему уровень явки молодых избирателей, как правило ниже чем уровень электората более старшего возраста? Иногда это объясняют тем, что молодые граждане еще только учатся быть гражданами и знакомятся с предлагаемыми альтер-

[39] *Молодежь в меняющимся обществе. // Региональный мониторинговый доклад. №7, 2000, с.122.*

нативами в силу своей поссивности. Чаще всего они просто не уверены как проголосовать.

Зачастую данная неуверенность в своим выборе снижает уровень активности молодых избирателей. Может быть это связано с тем, что становясь старше, молодые люди приобретают опыт, позволяющей им участвовать в выборах, в том числе, знания об электоральном процессе, в частности, и электоральном пространстве, в общем.

Рассматриваемые данные относятся к годам характеризующимся экономической нестабильности. Естественно, возникает вопрос: может ли уровень участия избирателей в голосовании быть связан и в какой мере с удовлетворенностью или неудовлетворенностью граждан экономическими и социальными результатами переходного процесса? Как показала практика 90-х годов, нашего государства, продвинувшегося по пути реформ, в результате выборов неоднократно происходили смены правительств, что, в следствии, свидетельствуют о разочаровании электората переходным процессом, который оказался более медленным и болезненным, чем предполагалось. Официальные данные о результате выборов показывают, что в голосовании принимали участие в средним не более 65-70% избирателей. Отношение людей к правительству осложняется традиционным недоверием к государству и в то же время чрезмерной верой в способность государства обеспечить им надлежащий уровень жизни. Даже притом, что недоверие и ожидания молодежи могут быть меньшими, чем у более старших людей, свойственная молодости склонность подвергать все сомнению может порождать у них скептическое или критическое отношение к власти. Поэтому можно предвидеть, что разочарование молодых людей в связи с трудностями, с которыми сталкивается наше правительство в решении унаследованных от прошлого и новых проблем, будет к сожалению, значительным.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что молодежь Республики Молдова не отстраняется от политической жизни совсем, а скорее не находит соответствующих каналов для участия в ней. При этом сказываются такие факторы, как уровень образования и этническая принадлежность, также существует позитивная связь между интересом к политике и уровнем образования; наряду с этим есть опеределнные основания полагать, что молодежь, принадлежащая к этническим меньшинствам, часто считает, что ее интересы слабо представлены политическими институтами.

Активная политическая и общественная позиция, безусловно, предполагает нечто значительно больше, чем просто голосование за ту или иную политическую партию. Данное суждение подтверждает тот факт, что с исчезновением коммунистических молодежных организаций, отменой цензуры и монополии государства на политическую, общественную и культурную жизнь молодежи появилось на много больше возможностей для выражения интересов, убеждений и инициатив молодежи на разных форумах гражданского общества Республики Молдова.

DE LA IDENTITATE NAȚIONALĂ LA CONSTRUCȚIE POLITICĂ.

Snejana BUSUIOC
Chişinău, Republica Moldova
Universitatea de Stat din Moldova
Facultatea Relații Internaționale,
Ştiințe Politice şi Administrative
Catedra Limbi Moderne Aplicate
lector

La sfârşitul anului 1989 populația Moldovei a fost bulversată de problema identității naționale. Sute de mii de cetățeni au încercat să-şi explice de unde vin, care le este originea istorică, să-şi recapete limba şi grafia, valorile culturale, săşi exprime ataşamentul şi năzuința spre independență.

Cu toate că de atunci au trecut mai bine de zece ani problema identității naționale rămâne a fi una din cele mai actuale. Relațiile Republicii Moldova cu țările europene I-au făcut pe cetățenii Moldovei să conştientizeze faptul că reprezintă o părticică a Europei. Astfel problema identității naționale este privită în coraport cu conştiința europeană.

Relația dintre identitate națională şi conştiință europeană poate fi privită prin prisma modului în care se formează şi acționează solidaritățile. Acestea oferă întotdeauna o bază pentru stabilirea unei identități naționale şi a unei identități lărgite, cum este cea europeană. Solidaritățile se închează în nucleele de viață socială şi politică, în rândul cărora familia ocupă un loc esențial; ele sînt propuse şi, uneori impuse, de cercul puterii care urmăreşte consolidarea şi afirmarea or-

ganismului politic pe care îl dirijează şi îl reprezintă. În orice societate, solidaritățile organice, de jos, se întîlnesc cu solidaritățile organizate, cele propuse şi infuzate de cei care conduc Statul. Atunci când solidaritățile organice dau răspunsuri aspirațiilor şi nevoilor nucleelor de solidaritate organică se formează un ciment social, care poate lăsa chiar impresia unei voințe "comune": atunci când programul propus de cercul puterii contrazice aspirațiile şi aşteptările membrilor societății apare o stare conflictuală care poate duce chiar la confruntarea violentă, aşa cum s-a întâmplat în blocul comunist" în 1989. Între armonia şi ciocnirea formelor de solidaritate se înscriu diverse tipuri de relații care influențează direct mentalitatea oamenilor şi construcția lor politică.

În cazul moldovenesc, una din cheile care deschid accesul spre înțelegerea contradicțiilor din societatea contemporană este moştenirea comunismului (un regim impus cu forța, care a înăbuşit viața politică şi a transformat arta politicii în arta parvenirii) şi trecerea care a avut loc într-un ritm mult prea rapid la un sistem de solidarități întemeiat pe valoarea politică, alegerea guvernanților şi o normalitate întemeiată pe o ordine "naturală" percepută de rațiune. Una dintre contradicțiile majore care frământă, dar şi dinamizează societatea moldovenească contemporană, este conflictul dintre tradiție şi modernitate, care, cel mai adesea este privit schematic sub forma unei ciocniri între forțe reacționare şi forțe revoluționare. Dar acest conflict a fost generat de faptul că modernismul a venit, în cazul nostru, de sus şi nu de la o societate civilă bine închegată. Tendința de a exalta tradiția, privită ca o forță capabilă să rezolve probleme cu totul noi cu mijloace vechi, sau modernitatea, privită ca o forță ce poate dezlega vechi şi noi probleme prin instaurarea proprietății şi a eficienței, nu face decât să alimenteze contradicția.

O cunoaştere a sistemului de gândire care a stat la baza vieții politice din societatea moldovenească şi a sistemului care asigură funcționarea societății contemporane ar putea armoniza tendințele moştenite cu aspirațiile curente.

Este evident că o bună analiză politologică nu poate ignora profunzimile, atitudinile transmise de la o generație la alta datorită nu unui spirit elementar, care se agață de rutină, ci unei sume de adevăruri care au asigurat dezvoltarea personalității şi o libertate autentică a spiritului.

Acest lucru poate fi referit la faptul, că în răstimp de zece ani guvernanții noştri s-au mişcat într-un câmp limitat de acțiune politică, iar activitatea economică şi culturală a fost mult prea redusă pentru a putea favoriza constituirea unei societăți înalt dezvoltate. Populația s-a dovedit a fi atât de preocupată de cultivarea limbii şi a istoriei naționale, dar nu au acordat atenția necesară educației ci-

vice şi reflecţiei politice. În asemenea condiţii, în rândul intelectualilor, şi cu atât mai mult în publicul larg, nu a răzbit ideea că politica este o ştiinţă a permanentei construcţii a vieţii în comun şi absenţa ei contribuie până la confuzia care se face între ordine publică şi autoritate politică, între interesele Statului şi calculele grupurilor politice, între respectul legii şi declaraţiile duplicitare despre Statul de drept. În marea masă, lipsită de o educaţie politică elementară, politica este în continuare o ştiinţă a iniţialilor, o artă care se deprinde şi se mânuieşte de alţii. Golită de conţinutul ei social, puterea politică a dobândit în ochii mulţimii un caracter magic. Numeroşi intelectuali consideră că treburilor publice sînt prinse într-un mecanism "murdar", de care este bine ca omul inteligent să se ferească; alţii cred că cel care posedă o diplomă are automat capacitatea de a se ocupa de gestiunea treburile politice şi că nu este nici o deosebire între un constructor de baraje şi un ministru. Şi într-un caz şi în celelalte politica se dovedeşte a fi o necunoscută care, nefiind deprinsă în şcoli, rămâne la îndemâna tuturor şi a nimănui. Se adaugă spiritul comunitar care, cu vremea, a făcut să dispară răspunderea personală (mai ales sub comunişti). Unde atenţia nu este îndreptată asupra activităţii personale şi unde lipseşte conştiinţa valorii sufletului individual, acolo este natural să stăpânească politica. De aceea moldoveanul este pasionat pentru politică. Pentru el, politica este ca o baghetă magică prin care totul se poate transforma: fericirea neamului întreg, ca şi fericirea sa personală, poate fi adusă prin politică.

Identitatea modernă este strâns legată de afirmarea şi dezvoltarea Statului naţional, precum şi de procesul de treptată secularizare a existenţei umane. Identitatea modernă s-a întemeiat pe:

- identitatea etatistă, conferită de efortul de construire şi consolidarea statului naţional făcut de clasa politică, fericită să creeze solidarităţi pe această cale şi să se legitimeze în faţa noţiunii, precum şi de cetăţenii care descoperă în stat o sursă sigură de venituri şi o sursă de putere;

- identitatea continuităţii: noile noţiuni îşi reconstruiesc o biografie nepătată, în care lupta permanentă contra adversarilor, a invadatorilor ocupă un loc central.

Identitatea rurală apare pe urmele preocupării de a evidenţia elementul "curat" din civilizaţia moldovenească şi care se sfârşeşte prin a conferi permanenţă unei stări de lucruri ce nu ţine seama de realizările lumii moderne. Clasa politică

proclamă superioritatea civilizației rurale din motive de propagandă electorală; ruralismul a fost îndreptat împotriva intelectualilor în festivitățile comuniste.[40]

Trecerea în revistă a dezbaterilor desfăşurate pe tema identității naționale ajunge la concluzia că spiritul conservator şi-a asociat din ce în ce mai greu spiritul liberal, în timp ce curentul modernist, a refuzat tot mai categoric să încerce să realizeze tradiția. Puterea comunistă a pretins că rezolvă problema propunând un alt gen de modernizare şi o altă reconstituire a tradiției, prin eliminarea spiritului ei. Rezultatul a fost hibridul care îi obsedează pe guvernanții actuali.

Important este faptul că accentul pus pe Stat şi sat nu a permis o clară dezvoltare a societății civile. În acest punct esențial, modernizarea moldovenească s-a distanțat de cea occidentală, care, mai ales în secolul al XVIII-lea, a fost propulsat de inițiativele individuale şi de grup. Ideea că formele moderne pot fi impuse de către stat în societatea moldovenească nu a provocat doar o criză a formelor fără fond: ea a consolidat puterea centrală, în loc să favorizeze descentralizarea şi răspunderea personală. În aceste condiții, politica a rămas apanajul celor puternici, iar consensul a fost realizat prin supunere. Problema politică a luat dimensiuni dramatice tocmai datorită faptului că vechile solidarități, întemeiate pe familie ca model dominat şi pe răspunderea puterii de a ocroti şi apăra pe cei slabi, au început să fie dezvoltate de noile forme de viață impuse de dezvoltarea comerțului, a industriei, a unei economii de piață.

Noile solidarități au fost prea puțin analizate şi supuse discuției publice. Relația dintre individualism şi comunitarism nu a fost discutată într-un context mai larg, ci a provocat luări de atitudine în favoarea unui termen sau altul, sub impulsul emoțiilor. Individualismul a fost suprapus peste occidentalizare, iar comunitarismul a primit sprijinul celor de la putere. Nu este de mirare că, în această permanentă tensiune emoțională, ideologia naționalistă a început să producă utopii care s-au instalat în imaginarul moldav modern.

În locul unei analize raționale, s-a preferat fie imitația, fie nostalgia şi referirea la un trecut idealizat, considerat a mai fi viu în satul moldovenesc. Adeziunea la civilizația europeană rămâne mai curând sentimentală decât gândită şi înfăptuită. Construcția politică a fost asumată de centrul puterii, care a cunoscut prea puțin o alternanță de programe diferite, ci a devenit un punct magic care alimentează continuu lupta pentru putere.

---

[40] *Byg Heifner C. J. An Identification of the Capacity for Instituion Building within the Civil Society, Sector of Romania, V-th Annual Convention of the Association for the Study of Nationalities, Columbia University, New York, 2000.*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ НОВЫХ ФОРМ КРЕДИТНО-ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Руслан ДИМИТРИЕВ
Республика Молдова
Молдавский госуниверситет
Факультет международных отношений,
Политических и административных наук
Кафедра политологии
преподаватель

В основе данной статьи лежит тезис о том, что дальнейшее развитие отношений по кредитованию индивидуального предпринимательства в Молдове не может идти без практического внедрения новых форм кредитно-договорных отношений. Только законодательным поощрением новых форм кредитования индивидуальных предпринимателей возможно создание условий для развития добросовестной конкуренции на кредитном рынке и прогресса кредитно-договорных отношений. Только таким образом мы сможем решить проблему «финансового голода» индивидуальных предпринимателей. Отсутствие возможности выбора различных источников финансирования текущих расходов заставляет индивидуальных предпринимателей соглашаться с условиями, нередко невыгодными и навязываемыми банками. К сожалению, наше законодательство пока не предусматривает возможностей кредитования субъектами, не входящими в банковскую систему. Необходимость их внедрения будет продемонстрирована нами на основе опыта других государств.

8 декабря 1995 года в России был принят Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации», который предусмотрел возможность создания кредитных кооперативов. Таким путем законодатель предоставил сельскохозяйственным производителям, осуществляющим или намеревающимся осуществлять предпринимательскую деятельность, возможность выбора между кредитными организациями и кредитными кооперативами как основными источниками финансирования собственной деятельности. О том, что собой представляют кредитные кооперативы, а также об эффектив-

ности их деятельности можно судить по материалам некоторых социологических исследований.

В качестве мотивации создания кредитного кооператива служит желание сельских предпринимателей и жителей оказать взаимопомощь, а также "отсутствие в административно-территориальных единицах финансовых структур, способных реально кредитовать сельское хозяйство"[41]. При вступлении в кредитный кооператив члены вносят вступительный взнос, который впоследствии не возвращается и используется на покрытие административных издержек. Вступительный взнос, как правило, равен для всех, однако возможна ситуация отличия суммы в зависимости от того, кем является член кооператива (индивидуальным предпринимателем, просто гражданином или юридическим лицом). Каждый член кооператива должен внести паевой взнос, который в случае его выхода из кооператива возвращается в полном размере.

В некоторых кооперативах пай делится на обязательный и дополнительный. Дополнительный паевой взнос (или личные сбережения членов) не одинаков, так как решение о его внесении самостоятельно принимает каждый пайщик. На него, в отличие от обязательного паевого взноса, начисляются проценты, и поэтому член кооператива волен увеличивать или уменьшать его в зависимости от своих текущих финансовых возможностей.

Кредитные кооперативы вправе брать кредиты в банках. Соотношение собственных и заемных средств в среднем составляет 85% и 15%. Это свидетельствует о низком рейтинге кредитных кооперативов как заемщиков в глазах банковских и иных внешних финансирующих организаций по причине их низкой капитализации. Еще одна причина низкого процента заемных средств состоит в том, что члены кооператива имеют довольно скромные потребности в кредите, и им просто не нужно привлекать средства извне.

Кредитные кооперативы практически не занимаются выдачей долгосрочных кредитов. Это объясняется, во-первых, тем, что в условиях макроэкономической нестабильности трудно управлять финансовыми рисками, во-вторых, тем, что выдача долгосрочных кредитов в кооперативах с до-

[41] *Следует отметить, что даже проекты Европейского банка реконструкции и развития по поддержке малого бизнеса в странах Центральной и Юго-Восточной Европы первоначально не были рассчитаны на финансирование сельского хозяйства.*

статочно небольшим размером собственного капитала, значительно бы снизила оборот, а удельный вес заемных средств не позволяет решить эту проблему за счет внешних источников. Кредиты выдаются на средний срок 3 месяца при колебании процентов за взятую сумму в диапазоне от 30 до 72% в зависимости от учетной ставки. Ссуды, выдаваемые кредитными кооперативами, отличает высокий процент возврата (до 96%), пролонгации (до 50%) и крайне низкий процент просрочки (около 1%). Средние сроки оформления кредита в большинстве кооперативов – 1 день, тогда как процесс рассмотрения заявок и оформление сельскохозяйственных кредитов в банках занимает обычно от 2 недель до месяца.

Сумма выдаваемого кредита зависит от многих факторов, наиболее значимыми из которых являются особое доверие к заемщику, его кредитная история, эффективность его производства, наличие достаточного обеспечения и сроки предоставления кредита. Несмотря на то, что Законом разрешается выдавать кредит под личное доверие и поручительство членов без залога, в качестве обеспечения в кооперативах требуют залог, размер которого должен составлять в среднем 160% от выданного кредита. Залогом может служить техника, инвентарь, продукция на складе и продукция будущего урожая, автомобиль, ценные вещи и бумаги. Практически не принимаются в залог земельные участки.

Среди основных преимуществ по сравнению с банками и иными финансовыми институтами кредитные кооперативы отличает:

- надежность, основывающаяся на взаимном доверии членов друг к другу;

- неформальное и быстрое рассмотрение заявок, получение кредитов в короткие сроки, что способствует их быстрому обороту;

- размещение средств кооператива в низкорискованных финансовых институтах;

- прозрачность работы кооператива, непосредственное участие членов в управлении кооперативом;

- доступность для сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Кроме того, кооперативы ощущают поддержку государственных структур и местной администрации и, хотя не имеют никаких льгот по налогообложению, пользуются некоторыми пониженными требованиями к финансовым нормативам по сравнению с банками (например, кредитные кооперативы не должны соблюдать требование минимального уставного капитала и обязательного резервирования средств в Центробанке, так как вы-

ведены из-под банковского законодательства; не платят налога на прибыль, являясь потребительскими организациями).

Кредитный кооператив привлекает индивидуальных предпринимателей, прежде всего, более гибкими условиями по формам погашения кредита (например, товарной продукцией), а также более низкой ставкой по кредитам по сравнению с банковской. Не менее важно для этой группы заемщиков то, что рассмотрение заявок и оформление кредитов осуществляется в короткие сроки, что способствует их быстрому обороту. Многие кооперативы практикуют также возможность пересмотра условий договора предоставления кредитов.

Будучи созданными в форме потребительских кооперативов (а следовательно являясь некоммерческими организациями), кредитные кооперативы призваны удовлетворять финансовые потребности членов кооператива путем кредитования и сбережения средств последних. Однако, по мнению некоторых авторов[42], в России теперь существует законодательная проблема. Поскольку кредитный договор по законодательству России является возмездным, а следовательно операции кредитования будут приносить прибыль кредитному кооперативу, как может заниматься кредитованием некоммерческая организация? Ведь, как известно, извлечение прибыли не может быть целью некоммерческой организации. Мы хотели бы привести несколько аргументов, поясняющих данную ситуацию и выражающих наше несогласие с данной позицией.

Мы полагаем, что кредитный кооператив, будучи некоммерческой организацией может заниматься кредитованием своих членов (в данном случае – руководителей крестьянских (фермерских) хозяйств). Мы согласны с тем, что кредитный договор возмезден. Но ведь кредитные кооперативы могут предоставлять ссуды безвозмездно. Хотя данные ссуды с юридической точки зрения представляют собой не кредиты, а обычные займы. А займы некоммерческая организация предоставлять может. Таким образом, уже этот аргумент обосновывает возможность кредитного кооператива (хотя в этом смысле кредитный кооператив лучше было бы назвать “заемным” кооперативом) заниматься той деятельностью, которой он занимается.

Как же быть с ситуацией, когда кредитный кооператив все-таки предоставляет ссуды своим членам возмездно? Становится ли в этом случае

---

[42] *Закиров В. Цель деятельности кредитных кооперативов // Хозяйство и право. – 1999. № 7. – С. 104.*

кредитный кооператив коммерческой организацией. Конечно же, для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к российскому законодательству. Российское законодательство (ст. 50 Гражданский Кодекс Российской Федерации), (как впрочем и законодательство Республики Молдова (ст. 24 Гражданский Кодекс Республики Молдова) признает коммерческими те организации, которые в качестве своей основной цели преследуют извлечение прибыли (предполагается и ее распределение между участниками). Вышеуказанный автор (см. сноску), в дополнение к законодательной регламентации, также отмечает, что для признания за организацией статуса коммерческой недостаточно лишь цели извлечения прибыли. Необходимо, чтобы организация эту прибыль фактически получала.

В том, что касается основной цели кредитного кооператива, то ею является не получение прибыли, а именно финансирование предпринимательских расходов членов. Получение кооперативом прибыли, даже в виде процентов по кредитов, *служит* достижению основной цели. Таким образом, на основании возмездности кредитного договора, кредитный кооператив не может быть признан коммерческой организацией. Другое дело в фактическом применении данной формы деятельности, когда под потребительскими кооперативами нередко скрываются организации по извлечению прибыли. Во-вторых, мы категорически не согласны со вторым утверждением, поскольку оно фактически означает, что в те периоды, когда коммерческая организация по каким-либо причинам прибыли не получает, она перестает быть коммерческой.

В настоящее время в отношении кредитных кооперативов в российском законодательстве выявились две основные тенденции: исключить из общего банковского законодательного регулирования учреждения мелкого сельскохозяйственного кредита, основанные на кооперативных принципах, либо - создавать банковские учреждения в форме кооператива. Мы считаем второе предложение (которое, в частности, одобрено Ассоциацией российских банков) неприемлемым. Во-первых, поскольку фактическая деятельность кредитных кооперативов по всем своим юридическим характеристикам крайне отдаленно напоминает банковскую, во-вторых, поскольку законодательно установленная организационно-правовая форма банков (акционерные общества – у нас, общества с ограниченной (и дополнительной) ответственностью и акционерных обществ – в России) полностью удовлетворяет требованиям потенциальных возможностей любой кредитной организации.

Помимо кредитных кооперативов, альтернативой банковским учреждениям в зарубежных государствах являются **кредитные союзы**. В России, однако, кредитные союзы расположены только в городах и их пайщиками являются граждане как физические лица, которые объединяются исключительно для предоставления друг другу кредитов на чисто потребительские нужды (покупка холодильника, телевизора, автомашины). Малый бизнес и индивидуальных предпринимателей кредитные союзы не кредитуют, так как не хотят рисковать своими средствами, вкладывая их в реальное производство.

В отличие от России, в некоторых западных государствах (например, в США) кредитные союзы, работающие в районах проживания людей с низкими доходами поощряются государством как мера стимулирования инициативы граждан быть вовлеченными в индивидуальную предпринимательскую деятельность.

Программы по поощрению индивидуальной предпринимательской деятельности, действующие в рамках кредитных союзов в США, можно разделить на несколько категорий:

- первая – федеральные кредиты малому бизнесу. Эти кредиты обеспечены гарантиями правительственного федерального агентства малого бизнеса, то есть поддержка в ней оказывается на централизованном уровне;

- вторая - счета развития индивидуального микропредпринимательства, когда сумма на счете предпринимателя по истечении определенного срока увеличивается, например, в два раза. Это программа штата, для которой открывается специальный счет;

- третья категория программ предусматривает небольшие гранты для микропредпринимателей. Это программа администрации района, где действует кредитный союз;

- четвертая - это программа деятельности самого кредитного союза, который обеспечивает финансовыми услугами жителей своего района, а также работает с людьми, имеющими низкий доход. Данная деятельность освобождается от уплаты всех видов налогов и имеет некоторые другие льготы в отличие от кредитных союзов, работающих в благополучных районах. Расширение доступа к финансовым услугам помогает работающим людям с низкими доходами приобрести и сохранить материальное благополучие, более полно участвуя в экономике своей страны.

Люди, получающие кредиты, проходят в кредитном союзе специальные экономические курсы и получают консультации, помогающие пре-

успеть в собственном деле. Специалистами подсчитано, что каждый федеральный доллар, инвестированный в такие программы, возвращается в экономику пятью долларами дохода в форме нового бизнеса, увеличения заработной платы, новых и реконструированных жилищ, уменьшения расходов на социальное обеспечение и роста количества людей, получивших среднее профессиональное и высшее образование.

Правительство, утверждая программы поддержки индивидуального предпринимательства, напрямую никого не финансирует. Оно обращается за помощью к кредитным союзам. Часто подобные организации создаются на месте закрывшихся банков и принимают весомое участие, как в государственных делах, так и в делах сообществ, созданных самими кредитными союзами.

Кроме правительства финансовую поддержку всех программ для малообеспеченных людей в рамках кредитных союзов осуществляют многочисленные частные фонды, действующие на разном уровне с различными группами населения. Например, есть фонды, которые работают по всей стране, есть работающие только в одном или нескольких городах, районах.

В 1998 году Конгресс США принял закон, по которому кредитный союз после трех лет существования должен иметь собственный капитал, равный не менее 6% от привлеченных средств. Невыполнение этих пропорций ведет к ликвидации или реорганизации кредитного союза. Думается что, с одной стороны, данный закон защищает права членов кредитных союзов, с другой - он искусственно создает монополию уже существующих кредитных союзов, что является угрозой свободе предпринимательства.

Наличие разных видов кредитных союзов усиливает конкуренцию между ними. В стране, где существует надежная система страхования депозитов, принятие этого закона можно объяснить только усиливающейся конкуренцией между банками и кредитными союзами. Наличие разных видов кредитных институтов в финансовой системе страны обеспечивает доступ большинства индивидуальных предпринимателей к денежным ресурсам, ускоряет оборот товаров и услуг, улучшает экономическую ситуацию.

Руководит кредитными союзами в США Национальная Федерация кредитных союзов. Внутри своей системы она обеспечивает помощь союзам в увеличении их капитала во многих формах, размещая депозиты, вторичный капитал, гранты для увеличения резервных сумм и специальных

программ помощи для людей с недостаточными доходами, действующими в кредитных союзах.

Для капитализационных целей проводится большая работа с различными спонсорами по привлечению денег. Федерация также занимается обучением и тренингом персонала кредитных союзов, не только входящих в федерацию, но и других; помогает во внедрении в кредитных союзах специальных программ борьбы с бедностью, таких, как приведенная выше система специальных счетов, поднимающих уровень благосостояния работающих людей с низкими доходами; участвует в развитии сети кредитных союзов, работающих с группами людей, объединенных по разным признакам, например, верующих, испано-говорящих и т.п.; работает с кредитными союзами по программе привлечения в члены кредитных союзов молодежи, в том числе и школьников.

Таким образом, происходит взаимодействие правительства и частных организаций, объединенных одной целью - борьбой с бедностью[43]. Очень многое из этого опыта, адаптировав к нашим условиям, мы можем использовать и в Молдове. Вопрос повышения материального благосостояния населения у нас острее, чем в богатых и благополучных США.

Следующей новой формой кредитно-договорных отношений, является кредитование при участии **сберегательно-заемных ассоциаций.** В отличие от кредитных кооперативов и кредитных союзов, сберегательно-заемные ассоциации нашли свое применение в Молдове. Данная форма правоотношений регулируется Законом Республики Молдова № 1505-XIII от 18 февраля 1998 г. «О сберегательно-заемных ассоциациях граждан» (Monitorul Oficial № 38-39 от 30 апреля 1998 г. – далее - Закон) [44].

---

[43] *Скрябина Г. Кредитные союзы: опыт запада // Аргументы и факты на Севере. – 2000. - №7.*

[44] *Государственной программой поддержки малого бизнеса на 1999-2000 годы, утвержденной Постановлением Правительства РМ № 750 от 5 августа 1999 г. «О Государственной программе поддержки малого бизнеса на 1999-2000 годы» (Monitorul Oficial № 87-89 от 12 августа 1999 г.), срок действия которой был продлен на 2001 г. Постановлением Правительства РМ №208 от 20 марта 2001 г. «О ходе выполнения государственной программы поддержки малого бизнеса на 1999-2000 годы» (Monitorul Oficial № 35-38 от 20 марта 2001 г.) было предусмотрено создание сберегательно-заемных ассоциаций предприятий. Однако до сегодняшнего дня данная инициатива не нашла своего практического воплощения.*

Данная форма организации финансовой деятельности, подобно кредитным кооперативам в России, выведена законодательством Республики Молдова из-под действия нормативных актов, регулирующих деятельность финансовых учреждений (ч.2 ст.2 Закона). Сберегательно-заемная ассоциация граждан представляет собой некоммерческую организацию со специальным юридическим статусом, принимающая личные сбережения в качестве вкладов от своих членов и предоставляющая им целевые займы.

Данная форма финансовой деятельности как нельзя более соответствует идее поддержки индивидуальных предпринимателей, поскольку содействие предпринимательской деятельности членов ассоциации определяется в качестве ее основной цели (ст. 4 Закона). Данная цель, наряду с запретом распределения прибыли между членами ассоциации, указывает на ее некоммерческий характер.

Теперь обратим внимание на название ассоциации. Понятие “сберегательно-заемная” предполагает две основных формы деятельности организации: сбережение вкладов ее членов и предоставление им займов. Нас интересует вторая часть содержания понятия. Итак, сберегательно-заемная ассоциация вправе предоставлять займы. В законе ничего не говориться о кредитах. Почему мы включаем правоотношения с участием сберегательно-заемных ассоциаций в главу о кредитовании индивидуального предпринимательства?

Выше мы уже останавливались на вопросе отличия займа от кредита. Ст. 31 Закона, говоря о порядке предоставления займа, а также ст. 18 Закона, предусматривая ответственность за невозврат в срок займа, указывает на наличие процентов в договоре. Следовательно, займы, предоставляемые ассоциацией могут быть возмездными, как и кредит. Основное отличие состоит в реальности договора, заключаемого между ассоциацией и индивидуальным предпринимателем, что позволяет нам рассматривать в данной главе указанные отношения как о правоотношения по предоставлению “реального кредита”.

Считаем, что дискуссии по поводу правомочности употребления указанного понятия в данном случае излишни, тем более, что специальная литература, в особенности западная, говоря о кредите, часто называет его “консенсуальным займом”. Для нас существенным является факт предоставления финансовых средств со специфической целью – поощрение осуществления индивидуальной предпринимательской деятельности.

Как участвуют индивидуальные предприниматели в договорах о предоставлении денежных средств, когда кредитором является сберегательно-заемная ассоциация? Анализ действующего законодательства о сберегательно-заемных ассоциациях позволил нам выделить следующие основные особенности:

- во-первых, строго лимитированный круг лиц, могущих стать стороной договора займа. Данный круг ограничен членами ассоциации. Иными словами, для того, чтобы индивидуальный предприниматель – не член ассоциации – смог получить заем, ему необходимо вступить в организацию. Несмотря на то, что членами индивидуального предприятия признаются и члены семьи учредителя, они не могут быть стороной договора займа, если членом ассоциации является только учредитель;

- во-вторых, членом ассоциации может быть лишь индивидуальный предприниматель, проживающий в селе (коммуне), городе (муниципии), в пределах которого действует ассоциация. Это объясняется территориальной общностью членов ассоциации. Законодатель не определяет критерия определения территориальной общности, поэтому, несмотря на то, что сберегательно-заемная ассоциация организуется в селе, ее членами могут быть индивидуальные предприниматели из соседних административно-территориальных единиц (сел, входящих в коммуну). Закон требует указания в уставе лишь места нахождения ассоциации, но никак не ее территориальной сферы деятельности. Помимо этого изменение места жительства может (но не должно) служить основанием для исключения из членства ассоциации (ч.4 ст.20 Закона);

в-третьих, членами ассоциации не могут быть индивидуальные предприниматели – граждане других государств. Как мы указывали ранее, законодательство Республики Молдова позволяет иностранным гражданам осуществлять предпринимательскую деятельность на территории страны. Однако, сберегательно-заемные ассоциации создаются для кредитования исключительно граждан Республики Молдова и лиц без гражданства.

Нам такое положение представляется неправильным. Почему бы не позволить иностранным гражданам, постоянно проживающим на территории Республики Молдова и имеющим свободные финансовые средства для поддержки индивидуального предпринимательства в нашей стране, быть членами ассоциации. Чем данная форма финансирования хуже существующих в рамках зарубежных программ поддержки малого бизнеса в Молдове?

в-четвертых, индивидуальный предприниматель может получить лишь целевой заем. Это означает, что ему необходимо обосновать перед руководящим органом ассоциации необходимость получения займа конкретного назначения, а также реальности его погашения. Следует отметить, что на практике, сберегательно-заемные ассоциации редко контролируют использование займа на указанные заемщиком цели. Такое положение встречается и в рамках банковской системы. Зачастую это объясняется первостепенностью получения прибыли перед другими целями организации;

в-пятых, участие индивидуального предпринимателя в ассоциации предполагает его неограниченную ответственность. Заем может выдаваться под залог личных сбережений, вложенных в ассоциацию и процентов по ним, а также под залог доли в капитале ассоциации. Ст.18 Закона предусматривает возможность погашения займа за счет другого имущества члена ассоциации, не указывая, какого именно. Таким образом, закон сделал ответственность заемщика по долгам за непогашенный заем практически неограниченной;

в-шестых, индивидуальный предприниматель может участвовать в деятельности по предоставлению займов самой сберегательно-заемной ассоциации. Таким образом, он имеет возможность получать доход как от предоставления взаймы денежных средств ассоциации (в виде процентов по займу), так и как член ассоциации (в виде процентов по вкладу);

в-седьмых, членство в сберегательно-заемной ассоциации не позволяет индивидуальному предпринимателю получить два и более займа. До полного возврата полученного от ассоциации займа следующий заем ему не предоставляется. Таким образом, данной форме кредитования не свойственно то, что в банковской практике называется открытой кредитной линией;

наконец, для получения займа, индивидуальному предпринимателю нет необходимости открывать счет в банке. Заем может быть получен и наличными.

Помимо этого, у сберегательно-заемной ассоциации есть еще несколько преимуществ для индивидуального предпринимателя, которые непосредственно не связаны с кредитованием. Сберегательно-заемная ассоциация представляет собой очень выгодное вложение средств в основной капитал, поскольку, выходя из ассоциации, индивидуальный предприниматель получает не только свой пай, но и денежную стоимость части имущества ассоциации, пропорциональную его доле в капитале ассоциации.

В то же время, данное правило не действует, если индивидуальный предприниматель исключается из ассоциации. В данном случае он вправе претендовать лишь на свою долю в капитале. Необходимо также отметить и такую особенность, как то, что заем может получить любой член ассоциации, который на момент получения денежных средств не является предпринимателем. Последующее приобретение статуса предпринимателя не препятствует получению новых средств для продолжения предпринимательской деятельности, при условии погашения предыдущего займа.

В республике нет сберегательно-заемных ассоциаций индивидуальных предпринимателей. Наше предложение состоит в том, чтобы создать законодательные условия вовлечения индивидуальных предпринимателей в механизм самокредитования путем использования сберегательно-заемных ассоциаций. Этому могли бы служить изменения в действующий Закон «О сберегательно-заемных ассоциациях» либо принятие нового нормативного акта «О сберегательно-заемных ассоциациях индивидуальных предпринимателей».

Доступ к микрокредитам имеет особое значение для создания рабочих мест и борьбы с бедностью в Республике Молдова. С этой точки зрения социально важным является появление на рынке компаний типа «Micro Entreprise Credit (MEC) din Moldova» S.A. предоставляющих возможность малому бизнесу оперативно получать кредиты (от 100 до 100.000 долларов США) на доступных и выгодных по сравнению с коммерческими банками условиях. Руководство компании неоднократно отмечало, что «Micro Entreprise Credit din Moldova» S.A. (где акционерами, в частности, являются Европейский Банк Реконструкции и Развития (EBRD), Международная Финансовая Корпорация (IFC), Western NIS Enterprise Fund, DOEN – Foundation, Internationale Micro Investitionen – IMI) преследует, прежде всего, социальные цели. Задача извлечения прибыли не ставится на первый план. Гибкая политика, проводимая «Micro Entreprise Credit (MEC) din Moldova» S.A. способствует популяризации микрокредитования в Молдове. Об этом говорит хотя бы тот факт, что более 90 процентов предпринимателей, полу-чивших кредиты у MEC, впервые обратились за кредитом в финансовое уч-реждение.

Государственная программа поддержки малого бизнеса в Республике Молдова на 1999-2000 годы, указывая на то, что предоставление микрокредитов через коммерческие банки требует больших затрат, предусматривает необходимость создания соответствующих государственных и част-

ных структур, для решения этой проблемы. В этой связи программа наметила:

- накопление финансовых ресурсом Фондом поддержки предпринимательства и развития малого бизнеса;

- формирование гарантийно-кредитных фондов инвестиционных проектов;

- создание сберегательно-заемных ассоциаций предприятий.

Полагаем, что внедрение кредитных кооперативов, кредитных союзов, а также создание законодательных основ для деятельности сберегательно-заемных ассоциаций индивидуальных предпринимателей, могли бы способствовать реализации данной программы.

REGLEMENTAREA DE STAT A ASIGURĂRII CA GARANȚIEI DE EXECUTARE A CONTRACTELOR DE CREDIT ÎN MOLDOVA

Ruslan DIMITRIEV
Republica Moldova, Chişinău
Universitatea de Stat din Moldova
Facultatea relații internaționale,
ştiințe politice şi administrative
Catedra politologie
Lector

Alexandru CIORNÎI
Republica Moldova, Chişinău
Vama "Chişinău – aeroport"
jurist

Legislația Republicii Moldova (art. 165 al Codului Civil), enumerând modalitățile de garanție a executării obligațiilor contractuale stabileşte, că asigurarea executării obligațiilor "poate" să se efectueze prin intermediul mai multor procedee, exprimând prin aceasta caracterul deschis al listei modalităților de asigurare. Aceasta înseamnă, că la încheierea contractului de credit părțile pot

aplica diferite scheme juridice cu folosirea construcțiilor logice, care sunt prevăzute sau nu contravin legislației în vigoare.

Contractul de asigurare se examinează ca una din astfel de construcții, cunoscută de legislație în vigoare şi folosită în practica autohtonă şi internațională în calitate de modalitate de asigurare a obligațiilor în cadrul contractului de credit[45].

Scopul asigurării nu constă în stimularea executării obligațiilor, ci în garantarea respectării intereselor instituției-creditorului. Astfel, consecințele nerespectării clauzelor contractuale se transferă dintr-o sferă în alta. Vom demonstra dinamica dezvoltării procesului dat.

Conform art. 18 al Codului Civil al Republicii Moldova asiguratul se obligă să plătească asiguratorului rata de asigurare, iar ultimul îşi asumă obligația, în cazul survenirii cazului de asigurare, să transfere asiguratului compensația de asigurare în mărimea stabilită de contract.

În calitate de garanție a îndeplinirii obligațiilor în cadrul contractului de credit, în prezent se folosesc două modalități de asigurare: asigurarea răspunderii debitorului pentru neîndeplinirea obligațiilor financiare şi asigurarea riscului creditorului de neîndeplinire a obligațiilor de către debitorii lui. Ambele procedee pot fi calificate ca modalitățile de asigurare benevolă, prevăzute de art. 4 al Legii "Cu privire la asigurări". Reieşind, însă, din legislația în vigoare, este destul de complicat de numit asigurarea în cauză drept patrimonială. Asigurarea în baza contractului de credit este complicat de determinat reieşind din noțiunile existente ale legislației.

Faptul, că asigurarea în cauză nu poate fi numită drept patrimonială este posibil de argumentat prin art.35 al Legii "Cu privire la asigurări", conform căruia, asiguratorul restituie asiguratului sau beneficiarului paguba materială, cauzată în urma cataclismelor naturale, accidentelor sau faptelor ilegitime, comise de către terțele persoane. Imposibilitatea plății sumelor necesare de către debitor poate să nu se încadreze nici într-o cauză enumerată. Cu atât mai mult asigurarea în cauză nu poate fi considerată drept asigurarea personală sau asigurarea răspunderii civile.

După părerea noastră, asigurarea executării obligațiilor în baza contractului de credit trebuie să constituie o subcategorie aparte în cadrul asigurării patrimo-

---

[45] *Vom sublinia, că Legea "Cu privire la asigurări" nr. 1508 din 15 iunie 1993 ("Monitorul Oficial", №5 din 15 septembrie 1994) nu prevede o astfel de modalitate a garanției obligațiilor ca asigurarea riscurilor de credit*

niale. Însă pentru o astfel de recunoaştere este necesar de introdus modificările respective în legislaţie. În cazul dat riscul neexecutării obligaţiilor de către creditor s-ar încadra în categoria riscurilor pierderilor din activitatea de antreprenoriat din cauza neîndeplinirii obligaţiilor de către antreprenorii-contragenţi, sau modificării condiţiilor acestei activităţi din cauzele, care nu depind de întreprinzător, inclusiv şi riscul de neobţinere a beneficiului.

Ne vom întoarce la două modalităţi ale contractului de asigurare, aplicate în practică.

Contractul de asigurare a răspunderii creditorului pentru neîndeplinirea obligaţiilor în cadrul contractului de credit. Contractul în cauză se încheie între creditor şi organizaţia de asigurare. Organizaţia de asigurare se obligă în faţa debitorului să compenseze creditorului datoria primului de a transmite sumele prevăzute de contract, în cazul imposibilităţii debitorului de a le transfera. Debitorul, la rândul său, se obligă de a plăti rata de asigurare şi de a îndeplini alte obligaţii, prevăzute de legislaţie.

Practica judiciară existentă ne demonstrează, că organizaţiile de asigurare prin toate căile posibile, folosind prevederile legislaţiei şi clauzele contractuale, se eschivează de la răspunderea în baza contractului de asigurare. Aceasta se explică prin faptul, că atât legislaţia în vigoare, cît şi, practic, toate contractele de asigurare prevăd obligaţiile asiguratului, neexecutarea cărora duce la posibilitatea rezilierii contractului din iniţiativa asiguratorului. Cu aceasta dispare garanţia executării contractului de credit între debitor şi creditor. Vom explica, cum se efectuează aceasta, şi de ce contractul de asigurare devine mai puţin atractiv în lume.

În primul rând, compensaţia de asigurare se stabileşte în mărimea de la 50 până la 90% din suma, care trebuie restituită în baza contractului de credit. Astfel, chiar dacă ea va fi plătită, compensaţia de asigurare nu acoperă creditorului dauna cauzată.

În cel de al doilea rând există un complex întreg al clauzelor, care permit asigurătorului de a refuza îndeplinirea obligaţiilor. De regulă ele toate sunt legate de acţiunile premeditate ale asiguratului, şi în particular:

- faptul, că în perioada acţiunii contractului de asigurare s-au petrecut schimbările, care majorez esenţial riscul de asigurare. Asigurătorul este în drept să ceară rezilierea contractului în cazul în care asiguratul refuză de a revizui prevederile lui sau să plătească suma adăugătoare a ratei de asigurare. Mai mult ca atât, în cazul în care asiguratul nu la timp l-a înştiinţat pe asigurător despre creş-

terea gradului de asigurare, asigurătorul are dreptul să ceară rezilierea contractului cu restituirea pagubelor;

- comunicarea de către asigurat a datelor premeditat false la încheierea contractului, care au însemnătatea esențială pentru determinarea probabilității survenirii cazului de asigurare, precum şi a mărimii pagubelor posibile (riscului de asigurare), în cazul în care circumstanțele în cauză nu sânt cunoscute şi nu pot fi cunoscute de către asigurător;

- neînștiințarea asigurătorului de către asigurat despre survenirea cazului de asigurare. Dacă în contractul de asigurare este prevăzut termenul şi modalitatea înștiințării, ea trebuie să fie efectuată prin modalitatea prevăzută. Neexecutarea acestei obligații de către asigurat îi oferă asigurătorului posibilitatea juridică de a refuza plata compensației de asigurare. Anume clauza dată deseori duce la imposibilitatea cererii de la asigurător a sumei de asigurare;

- survenirea cazului de asigurare în urma intenției asiguratului sau a beneficiarului.

Anume aceste precum şi alte circumstanțe duc la reducerea atractivității asigurării riscurilor de neexecutare a obligațiilor în cadru contractului de credit.

În literatura de specialitate există părerea, că astfel de contracte nu pot fi considerate drept contractele de asigurare. În primul rând, din cauza, că orice contract de asigurare presupune existența riscului ca atribut indispensabil al tranzacției. Riscul trebuie să poarte atât asigurătorul cât şi asiguratul. Organizația-asigurătorul, după părerea lor, în cazul contractului de credit nu poartă nici un risc. În al doilea rând, contractul de asigurare a obligațiilor în cadrul creditului nu prevede interesul asigurătorului, deoarece debitorul totuna va plăti lui suma compensației de asigurare. Iar fără un interes material nu poate exista nici o asigurare.

Noi suntem de acord cu părerea dată din unele considerente. Într-adevăr, contractul, despre care vorbesc autorii nu poate fi considerat drept contract de asigurare deja din cauza criteriului lipsei interesului. Sensul contractului de asigurare pentru asigurat constă în faptul că, transferând o rată relativ neesențială, el obține o compensație considerabilă. În cazul, descris de autori, asiguratul nu are un asemenea interes, ceea ce contravine însăşi esenței contractului de asigurare. Suntem de acord, de asemenea, că în cazul descris interesul de asigurare nu are şi organizația (asigurătorul). Vom sublinia – în cazul descris.

Noi, însă, vorbim despre cazul general de folosire a contractului de asigurare ca măsurii de garanție a asigurării executării contractului de credit. Situațiile descrise mai mult seamănă cu contractul de mandat. Însă ele nu pot fi contractele

de mandat, deoarece ultimele se încheie între mandant şi creditorul altei persoane (în cazul de faţă între debitor şi organizaţia de asigurare).

Practica cunoaşte cazurile când organizaţiile de asigurare refuzau plata compensaţiei de asigurare în baza faptului, că între creditor şi asigurător nu există relaţii juridice. Pentru a evita situaţiile în cauză, debitorul încheie o tranzacţie atât cu asigurător cît şi cu creditor.

Apare întrebarea, de ce creditorul nu încheie contractul de asigurare cu asigurătorul de sine stătător? O asemenea practică există. Este vorba de *contractul de asigurare a riscurilor neîndeplinirii obligaţiilor de către debitori.* Creditorul asigură executarea obligaţiilor unor categorii sau a tuturor debitorilor. După încheierea contractului dat organizaţia de asigurare are dreptul de regres faţă de toţi debitorii. Încheierea unor astfel de contracte, însă, este complicat de numit "asigurare" (din punct de vedere juridic ele sunt asemănătoare cu contractul de cesiune).

În practica internaţională o astfel de asigurare se consideră destul de neprestigioasă, deoarece marturiseşte despre faptul că creditorul nu poate să aprecieze şi să minimizeze pierderile proprii. Aceasta înseamnă, că ori contractul este imperfect, ori organizaţia activează neprofesional.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ НЕЗАВИСИМОСТИ.

Анатолий ГУДЫМ
Кишинэу, Республика Молдова
Центр стратегических исследований и реформ
Директор, доктор

Процессом перехода от централизованно планируемой к рыносной экономике охвачено около 20 стран европы. Республика Молдова – одна из них. За точку отсчета переходного периода обычно принимают 1989 год (начиная с Польши), хотя попытки реформирования социалистических экономик предпринимались еще в 60-е годы.

В Молдове после известных процедур перестройки в бывшем СССР (наиболее радикальной из которых в экономике был Закон о государственном предприятии», 1988), были разработаны и утверждены Парла-

ментом (Верховным Советом МССР) сначала «Концепция перехода к регулируемой (!) рыночной экономике» (1990), а затем «Программа перехода к рыночной экономике в ССР Молдова» (1991), в преамбуле которой высказывалась надежда, что «весьма сложный путь перехода к рынку предполагается пройти в возможно короткий срок, примерно в 1,5 – 2 года».

Прогноз оказался далеким от реальностей. С той поры, по прошествии 10 лет с участием трех президентов, четырех парламентов и девяти правительств страна накапливает опыт трансформации: сначала на стадии инициативного поиска путей и методов общей либерализации экономики, затем, с 1993 года (в тесном сотрудничестве с МВФ и Всемирным Банком), ориентируясь в качестве первоочередных задач на макроэкономическую стабилизацию и реформирование собственности. После регионального финансового кризиса (1998), при сохранении требования макростабилизации акцент был смещен на поле струтктурных реформ – реструктуризация промышленных предприятий, аграрная реформа, реорганизация систем госуправления, образования, здравохранения и социальной поддержки.

Наконец, в 2001 году с приходом к власти левых сил (партия коммунистов) на фоне затяжной депрессии в экономике и разрастающейся зоне бедности на первый план выдвинута задача расширения государственного участия в экономике: «государство становится полноправным участником рынка и рыночных отношений и придает социальную направленность проводимым реформам».[46]

Начало трансформации, первые успехи

Исходные условия для проведения реформ были осложнены в Молдове с начала '90-х годов не только политической напряженностью, территориальным расчленением страны (Транснистрия), но и быстрым саморазрушением экономики по причине гиперинфляции, разрыва производственных связей в рамках бывшего Союза, оттока квалифицированных кадров, удорожания импортируемых энергоресурсов и сырья, потери рынков сбыта.

Тем не менее, уже в 1992-1993 гг. в Молдове начались вполне радикальные изменения, в основном, в соотвествии с постулатами неолиберальной теории. С различной степенью результативности реформы осуществлялись в пяти блоках:

---

[46] *«Возрождение экономики – возрождение страны». Программа Правительства Республики Молдова, апрель 2001*

финансовая стабилизация (введение национальной валюты, подавление инфляции, сокращение дефицита государственного бюджета);

разгосударствление собственности, акционирование предприятий и их массовая приватизация (преимузественно за боны народного достояния);

либерализация цен, внутренней торговли и упразднение централизованного распределения ресурсов;

либерализация внешней торговли;

формирование правовой базы и институциональной структуры рыночной экономики.

Сохдавалось впечатление, что к середине ‘90-х годов основная цель начального этапа реформ достигнута: молдавская экономика стала преимущественно рыночной. Трансформация ее приобрела необратимый характер.

К позитивным результатам этого этапа относятся: выработка новой, рыночно ориентированной правовой базы (более 400 законов, включая Земельный кодекс, законы о банкротстве, о местном самоуправлении, о свободных экономических зонах, о Национальном банке и др.); создание 2-х секторной экономики с наращиванием доли частного сектора до 45-50% и ВВП; устойчивость национальной валюты и движение к низко-инфляционной среде (индекс инфляции в 1992 и 1993 гг. ежегодно был более 1200%, в 1994 г. – 587%, в 1995 г. – 30,2%); либерализация цен и ликвидация товарного дефицита: создание каркаса институциональных структур рыночной ориентации (коммерческие банки, фондовая биржа, приватизационно-инвестиционные форды, аудит и повышение доли услуг в ВВП с 17% в 1991 г. до 30% в 1995 г.

В общем виде все эти процессы обозначили достижение Молдовой состояния макроэкономической стабильности при том, что спад производства не был остановлен и резко ухудшились показатели страны. Тем не менее, по совокупности оценок в ежегодных докладах МВФ, Всемирного Банка и Европейского Банка Реконструкции и Развития уже в 1995 г. Молдова ставилась выше большинства стран СНГ и своих соседей – Румынии, Болгарии и Украины. Более того, журнал «The Economist» (1995, март) определил: «Молдова – модель правильного реформизма, компактноть делает ее прекрасной лабораторией для реформ». Такие новые феномены как открытость страны миру (членство в ООН с 1992 г., в Совете Европы, первой среди стран СНГ – с 1994 г.), демократизация общественной жизни (многопартийные выборы, свобода религии, масс-медиа, активность неправительственных организаций) также внушалинадежду на успех реформ. Од-

нако чуда не произошло. Экономический рост в Молдове, вопреки теории, «автоматически» не возобновился. Более того, официальная статистика за 1996 г. показала: спад ВВП на 8%, дефицит государственного бюджета – 10,3%, дефицит торгового баланса – 17,4%. Поскольку впоследствии в экономике Молдовы установилась «стабильная депрессия», усугубленная региональным финансовым кризисом 1998 г., в стране резко расширилась зона бедности как результат безработицы и уменьшения возможностей государства для оказания социальной помощи наиболее нуждающимся в ней.

Торможение реформ, стабильная депрессия.

Во второй половине '90-х гг. экономика Республики Молдова явно «зависла». Выявилось, что макроэкономическую стабильность, опираясь только на регулирование денежной массы, нельзя удерживать сколь угодно долго. Подтверждения тому были рядом – коллапс экономики Болгарии в 1996 г., а годом раньше – Югославии. Стало ясно, что низкая инфляция и устойчивая валюта – это только ближняя цель экономической политики.

В этой ситуации настоятельно требовалась политическая воля властей к осуществлению структурных реформ, что не было проявлено в полной мере. И сейчас, по прошествии времени, видны упущения, по рпичине которых Молдова потеряла темп реформ:

- непоследовательность, бессистемность правовых и институциональных преобразований. Парламентом не был обновлен Гражданский кодекс, не определены приоритетные отрасли и предприятия для первоочередной реструктуризации: становление малого и среднего предпринимательства шло без реальной государственной поддержки;
- дистанцирование банковской сферы от потребностей сектора реальной экономики;
- налоговая политика носила явно выраженный фискальный характер;
- запаздывание с подключением реформ на уровне предприятий – их реструктуризация в промышленности началась в 1995 г., а в сельском хозяйстве - лишь после 1998 г.: имело место «списание долгов», не применялся наиболее радикальный метод процедуры банкротства с разукрупнением предприятий и продажей их активов (зданий, оборудования, транспорта) малому бизнесу;
- недооценена значимость антимонопольной политики и защиты конкуренции;

- отсутствие действий по укреплению экономической базы местного самоуправления (местные бюджеты, муниципльная собственность);

- отсутствие государственной политики занятости и уравнительность, неэффективность системы социальной защиты населения.

В условиях, уогда столь ожидаемое в Молдове возобновление экономического роста не произошло, а социальная ситуация обострилась, усилилось давление на рпавительство с требованиями пересмотра идеологии реформ. Это давление шло, во-первых, со стороны экономических агентов, для которых период «стабилизации без роста» действительно крайне труден (отсутствие дешевых кредитов на модернизацию производства, оборотных средств, засилие коррупции и т.д.). Во-вторых, - со стороны политических партий, которые стремились укрепить свои позиции путем «бескомпромиссной критики» действий исполнительной власти в период постстабилизационной депрессии и социальных невзгод.

Правды ради следует отметить, что весьма негативную оценку методологии реформ, основанных на неолиберальной теории, и их социальных результатов был дан и ООН в ее глобальном докладе о человеческом развитии 1999 г.: «До ‘90-х гг. страны Центральной и Восточной Европы обеспечивали своему населению вполне достаточный уровень благосостояния … Транзиционный период резко изменил эту ситуацию»[47].

И для этого были основания. Индекс человеческого развития для Республики Молдова (синтезирующий три показателя – ВВП на душу населения, уровень его образования и продолжительность жизни) в 1999 г. был равен 0,700 (в 1993 г. – 0,718), и по этому показателю Молдова переместилась на 102 место (в 1993 г. было 75-ое место) среди 174 стран, включаемых в рейтинг-лист ООН[48].

Результаты реформ оказались совсем не те, что ожидали их инициаторы и население. Либерализации и открытости экономики оказалось недостаточно для оживления производства, для того, чтобы дать работу трудоспособным и оказывать социальную поддержку государства тем, кто в ней нуждается. Депрессия в экономике, разочарование и безысходность положения большей части населения резко сузили социальную базу поддержки реформ. Социологические опросы, регулярно проводившиеся в ‘90-е гг.

---

[47] *См.: Human Development Report for Central and Eastern Europe and the CIS. - New York,1999*

[48] *См.: Human Development Report 2000. - New York, 2000.*

в Молдове, показывали, что позитивно оценивают результаты реформ не более 8-10% населения. Так получилось, что несостоятельной оказалась еще одна попытка быстро привести народ «в светлое будущее» с помощью насильственных и непопулярных действий.

Уроки трансформации

Исходя из позитивного и негативного опыта трансформации страны к концу '90-х гг. в Республике Молдова (правительство, общественные и исследовательские организации) возобладало понимание того, что пора, наконец, закончить эксперименты и перейти от тактики выживания к стратегии развития.

И начинать нужно с общегосударственной идеи, понятной и принятой большинством населения. Такой идеей, консолидирующей население, может и должно стать укрепление государственности Республилки Молдова, модернизация экономики (наиболее приемлемая модель – «малая открытая экономика»), гражданское согласие, основанное на многовековых традициях совместного проживания в этой стране полиэтнической общности людей, трансформация страны в европейское цивилизованное государство – политически стабильное, нейтральное, открытое для международного сотрудничества.

Оглядываясь назад, отметим некоторые уроки трансформации, важные при принятии решений на будущее:

- необходимо обеспечить социальный консенсус относительно содержания и взаимосвязи различных блоков реформ. Политическая стабильность в стране и новый экономический порядок жизненны, только если они поддерживаются населением;

- население нуждается в сильном и эффективном государстве, которое способно обеспечить законность и институциональную поддержку социально ориентированной рыночной экономики и устойчивого человеческого развития. Слабость государственных структур «провоцирует» несоблюдение законов и норм, стимулирует коррупцию, и то, что воруют одни, недополучают беднейшие;

- интересам всех сторон, и, прежде всего населения, отвечает необходимость восстановления единства территориально-хозяйственного комплекса «общего государства», упорядочение взаимоотношений Республики Молдова и Приднестровья на основе европейских стандартов регионального самоуправления;

- выйти из замкнутого круга депрессии можно, только усилив внимание к реальному сектору экономики. Для этого необходимо создать мотивацию экономическим агентам, выгодную и для них, и для государства; улучшить корпоративное управление приватизированными предприятиями; обеспечить уважение прав инвесторов и прозрачность тендеров; обеспечить защиту сектора малых и средних предприятий, поскольку именно на его основе формируется средний класс – союзник реформ. Этим же целям должна быть подчинена борьба с коррупцией, захватом государства» различными «группами по интересам»;

- проводя реформы, следует исходить из того, что социальная ответственность государства отнюдь не уменьшилась с переходом от централизованно-планируемой к рыночной экономике. Меняются только способы регулирования процессов в социальной сфере. На первый план сейчас выдвигается преодоление бедности на основе стимулирования приватного сектора, реформы систем социального страхования, здравохранения и образования, реализации государственной программы занятости. Главная трудность реформ в социальной сфере состоит в том, что новые системы должны быть и социально справедливы, и экономически сбалансированы, что сделать непросто, имея в виду ограниченность финансовых ресурсов.

И, наконец, успех реформ напрямую зависит от того, насколько продуктивно удастся обеспечить сочетание их политических, социальных и экономических компонентов. Позитивный и негативный опыт Молдовы в ‘90-е гг., весьма наглядно демонстрирует связь между прогрессом трансформации и политической стабильностью. Политические риски и беспорядочнвя политика государства – враг реформ.

Сценарии ближайшей перспективы

В короткие сроки, всего за десятилетие, Молдова перешла от моноукладной, государственно-социалистической к многоукладной, смешанной экономике. Процесс этот необратим, и можно с достаточной степенью надежности предвидеть, что социально-экономическая эволюция страны в ближайшей перспективе будет происходить в рамках смешанной экономики с тремя главными тенденциями: повышение эффективности функционирования каждого из укладов в своей нише, без чего невозможно преодолеть депрессию и перейти к подъему; устранение гипертрофии теневой экономики (около 40% в ВВП в сравнении с 5-10% в странах Европейского Союза) и ее «введение в закон»: возвращение, - но уже на рыночной основе

– к гарантии конституционных прав граждан в области занятости, образования, охраны здоровья, культуры и социальной защиты. Можно ожидать, что уже к 2005 году частный сектор станет преобладающим, сконцентрировав в себе более 70% звнятых. Удельный вес государственного сектора будет сокращаться и далее, но более медленными темпами, чем в ‘90-е гг. при благоприятных для инвесторов условиях доля совместных предприятий может увеличиться к 2005 г. до 10-12% в ВВП.

Сценарии ближайшего периода уже сейчас детерминированы по крайней мере тремя параметрами.

Демографическая ситуация согласно прогнозам вплоть до 2020 г. будет отмечена сокращением численности населения страны. Естественный прирост населения драматически упал с 10,9% в 1985 г. до – 0,3% в 2000 г. но это только часть проблемы. Дело в том, что доля экономически активного населения (в 1989 г. 54% от общей численности населения) в предстоящие 5-7 лет также сократится. Одновременно возрастет отток мигрантов (в 2000 г. – около 400 тысяч человек) на работу за границей. В итоге всех этих процессов социальная нагрузка на одного работающего увеличится, что предопределяет необходимость не только реформ пенсионной и здравохранения, но и радикальных изменений в сфере производства, выход, по крайней мере, на 5-процентный прирост ВВП в год с тем, чтобы не допустить катастрофического падения уровня жизни.

Состояние основных фондов, технической базы страны – вторая доминанта. В ‘90-е годы в связи со спадом инвестиционной активности эти фонды устарели физически и морально, а по ряду предприятий – разрушены. Объем инвестиций (1990 г. = 100%) в 2000 г. снизился до 11% и направлялся в основном в инфраструктуру (газовые сети, автодороги и др.), жилье и сферу услуг. В структуре введенных основных фондов доля государства снизилась с 66% в 1990 г. до 24% в 2000 г., и большая часть их создается теперь частным сектором, в том числе предприятиями со смешанной собственностью и иностранным участием. Обновление основных фондов происходит в основном на экспортно-ориентированных предприятиях (виноделие, консервные заводы, легкая промышленность), а также в сфере услуг.

Если инвестиционный процесс до 2005 года не активизируется (через «бюджет развития», приток иностранного капитала, привлечение накоплений частного сектора и населения), то структуре промышленности все более будет присущ облик «периферийной экономики», а по ряду направ-

лений (электроснабжение, транспорт) велика вероятность техногенных катастроф. Молдова закрепит свой статус аграрной (и бедной) страны Европы с крайне ограниченной внутренней базой для инноваций (наука, техника, кадры) и низкой конкурентоспособностью продукции.

И, наконец, третий фактор куммулятивного действия – государственный долг, как внутренний, так и внешний особенно. Последний, превысив в 2000 г. 1 млрд. долларов США, потребует в ближайшие годы отвлечения все больших ресурсов для его погашения. Начиная с 2002 г. наступит период, когда на обслуживание внешнего долга (возврат долга, проценты по займам), по-видимому, будут направляться большие средства, чем новые внешние заимствования. Стране не избежать трудных переговоров с международными финансовыми организациями, реструктуризации долга или … новых займов.

Названные ограничения предопределяют для страны, ее руководства по существу единственный путь – остановить спад, обеспечить в 2001-2005 гг. перелом экономической ситуации к лучшему, выйти, по крайней мере, на 5-процентный рост ВВП. Однако, согласно расчетам, Молдова и в этом случае останется аутсайдером среди стран Центральной Европы. Поэтому для варианта «движение в Европу» необходим скачок к 7-10% роста ВВП в год, что потребует сильной политической воли и хорошо скоординированных действий в правовом, экономическом и организационном обеспечении трансформации страны, включая использование геоэкономических преимуществ Молдовы на стыке Балкан, Срединной Европы и СНГ, реализуя модель «малой открытой экономики», нейтральной политически стабильной страны.

В этом случае вполне возможна реализация оптимистического сценария выхода Республики Молдова из кризиса, при условии динамизма реформ и общественном согласии, при общем осознании приоритета национальных интересов над корпоративными, клановыми или региональными интересами, при уменьшении давления на государство тех или иных социальных и политических сил, на нейтрализацию чего требуются дополнительные усилия, ресурсы и время. А времени потеряно уже немало.

Пессимистический сценарий возможен в том случае, если парламент не обеспечит создание правовой базы для «второй волны реформ», а президент и часто меняющиеся правительства, окажутся в плену обстоятельств и перманентно будт заняты реализацией «неотложных мер».

Поскольку попытки возврата к администрированию экономики (что присутствует, к сожалению, в программе нового правительства) продемонстрируют свою бесперспективность. Правительства будут руководствоваться стратегией постепенного, половинчатого осуществления неизбежных структурных реформ, полагая, что можно будет достаточно долго сочетать малую скорость реструктуризации экономики с приемлемым уровнем инфляции и безработицы.

Тем временем иссякнут резервы экспортно-ориентированных предприятий и отраслей, рассматривавшихся в качестве локомотивов для подъема экономики. Увеличится дефицит торгового баланса (1995 г. – 55,2 млн. долларов США, 2000 г. – 306,6 млн. долларов США). И дальше экспорт будет меньше импорта, в составе которого будет расти доля продовольствия и «ширпотреба», а не современного оборудования и технологий. Продолжится устаревание производственного потенциала из-за отсутствия средств для инвестиций у государства и недоверия частного сектора и населения своих сбережений национальной банковской системе. Исподволь будет усиливаться бюджетный кризис: производство останется в стагнации, а доходы бюджета будут сокращаться при одновременном усилении давления на государственные расходы. Разрушится общественный консенсус по поводу необходимости сбалансированного бюджета, давление лоббистов на бюджет усилится, и удержание финансовой стабильности в государстве станет все более проблематичным.

Поэтому даже самое искусное макроэкономическое маневрирование в рамках такого сценария рано или поздно потерпит неудачу. Международный опыт свидетельствует, что периоды экономической политики такого рода могут продолжаться до 7-10 лет. Однако, в конце концов, ситуация выходит из-под контроля и смена парадигм экономической политики становится неизбежной.

Спонтанное развитие в рамках такого сценария приводит к опасной гипертрофии теневой и криминальной экономики, порождает крайне тяжелые социальные издержки и диспропорции, что по существу ведет к разрушению государства. Как паллиатив, не исключено и установление чрезвычайной власти, которая использует насильственные методы для стабилизации социально-экономического положения. В этом случае сближение с Европой останется проблематичным еще неопределенно долгое время.

Как будет происходить трансформация Республики Молдова дальше, какой курс экономической политики изберет новое правительство, будет

видно из его практических действий еще до конца 2001 года. Если же исходить из его программы, то главное в ней – «усиление роли государства в обеспечении устойчивого социально-экономического развития». Опыт «продвинутых» стран переходной экономики (Словения, Польша, Венгрия), где доля государственных расходов в ВВП составляет 45-50%, показывает, что и такой подход имеет право на жизнь. Главная проблема состоит в определении приемлемых масштабов, границ и методов государственного участия в экономике.

AFIRMAREA ORDINII SOCIALE ÎN CONŞTIINȚA ŞI PRACTICA CETĂȚENILOR REPUBLICII MOLDOVA

Diana HÎRBU
Republica Moldova, Chişinău
Academia de Ştiinţă din Republica Moldova
Institutul de Filosofie, Sociologie şi Drept
Doctorandă

Viața omului în societate nu se poate desfăşura haotic. Există o reglementare unitară a comportamentului membrilor care o compun, apărînd ca o cerință funcțională a sistemului social. Dacă relația socială este o cerință a naturii umane, ordinea este o condiție necesară a acestei relații.

Interesele sociale ce stau la baza conştiinței sociale se materializează în ordinea socială sub formă de norme sociale, tradiții şi obiceiuri, mecanisme speciale de protecție şi conducere a societății. Ordinea socială, în dependență de factorii ce o constituie, prezintă anumite specificacități pentru fiecare țară aparte, Republica Moldova nu prezintă o excepție la acest capitol. Specific conştiinței de masă a populației Republicii Moldova este faptul că:

1). Pentru o bună parte de cetățeni (generațiile mature), persistă stereotipurile supunerii şi răbdării, ca rezultat al educației sovietice, care sunt încă adînc înrădăcinate.

2). În urma studiilor istorice şi național-culturale moldovenii, ce formează o majoritate etnică în Republica Moldova, sunt caracterizați ca un popor mai răbdător şi paşnic.

Conştiinţa socială şi mentalitatea cetăţenilor sunt doar unii factori ce determină ordinea socială, dar trebuie luat în consideraţie şi nivelul echilibrului social, ce depinde de acţiunile întreprinse de cetăţeni ca rezultat al politicii duse de stat.

Garantul ordinii în societate este statul. Republica Moldova se dezvoltă conform principiilor unui stat de drept şi a statului social, dar întîmpină mari greutăţi în calea realizării acestora. Stagnarea creşterii economice, rezultatele întîrziate ale reformelor social-economice, marginalizarea şi pauperizarea populaţiei, nivelul înalt al corupţiei, instabilitatea politică au dus Republica Moldova în pragul unei crize generale a societăţii şi la apariţia fenomenului anomiei. Anomia prezintă un mare pericol pentru ordinea socială, mărinduşi valenţa ea poate duce la mari perturbări sociale sau chiar la schimbarea ordinii în stat. Am fost martorii cînd în urma sentimentului permanent al frustaţiei, care indică că cetăţenii sunt privaţi de ceea ce li se cuvine, de ceva la care se aşteaptă, grupa socială – studenţimea a fost cea care a intrat în conflict cu instituţiile statale, manifestând mari proteste în urma şovăirii aplicării şi respectării revendicărilor acestora. Pensionarii, fiind grupa socială cea mai marginalizată, la fel au încercat să-şi revendice drepturile prin proteste, dar mobilizarea lor a constituit un proces mai puţin activ.

Ordinea socială depinde de capacitatea statului şi a societăţii de:

- a asigura şi coordona activitatea socială.
- a facilita continuitatea vieţii sociale.
- a asigura un nivel de trai decent populaţia ţării.
- a ţine la control agresivitatea indivizilor şi perturbărilor sociale.
- a permite predictibilitatea conduitelor şi acţiunilor umane.

Acestea sunt condiţiile majore ce trebuiesc respectate pentru menţinerea ordinii sociale. Analogîndu-le Republicii Moldova observăm că, atunci cînd nivelul de trai a scăzut considerabil din 1995 încoace, degradînd pe scara bunăstării sociale cu 5-6 puncte, astăzi ocupînd locul 115 dintre ţările Europei, fiind pe a 3 treaptă de pe urmă, riscul eschivării de la ordine şi creşterii dezordinii şi fărădelegilor e prea mare.

Printre fenomenele prezente în republică, ce duc la apariţia dezordinii se enumeră: prezenţa corupţiei, criminalităţii, economia stagnată, neachitarea la timp a pensiilor şi salariilor, lipsa garanţiei securităţii statului. În republică mărimea salariului minim nu s-a schimbat din 1994. El a constituit mai puţin de 2% din costul coşului minim de consum (987 lei), care a crescut mai mul de 6 ori din '94. Capacitatea de cumpărare a populaţiei, luînd în consideraţie salariul mediu

lunar şi pensia medie lunară, în comparaţie cu 1989 s-a micşorat de aproximativ 30 ori.

Veniturile anuale per capita în 1998 au fost de 1955 lei plasînd ţara la acest indicator pe ultimul loc din Europa. Între 1990-98 veniturile reale s-au redus de circa 3,5 ori, S-a modificat structura veniturilor. Cota salariului a venitului personal s-a micşorat de 2,2 ori, constituind circa 34%.

Tabelul 1. Principalii indicatori – economici ce caracterizează nivelul de trai al populaţiei

	1998	1999	2000	2001
Veniturile disponibile ale populaţiei (medii lunare pe o persoană, lei)	120,3	113,8	159,9	223,8
Mărimea medie a pensiei lunare stabilite, lei	83,5	83,5	83,5	97,0
Indicile preţurilor de consum, %	109,0	124,0	140,0	116,0
Raportul dintre veniturile disponibile a 20 % populaţie mai bine asigurate (quintila V) şi a 20% mai puţin asigurate (quintila I) – coeficientul fondurilor	11,5	11,4	9,8	11,3

O pondere a salariului atît de scăzut atunci cînd 72% din populaţia activă sunt angajaţi indică prezenţa unor fenomene grave în economie. Are loc o discreditare a muncii salariaţilor.

Paralel, numărul şomerilor rămîne foarte mare, mărindu-se din contul:

- tinerilor specialişti care nu reuşesc să se angageze, din cauza concurenţei mari şi nestandarde pentru un loc de muncă (un exemplu ar putea servi cei aproximativ 10 mii absolvenţi ai facultăţii de drept pregătiţi anual în colegiile şi instituţiile superioare de învăţământ din republică);

- persoanele active care mai au puțin pînă la vîrsta de pensionare dar din anumite modive nu reuşesc să se adapteze noilor cerințe şi condiții de muncă, caracteristice societăților în tranziție spre economie de piață;

- persoanele ce se ocupă cu activități nelegalizate.

Dacă în 1991 erau înregistrați 78 şomeri, în 1994 numărul lor a crescut la 15 mii persoane, iar în 2000 la oficiile forței de muncă erau înregistrate 34,7 mii persoane. În realitate, numărul şomerilor fiind cu mult mai mare.

Calea cea mai eficace de realizare a ordinii sociale în stat este dialogul social între individ şi grupele socială; între grupe sociale, între grupe sociale şi stat. Iar în condițiile economiei de piață, una din cele mai răspîndite forme de negocieri sociale este instituția Parteneriatului Social. Aseasta s-a format în Republica Moldova în 1991, luînd însă forme mai distincte ulterior, după ce Republica Moldova a devenit membră a OIM ('92). Dacă primele acorduri se încheiau între Guvern şi Federația sindicatelor, din '93 Parteneriatul Social e un sistem nou de relații: patronii (asociația), salariați (sindicate) şi autoritățile publice.

Însă instituția Parteneriatului Social îşi infiltrează activitatea doar prin sfera activă salariată a populației, celelalte sfere rămînînd pe dinafară. Șomajul ridicat şi formele economiei subterane paralizează orice forme de dialog social.

Dialogul social trebuie canalizat în 2 direcții:

- dialogul social la macronivel trebuie să aibă un caracter consultant în direcțiile privind politica economico-socială a statului, precum şi medierea conflictelor principale între partenerii sociali.

- dialogul social la micronivel trebuie să se axeze pe respectarea legislației şi medierea conflictelor locale între partenerii locali.

Ordinea socială se realizează prin intermediul normelor sociale care sunt un model general de comportament şi reglementează acțiunea oamenilor în societate precum şi relațiile dintre ei. Nu există gen de activitate socială căreia să nu i se impună sau să nu i se recomande anumite reguli de desfăşurare, de exercitare. Norma socială presupune o atitudine conştientă şi activă a cetățenilor concretizată-n alegerea unui tip de comportament. Dar în cazul Republicii Moldova unde statul se dezvoltă conform principiilor democratice ale dreptului şi unde funcționează pluralismul ideologic şi instituțional această alegere se face în cadrul anumitor limite, respectându-se libertatea fiecărei persoane. Acțiunile oamenilor se bazează pe conştiința şi voința fiecăruia, se desfăşoară în cadrul unei determinări complexe, în limitele căreia există mai multe posibilități de opțiune.

Acestea sunt orientate însă de aşa natură, încît prin alegerea făcută, să nu se ajungă la încălcarea interesului statului în ansamblu lui sau a membrilor lui în

parte. Normele izvorîte din necesitatea existenței sociale orientează comportamentul oamenilor şi le adaptează la nevoile dezvoltării şi progresului social în special.

După cum menționa şi E.Durkheim rolul normei ține de organizarea vieții sociale pe baze raționale, societatea funcționînd în mod independent de voințele individuale, ca o "conştiință colectivă" de la care emană regulile şi obligațiile ce reglementează existența în comun şi care transmite necesitatea unor acțiuni, cultivînd tendința spre ordine socială.

În general, ordinea contribuie la stabilirea unei stări de echilibru şi armonie. Însă fără un cadru normativ social s-ar instaura anarhie. Cadrul normativ ce stă la baza asigurării ordinii este Constitutia, ca lege supremă de care se ghidează cetățenii în vederea intereselor lor şi pentru reglementarea relațiilor din societate, urmată de Convențiile Internaționale la care Republica Moldova ia parte şi legislația internă a statului. Constituția recunoaşte că "Republica Moldova este un stat de drept, democratic în care demnitatea omului, drepturile şi libertățile lui, libera dezvoltare a personalității, dreptatea şi pluralismul politic reprezintă valori supreme şi sunt garantate".

Republica Moldova dispune de cadrul legislativ adecvat pentru dezvoltarea unei societăți civile bazate pe ordinea de drept. Respectarea drepturilor şi libertăților oamenilor, precum şi egalitatea cetățenilor în fața legii, neinfluiențarea statutului social asupra acțiunii legii, trebuie să fie un prim factor a instaurării or dinii sociale în țară.

Cu părere de rău mulți funcționari abuzînd de statutul lor îşi satisfac interesele prin intermediul statului, fenomenul antisocial cu caracter periculos al corupției continuând să fie la un nivel foarte mare în republică. Aceasta duce la de stabilizarea echilibrului social şi respectiv a ordinii în țară. Conform ultimelor clasificări Republica Moldova ocupă clasamente de frunte referindu-se la nivelul corupției. De exemplu la compartimentul Capturarea statului, Moldova are un indice de 69, 5% din 100, iar la compartimentul Corupției Administrativă 57% din 100. Republica Moldova se clasează pe locul 2 în rîndul statelor foste socialiste în vederea gradului corupției în țară. La compartimentul corupției ca fenomen integru, Republica Moldova are un indice de 2,6 pe o scara descrescătoare de la 10 la 0,0 fiind maximul posibil .

Pentru soluționarea treptată a problemelor sociale caracteristice Republicii Moldova, politica statului trebuie să elaboreze mai adecvat ierarhizarea priorităților, să aleagă mecanismele de formare şi utilizarea eficientă a resurselor, politica socială să se ducă-n vederea creşterii bunăstării populației, accesul la

educaţie şi ocrotirea sănătăţii, ocuparea forţei de muncă, creşterea veniturilor reale, o protecţie socială echitabilă.

În vederea realizării mai eficiente a acestor obiective, Preşedintele Republicii Moldova, V.Voronin a declarat că în proiectul bugetului pentru anul viitor se prevede o majorare a pensiilor cu 50 % şi dacă n-ar fi fost datoriile externe atît de mari, atunci ar fi fost posibil o majorare cu 200%

Pentru prima dată în ultimii ani exportul a fost mai mare decît importul, rata inflaţiei a scăzut pînă la 1%, a crescut nivelul plăţii impozitelor, se observă creşterea productivităţii industriale .

De puterea politică, ca element de organizare şi reglare a vieţii sociale; de stabilitatea politică internă a statului depinde ordinea socială. La rîndul ei ordinea socială generează putere. Acestea două aflîndu-se într-o relaţie directă.

În ultimul timp s-a observat schimbări în situaţia social-politică a ţării. Alegerile parlamentare din februarie 2001 au arătat că cetăţenii au obosit de lupta politică continuă şi se simte necesitatea ordinii în societate, dictată de îmbunătăţirea situaţiei social-economice, este prezentă în conştiinţa fiecăruia. E cert faptul că stabilitatea politică, urmată de creşterea dezvoltării social-economice va duce şi la siguranţa ordinii sociale în ţară.

LITERATURA

Strategia naţională pentru Dezvoltare Durabilă. - Chişinău, 2000

Transparency international. Raport pe anul 2000. - Chişinău, 2001

Anuarul statistic al Republicii Moldova. – Chişinău, 2000

Protecţia şi promovarea drepturilor omului în Republica Moldova. - Chişinău 1998

Aspecte privind nivelul de trai al populaţiei. // Raport analitic succint. – Chişinău, 2001

Economie şi sociologie, 2000, nr.2

«Комсомольская правда», 2001, 30 октября, с.10

SOCIETATEA CIVILĂ ŞI STATUL: MODELE DE INTERACŢIUNE

Platon FRUNTAŞU
Republica Moldova, Chişinău
Institutul de Studii Politice şi Relaţii Internaţionale
Director, doctor, conferenţiar

Pantelimon VARZARI
Republica Moldova, Chişinău
Institutul de Studii Politice şi Relaţii Internaţionale,
Şeful Catedrei Relaţii Internaţionale şi Studii Politice
Doctor, comferenţiar

În condiţiile tranziţiei societăţii de tip totalitar la o societate liberă şi democratică problema interconexiunii şi divizării funcţiilor dintre stat şi societatea civilă a devenit una dintre cele mai imperioase. Aceasta pentru că în fostele ţări comuniste viaţa publică (asociativă) a fost monopolizată de stat şi sugrumată de organele puterii, iar societatea civilă n-a căpătat nişte parametri şi caracteristici definitorii. Bineînţeles unele din aceste ţări din perioada regimului comunist (Cehoslovacia, Polonia, Ungaria etc.) au existat anumite elemente (mai mult sau mai puţin semnificative) ale societăţii civile, dar ele nicidecum nu puteau să joace un rol decisiv în viaţa societăţilor din această perioadă. Totodată, existenţa şi funcţionarea în aceste ţări a unor segmente ale societăţii civile - Carta 77 cehoslovacă, Solidaritatea şi Comitetul de Apărare a Muncitorilor din Polonia, Opoziţia Democratică din Ungaria, Iniţiativa pentru Pace şi Drepturile Omului din Germania de Est, "samisdat"-ul şi fenomenul disidenţei în fostele ţări comuniste) au contribuit într-o oarecare măsură la apariţia viitorilor germeni ai societăţii civile, uşurînd astfel tranziţia democratică în ţările respective.

Se pare că nu mai trebuie demonstrat faptul că inexistenţa unor componente ale societăţii civile în republica noastră în anii regimului comunist pe lîngă alţi factori nu mai puţin importanţi, a reţinut procesul de tranformări democratice şi a condiţionat apariţia, începînd cu anii 90 ai secolului trecut, a mai multor recesiuni economice şi crize politice. În acest context vom aminti doar că la sfîrşitul anilor 90 în ţara noastră s-a declanşat una dintre marile crize ale puterii care s-a manifestat prin desfiinţarea coaliţiei de guvernămînt "Alianţa pentru De-

mocrație şi Reforme", prin adoptarea Legii privind modificarea Constituției Republicii Moldova şi, în ultima instanță, prin dizolvarea Parlamentului.

De altfel, diverse discordanțe dintre stat şi societatea civilă există nu numai în societățile postotalitare, dar şi în cele democratice. Aici însă vom sublinia că problema interacțiunii dintre stat şi sociatatea civilă constituie una dintre cele mai importante probleme ale societăților contemporane. Ea a apărut odată cu apariția societății civile, adică cu divizarea societății în sfera statală şi cea nestatală (publică, asociativă) a activității umane (sec. XVI-XVII)[49]. Societatea civilă de la apariția sa devine, de fapt, un factor complex şi multidimensional al existenței umane.

În prezent, problema sus-numită se află în centrul atenției politologilor, sociologilor, filosofilor, juriştilor şi altor reprezentanți ai ştiințelor socio-umane. Cui îi aparține primatul în societate: statului sau societății civile? Aceste şi alte probleme frămîntă tot mai mult cercetătorii. Referindu-se la situația reală din societățile de tranziție, tot mai mulți cercetători subliniază că dominant, de fapt, este acel segment al societății căruia îi aparține puterea. Însă puterea reală în unele țări comuniste, în opinia unor specialişti occidentali[50], aparține unei oligarhii restrînse, constituită din lideri politici, bancheri, magnați ai mass-media, industriaşi şi birocrați, pentru care esențial este interesul material.

Nu întîmplător, aceste elite n-au putut să propună şi să promoveze anumite formule (ideologii) politice capabile să consolideze forțele sociale şi să depăşească astfel pericolul instabilității economico-social şi politic în țările respective. În acelaşi timp, este evident şi faptul că societatea civilă este o forță socială solidă de care statul nu poate să nu țină cont. Ba mai mult,chiar statul evitînd relațiile de reciprocitate cu societatea civilă şi dialogul social cu unele componente ale acesteia, neapărat se declanşează diverse tensiuni, crize şi confruntări sociale între aceste două identități.

Majoritatea specialiştilor în materia vizată subliniază faptul că societatea civilă şi statul pot fi prezentate ca două identități sociale opuse una alteia care re-

---

[49] *Din punct de vedere istoric, societatea civilă apare înaintea statului, fiind determinată de necesitatea primelor comunități umane de a-şi satisface interesele, trebuințele şi nevoile vitale (dobîndirea comună a hranei, construirea locuinței, confecționarea îmbrăcămintei şi altor obiecte de toate zilele, apărarea de animalele sălbatice şi de duşmani etc.).*

[50] *Citat după Перегудов С.П. Новейшие тенденции в изучении гражданского общества и государства. // Политические исследования, 1998, № 1, с.147.*

flectă diverse aspecte şi paliere ale vieţii unei societăţi. Unul dintre cei mai cunoscuţi cercetători în problematica societăţii civile, profesorul S.P.Peregudov[51], arată că sfera relaţiilor dintre societate şi stat constituie nucleul sistemului politic. Anume în această sferă pot fi realizate principiile democraţiei, se poate forma strategia economico-socială şi politică la nivel naţional şi se înfăptuieşte procesul real de administrare al întregii societăţi.

În literatura ştiinţifică există mai multe abordări ale relaţiilor dintre societatea civilă şi stat. Una dintre acestea constă în aspectul "cantitativ" şi cel "calitativ" al relaţiilor dintre ele. Dacă primul aspect ("cantitativ") reflectă nivelul "absorbirii" societăţii de către stat, a doua dimensiune ("calitativă") este legată de mecanismul interacţiunii dintre stat şi societatea civilă, de eficienţa interdependenţei acestora.

În contextul celor spuse, vom apăta că aspectul "cantitativ" al relaţiilor dintre societatea civilă şi stat, reflectînd nivelul "absorbirii" societăţii de către stat, dezvăluie cît de profund statul administrează şi gestionează procesele economice şi sociale într-o comunitate umană. Cu alte cuvinte, este vorba despre nivelul intervenţiei statului în soluţionarea problemelor social-economice care, la rîndul lui, depinde de raportul de dezvoltare dintre formele de proprietate, de proporţiile şi nivelul de dezvoltare al proprietăţii private, de nuvelul libertăţii omului în societate etc.

Precum se ştie, fiecărui stat îi este caracteristică tendinţa de a lărgi atribuţiile şi funcţiile sale, ceea ce, desigur, poate avea anumite consecinţe negative atît pentru existenţa democraţiei într-o anumită societate, cît şi pentru o guvernare politică eficientă a acesteia. De altfel, intervenţionismul, expansiunea, agresiunea şi amestecul statului socialist în problemele economice, sociale şi spirituale în fostele ţări comuniste au condus nemijlocit la etatizarea şi birocratizarea tuturor domeniilor de activitate ale societăţii şi individului, la reducerea activităţii publice şi deci a societăţii civile în ansamblu.

La fel se cere menţionat aparte faptul că intervenţia limitată a statului în perioada de tranziţie de la un sistem social-economic şi politic la altul a condiţionat mai multe consecinţe grave de ordin economic, social şi cultural în societăţile de

---

[51] *A se vedea: Перегудов С.П. Гражданское общество: «трехчленная» или одночленная модель? // Политические исследования, 1995, № 3, с.60; Перегудов С.П. Институты гражданского общества и государство. // Социологические исследования, 1995, № 3, с.75, etc.*

tranziție, inclusiv în Republica Moldova, avîndu-se în vedere declanşarea crizelor economice, decăderea culturii naționale, apariția multor tensiuni sociale şi confruntări politice etc.

În ceea ce priveşte aspectul "calitativ" al relațiilor dintre societatea civilă şi stat, trebuie remarcat că el este cunoscut țărilor occidentale de mai multe decenii, în cadrul cărora s-au dezvoltat două sisteme (componente) ale mecanismului de interacțiune dintre cele două identități sociale[52]. Primul sistem al acestui mecanism ține de procedura alegerilor democratice, de activitatea partidelor, de funcționalitatea organelor puterii reprezentative.

Precum e lesne de înțeles, principalul component al mecanismului sus-numit îl reprezintă formațiunile politice. Însă trebuie luat în considerație faptul că unele partide activează în cadrul societății civile (numite adesea şi partide de masă), iar altele – în cadrul statului, avîndu-se în vedere fracțiunile parlamentare (numite şi "partide parlamentare"). Totuşi pentru a evita intervenția organelor de partid în activitatea statului în țările occidentale se stabileşte principiul (norma) autonomiei constituționale a acestor fracțiuni.

Cel de-al doilea sistem al mecanismului de interacțiune dintre societatea civilă şi stat (numit şi sistemul reprezentării funcționale) este legat de reprezentarea intereselor de către anumiți subiecți sociali. În ultimele decenii în țările apusene s-a format o întreagă structură instituțională, în cadrul căreia are loc interacțiunea structurilor de stat şi a celor publice. Din această structură fac parte nu numai diferite grupuri de interes (din partea societății civile), ci şi diverse organe ale puterii executive (din partea statului) şi ale celei legislative (din partea parlamentului).

De obicei, în activitatea diferitelor comitete şi comisii consultative de pe lîngă guvern, ministere şi structurile lor dintr-o țară sau alta participă reprezentanți atît ai grupurilor de interes şi ai altor segmente ale societății civile, cît şi reprezentanții cointeresați ai guvernului şi ministerelor respective. Precum se ştie, sistemul reprezentării funcționale a devenit în țările occidentale un canal sigur de legătură dinte stat şi societatea civilă, asigurînd astfel nu numai coordonarea intereselor particulare (private) şi de stat, dar şi implementarea în viața socială a deciziilor adoptate de către structurile de putere.

---

[52] *Перегудов С. Гражданское общество в политическом измерении. // Мировая экономика и международные отношения, 1995, № 12, с.83; Перегудов С. Гражданское общество как политический феномен. // Свободная мысль, 1992, № 9, с.51.*

În cazul în care între grupurile cointeresate şi stat se stabilesc nu pur şi simplu anumite legături, dar o interdependenţă durabilă, sistemul reprezentării funcţionale este numit sistem corporatist. În componenţa acestui sistem un rol tot mai decisiv îl joacă asociaţiile de patronat, sindicatele şi alţi subiecţi ai societăţii civile, activitatea cărora poate stimula sau, dimpotrivă, submina funcţionalitatea unei sau altei comunităţi umane.

Probabil, nu vom greşi dacă vom afirma că în ţările postcomuniste, inclusiv în Republica Moldova, s-a stabilit un corporatism propriu societăţilor de tranziţie, format pe principiul interesului de grup şi cel personal. Noul sistem corporatist instalat în aceste ţări se află în interacţiune cu unele fenomene social-economice negative, printre care vom evidenţia corupţia, economia tenebră, nănăşismul, cumătrismul etc., care, fiind stimulate de crizele economice, sociale şi politice îndelungate, degradează tot mai mult viaţa socială. Sărăcia, şomajul, mituirea, criminalitatea, deznădejdea, incertitudinea, nesiguranţa în ziua de mîine şi alte flageluri sociale penează viaţa cotidiană a individului.

Fără a detaliza vom menţiona că Republica Moldova a intrat în topul ţărilor afectate grav de corupţie. Potrivit unui raport al organizaţiei internaţionale Transparency International (IT), lansat de Centrul de Investigaţii Strategice, ţara noastră deţinerea la sfîrşitul anilor 90 ai sec. XX locul 13 în lume (după Nigeria, Iugoslavia, Ucraina şi Azerbaidjan) la acest capitol[53]. Fiind alimentată de corupţie şi protecţionism, proprietatea subterană prinde rădăcini tot mai adînci. Potrivit opiniei unor experţi în materie, economia tenebră în Republica Moldova constituie 60-80 % din economia naţională a ţării[54].

Nu vom stărui în continuare asupra analizei altor efecte dezastruoase produse în societatea moldovenească sub influienţa diverşilor factori obiectivi şi subiectivi în alte domenii de activitate umană, aducînd doar în evidenţă aprecierea prestigiosului săptămînal britanic "The Economist": "condusă de o elită politică incompetentă şi coruptă, Republica Moldova este acum cea mai săracă ţară din Europa"[55].

Revenind la aspectul "calitativ" (primul sistem) al relaţiilor dintre societatea civilă şi stat, vom observa că aceste relaţii în societăţile de tranziţie sînt

---

[53] *A se vedea: "Vocea poporului", 2000, 19 septembrie.*
[54] *Vezi mai detaliat: "Flux", 2000, 3 noiembrie.*
[55] *"Vocea poporului", 2000, 21 iulie. Vezi de asemenea: "Dialog", 2000, 30 iunie; "Moldova Suverană", 2000, 29 noiembrie; "Săptămîna", 2000, 1 decembrie; "Новое время", 2000, 10 ноября, etc.*

susținute de formațiunile politice, pe de o parte, şi de grupurile de interes, pe de altă parte. În ceea ce priveşte locul şi rolul forțelor politice, inclusiv al partidelor politice şi al grupurilor de interes, în procesul de interacțiune dintre societatea civilă şi stat există cîteva opinii. Una dintre acestea aparține profesorului R.T.Muhaev, care sugerează ideea că forțele politice se manifestă ca o verigă de legătură dintre stat şi societatea civilă, reflectînd diverse aspecte de activitate ale acestor două identități ale societății[56].

O altă opinie este susținută de profesorul S.P.Peregudov, argumentînd concepția privind structura cu "două etaje" a partidelor şi mişcărilor social-politice: o parte din ele activează la nivelul societății (aşa-numitele partide de masă), iar altele funcționează la nivelul statului (fracțiunile parlamentare şi guvernul constituit de partidele care dețin şi exercită puterea). Însă aceste două căi de interacțiune dintre societatea civilă şi stat nu pot servi drept motiv sau cauză pentru separarea partidelor în diverse părți ale organismului social unitar[57].

La drept vorbind, opiniile expuse asupra problemei locului şi rolului formațiunilor politice în relațiile cu societatea civilă şi statul nu sînt contradictorii, ci se completează reciproc. Rolul politic al partidelor şi mişcărilor social-politice constă în faptul că ele, funcționând la nivelul societății civile (celulele primare) şi la cel al statului (parlament şi guvern), asigură legătura dintre aceste două identități sociale, participă indirect sau nemijlocit la procesul legislativ şi executarea puterii, influiențînd clasa politică în adoptarea anumitor decizii politice.

Partidele politice, avînd conotații ideologice vădite, joacă un rol foarte important în orice societate: în formarea opiniei publice, în mobilizarea cetățenilor în perioadele electorale, în cucerirea şi exercitarea puterii, în implementarea politicilor determinate (economice, sociale, ştiințifice, naționale etc.). Avînd ca scop punerea în practică a unei politici, partidele politice se manifestă îndeosebi în perioada companiilor electorale.

În acest context vom menționa că alegerile pluripartidiste în orice societate considerată democratică conduc la concurența formațiunilor politice pentru includerea lor în structurile de putere, pentru preluarea şi exercitarea puterii politice, pentru implementarea politicilor sale în viața socială, fapt demonstrat şi de practica social-politică a Republicii Moldova. Confruntarea între diferite interese politice, economice şi sociale a condiționat formarea, cristalizarea şi dispariția blocurilor electorale în funcție de programele politice şi de platformele pre-

---

[56] *Мухаев Р.Т. Политология. – Москва, 1997, с.111, 203, 204.*
[57] *Перегудов С.П. Гражданское общество ..., с.59-60.*

electorale ale subiecţilor politici, de simpatiile şi antipatiile politice ale electoratului. Ultimele trei alegeri parlamentare din ţara noastră sînt cele mai concludente exemple în acest sens.

Trecînd la o analiză destul de succintă a ultimelor trei alegeri parlamentare din republică, vom semnala faptul că scrutinul parlamentar din 27 februarie 1994 a însemnat pentru Republica Moldova primele alegeri democratice, alegeri cu adevărat libere în condiţiile pluralismului politic şi ideologic. La aceste alegeri au participat 13 blocuri electorale, partide şi organizaţii social-politice, pe listele cărora au figurat 1018 candidaţi pentru mandatul de deputat, precum şi peste 20 de candidaţi independenţi. În rezultatul alegerilor parlamentare din 23 formaţiuni politice doar 4 au reuşit să formeze configuraţia politică a Parlamentului Republicii Moldova (Partidul Democrat Agrar din Moldova, Blocul Electoral Partidul Socialist şi Mişcarea "Unitate-Edinstvo", Blocul Ţăranilor şi Intelectualilor şi Blocul Electoral "Alianţa Frontului Popular Creştin-Democrat"). Acest scrutin parlamentar a scos în evidenţă şi raportul real al forţelor politice în societatea moldovenească, care a dominat pînă la următoarele alegeri de la începutul anului 1998.

În pofida mai multor pronosticuri la maratonul parlamentar din 22 martie 1998 s-au inclus, de rînd cu cei 67 de candidaţi independenţi, 15 blocuri electorale, partide şi organizaţii social-politice, pe listele de candidaţi ale cărora la funcţia de deputat au figurat circa 1400 de persoane, fiecărui mandat parlamentar revenindu-i 13-14 concurenţi electorali. Rezultatele acestor alegeri au demonstrat că din 29 de formaţiuni politice doar 4 (ca şi la alegerile similare din 1994) au rămas să exercite puterea supremă în stat şi să se plaseze în avanscena vieţii politice pînă la sfîrşitul anilor 90 ai sec.XX (Partidul Comuniştilor din Republica Moldova; Blocul Convenţia Democrată din Moldova, constituit din 5 organizaţii social-politice; Blocul "Pentru o Moldovă Democratică şi Prosperă", formată din 4 organizaţii social-politice şi Partidul Forţelor Democratice).

Dacă la scrutinul precedent (1944) Partidul Democrat Agrar a devenit învingător şi a format noua echipă guvernamentală, la următoarele alegeri parlamentare (1998) acest partid a suferit o înfrîngere totală şi nu a obţinut nici un mandat în Parlamentul ţării. Aceeaşi soartă au avut-o Partidul Socialist din Moldova şi Mişcarea pentru Egalitate "Unitate-Edinstvo", care la alegerile legislative din 1994 (constituind un singur bloc electoral) s-au plasat pe locul doi.

În aceeaşi ordine de idei se cere menţionată încă o similitudine între aceste două scrutine parlamentare. În pofida victoriei Partidului Comuniştilor în cursa electorală din 1998 pentru obţinerea mandatului de deputat, a devenit evident că

funcționarea efectivă a noului organ legislativ putea fi asigurată numai în cazul constituirii unei coaliții stabile de guvernămînt. Spre deosebire de coaliția majoritară a Parlamentului ales în rezultatul alegerilor din 1994 (de altfel, neformalizată, alcătuită fără un suport juridic, din Partidul Democrat Agrar şi Blocul Partidul Socialist şi Mişcarea pentru Egalitate "Unitate-Edinstvo" şi care a funcționat doar prin coincidența unor interese antireformatoare şi înguste de grup), după maratonul electoral din 1998, 3 formațiuni politice (Blocul Convenția Democrată din Moldova, Blocul "Pentru o Moldovă Democratică şi Prosperă" şi Partidul Forțelor Democratice) au ajuns la un Acord privind constituirea coaliției de guvernămînt "Alianța pentru Democrație şi Reforme" (a guvernat doar 1,5 ani, mai 1998 – noiembrie 1999), iar Partidul Comuniştilor a rămas în opoziție minoritară.

În ceea ce priveşte scrutinul parlamentar anticipat din 25 februarie 2001, compania prelectorală a fost însoțită de regrupări de forță (stînga eşichierului politic a devenit tot atît de fragmentată ca şi dreapta), de mobilizarea unor eforturi logistice şi resurse materiale menite să capteze opțiunile electoratului în vederea promovării anumitor formațiuni politice şi alte segmente ale societății civile în structurile de putere ale statului moldovenesc. Lupta de idei dintre partidele, mişcările şi organizațiile social-politice, confruntarea de substanță însoțite adesea de dezbateri interminabile şi promisiuni populiste dintre subiecții (concurenții) electorali au generat, desigur, atît scindarea fostelor blocuri electorale, cît şi cristalizarera noilor alianțe electorale în ajunul scrutinului. În această campanie electorală parlamentară s-au încadrat 27 de concurenți elctorali, inclusiv 17 formațiuni politice şi blocuri electorale, precum şi 10 candidați independenți.

Altfel spus, din cele 31 de formațiuni social-politice cu drept de participare la alegerile parlamentare anticipate, s-au inclus în scrutin doar 26 fie de sine stătător cu liste proprii de candidați, fie în cadrul blocurilor electorale. Rezultatele acestor alegeri relevă faptul că în componența noului Parlament numai 3 formațiuni (Partidul Comuniştilor din Republica Moldova, Blocul Electoral "Alianța Braghiş" şi Partidul Popular Creştin-Democrat) reprezintă actualmente noua structură politică a Legislativului țării noastre[58], care încearcă să promoveze politicile sale preconizate şi formula sa politică. Făcînd o paralelă cu alegerile parlamentare precedente, vom aminti că în rezultatul ultimului scrutin

[58] *Vezi mai detaliat: Electorala 2001. Documente şi cifre cu privire la alegerile Parlamentului Republicii Moldova. – Chişinău, 2001.*

legislativ, Partidul Comuniştilor, care a cîştigat necondiționat aceste alegeri, nu mai avea nevoie de a formaliza vreo alianță de guvernămînt.

Referindu-ne la cel de-al doilea sistem al aspectului "calitativ" al relațiilor dintre societatea civilă şi stat, la sistemul reprezentării funcționale, trebuie de avut în vedere faptul că un rol tot mai semnificativ în aceste relații le revine, în afară de formațiunile politice, şi grupurilor de interes. Anume grupurile de interes ca şi partidele politice sînt acele mecanisme, "curele" de transmisie, acele instituții care intermediază relațiile dintre cetățeni şi stat, dintre societatea civilă şi structurile de putere. Totodată aceste instituții se deosebesc între ele după scopurile urmărite, metodele de activitate, mijloacele de influență asupra puterii şi după alte caracteristici distincte[59].

Cauzele apariției grupurilor de interes persistă în diversitatea intereselor sociale de reprezentare şi protejare a intereselor particulare şi de grup în fața accentuării intervenționismului statal în toate sectoarele societății civile sau, dimpotrivă, în fața diminuării locului şi rolului statului în viața publică (cum e cazul Republicii Moldova). În acelaşi timp creşterea interesului cetățenilor față de problemele economico-sociale, politice şi culturale (axiologice) stringente constituie unul din motivele funcționării grupurilor de interes. Ele se formează şi activează în numele unor interese, distingîndu-se prin interacțiunea lor (indiferent de forma concretă) cu instituțiile statului şi cu partidele politice angajate în lupta pentru cucerirea şi exercitarea puterii.

Este de menționat şi faptul că grupul de interes prezintă, de fapt, un actor din cadrul sistemului social, al societății civile, iar în această postură el îndeplineşte funcția de articulare a intereselor, adică conferă raționalitate, congruență, imagine, viabilitate acelor solicitări care vin din partea tuturor segmentelor societății civile. Însă grupului de interes poate să nu-i fie suficientă angajarea sa în sistemul social, dorind astfel să se includă cît mai plenar în sistemul politic al societății. De aceea pentru apărarea intereselor şi extinderea solicitărilor şi revendicărilor sale (şi ale societății civile) grupul de interes reclamă accesul pe arena politică, iar acest fapt contribuie la transformarea gru-

---

[59] *Despre acest subiect vezi mai detaliat: Varzari P., Bostănică R., Pîrțac Gr. Grupurile de presiune şi partidele: delimitări şi interferențe. // Pluripartidismul în Moldova: esența şi specificul formării. – Chişinău, 2000, p.143-150; Джордан Т. Группы давления, партии и социальные движения: есть ли потребность в новых разграничених? // Мировая экономика и мировые отношения, 1997, № 1, с.82-97, etc.*

pului de interes în grup de presiune. Are dreptate cunoscutul politolog italian Domenico Fisichella, afirmînd că un grup de interes devine grup de presiune atunci cînd apare pe arena politică şi operează ca actor politic[60].

Desigur, grupul de interes ca actor social în cadrul societăţii civile îndeplineşte anumite funcţii specifice (articularea şi alegerea intereselor, integrarea societăţii în baza reprezentării cerinţelor cetăţenilor către structurile de putere, informarea organelor de stat privind o problemă sau alta de o importanţă majoră pentru un grup de oameni, adaptarea sistemului politic vizavi de interesele social-economice şi culturale majore ale populaţiei, socializarea politică, recrutarea politică - completarea organelor de stat cu reprezentanţii grupurilor de interes - funcţia distructivă prin apărarea unor interese corporatiste, ambiţioase, de grup, personale, prin apariţia grupurilor criminale, corupte etc., interesele cărora diferă de interesele majorităţii populaţiei), iar grupul de presiune, ca actor în cadrul sistemului politic, are menirea să se încadreze plenar în procesul politic prin influenţa şi presingul lor asupra adoptării anumitor decizii de către putere.

Existenţa diverselor interese nu întotdeauna explică în mod expres obiectivele şi tacticile utilizate de către grupurile de presiune. Acestea urmăresc să-şi amplifice la maximum influenţa asupra factorilor de decizie, iar tactica lor depinde în mare măsură de jocul forţelor sociale şi politice şi de eficienţa activităţii structurilor de putere în societate.

Adesea grupurile de presiune, chiar dacă pot exercita o acţiune puternică sub aspectul presiunii asupra puterii şi organelor sale, pe scena social-politică aproape că nu se remarcă. De aceea tactica lor este foarte diversificată, acţionează agresiv sau ofensiv, cu mijloace deschise (publice, controlabile) sau ascunse (latente, mascate). Acest fapt îl demonstrează practica social-politică a funcţionării în ţările occidentale a diferitelor grupuri şi instituţii de presiune latente (lobbysmul, mafia, masoneria etc.).

În linii mari, grupurile de interes şi grupurile de presiune nu pot fi strict delimitate şi funcţionează în toate domeniile de activitate umană a societăţilor contemporane, fiind destul de numeroase şi variate. Dintre grupurile de interes, care interacţionează indirect sau nemijlocit cu statul, fac parte sindicatele, organizaţiile ecologiste şi de tineret, mişcările fermierilor şi veteranilor, asociaţiile negustorilor şi consumatorilor, organizaţiile feministe şi de ocrotire a animalelor, ligile studenţeşti şi ale pedagogilor, asociaţiile familiale şi ale antreprenorilor,

---

[60] *A se vedea: Fisichella D. Ştiinţa politică. Probleme, concepte, teorii. – Chişinău, 2000, p.164.*

cluburile ştiinţifice (filosofice, sociologice, politologice etc.), grupurile religioase şi alte organizaţii cu caracter public (asociativ). Conform opiniei unor cercetători, în Republica Moldova se pot deosebi trei mari grupuri de presiune: 1) grupuri de presiune naţionale (grupuri de presiune româneşti, organizaţii rusolingve); 2) grupuri de presiune economice (organizaţii profesionale, partonale, corporative) şi 3) grupuri de presiune sociale (organizaţii de tineret şi studenţeşti, grupuri ecologiste, organizaţii feministe, grupuri de presiune ale veteranilor, grupuri civice şi de apărare a drepturilor omului)[61].

Soluţiile de reglementare a relaţiilor dintre grupurile de interes şi grupurile de presiune, pe de o parte, şi puterile publice centrale şi locale, pe de altă parte, pot fi de natură liberală sau de inspiraţie corporatistă. Modelul neocorporatist al activităţii grupurilor de interes, fiind caracteristic regimurilor totalitare şi dictatoriale, societăţilor de tranziţie şi unor societăţi democratice contemporane, funcţionează, de obicei, în mod organizat şi structurat. Dacă în societăţile totalitare grupurile de interes ocupă in rol esenţial în exutarea puterii, în societăţile postcomuniste, dimpotrivă, ele sînt îndepărtate de factorii decizionali. Am putea spune că în unele societăţi este vorba de asocierea la guvernare a unor grupuri de presiune cu caracter organizat, ierarhizat, diferenţiate funcţional, recunoscute şi autorizate de către organele abilitate de stat.

La rîndul său, modelul pluralist de reglementare a relaţiilor dintre grupurile de interes şi putere, a raporturilor dintre societatea civilă şi stat presupune crearea şi funcţionarea grupurilor cu multiple interese. Adesea ele sunt neorganizate ierarhic şi pot fi, în mai multe cazuri, neautorizate (neformalizate) de către stat. În orice caz, practica social-politică a ţărilor democratice apusene arată că democraţia pluralistă, a cărei trăsătură dominantă este prezenţa unei multitudini de instituţii care permite exprimarea diversităţii de interese şi de opinii ale cetăţenilor, constituie un spaţiu favorabil pentru existenţa şi funcţionarea grupurilor de presiune.

În funcţie de formele de interacţiune dintre societatea civilă şi stat instituţiile societăţii civile pot fi divizate în instituţii autonome şi instituţii independente. Dacă instituţiile autonome apar şi funcţionează în sfera privată a vieţii sociale, instituţiile sociale dependente sînt în general create şi susţinute de către stat. Faţă de instituţiile autonome şi cele dependente statul se manifestă drept

---

[61] *Vezi, spre exemplu: Spîncean S. Domeniile de activitate ale grupurilor de presiune din Republica Moldova. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XII. – Chişinău, 1999, p.168-183.*

element organizatoric de funcționare şi de reglementare a raporturilor instituționale. Drept exemplu în acest sens poate servi activitatea legislativă a statului şi a societății civile care îngrădeşte instituțiile autonome de intervenția excesivă a statului în viața privată a societății. Desigur, societatea civilă elaborează şi alte mecanisme de reglementare a raporturilor dintre instituțiile sale şi cele statale, cum ar fi mecanismele morale, social-psihologice etc.

În viața practică a țărilor democratice contemporane şi a țărilor în tranziție în sistemul structurilor de putere sînt create şi funcționează organe speciale de legătură cu societatea civilă şi instituțiile acesteia. Direcțiile şi formele de activitate ale acestor organe sînt diverse, începînd cu înregistrarea lor, acordarea ajutorului necesar (consultantă, susținerea financiară etc.) şi pînă la crearea condițiilor favorabile în funcționarea eficientă a organizațiilor respective. Spre exemplu, în Marea Britanie de mai mulți ani activează Comisia de Binefacere cu funcțiile sale specifice, iar în Franța, Austria, Suedia, Finlanda, Italia, Belgia, Spania şi în alte țări pe lîngă organele legislative şi executive funcționează diverse comitete, comisii şi consilii cu caracter consultativ, la activitatea cărora participă nemijlocit reprezentanții instituțiilor societății civile[62].

În ceea ce priveşte Republica Moldova vom sublinia doar că în 1999 se preconiza crearea unui Club Coordonator al ONG-urilor menit să asigure un dialog viabil şi permanent între structurile de stat şi organizațiile nonguvernamentale (ONG) din republică[63]. Însă cooperarea dintre societatea civilă şi stat decurge, precum se ştie, în societățile postcomuniste într-o conjunctură social-economică şi politică nefavorabilă, avîndu-se în vedere polarizarea crescîndă a societății moldoveneşti, deformarea relațiilor sociale, continuarea crizei economico-sociale, iar majoritatea absolută a cetățenilor, deocamdată, nu conştientizează faptul că statul reprezintă doar un element al structurii sociale şi nu poate asigura toate aspectele vieții publice.

Una dintre cele mai răspîndite forme de interacțiune între societatea civilă şi stat este serviciul delegatului (mandatarului, împuternicitului) parlamentar care controlează respectarea drepturilor şi libertăților cetățenilor. Vom aminti că instituția avocatului parlamentar (Ombudsman-ului) din Republica Moldova îşi are originea în Constituția Suediei din 1809, instituție ce funcționează astăzi în circa

---

[62] *Vezi mai detaliat: Политология. – Москва, 1998, c.169-170.*
[63] *A se vedea: "Moldova Suverană", 1999, 17 aprilie.*

80 de ţări de pe toate continentele sub diferite denumiri şi avînd ca scop ocrotirea drepturilor şi libertăţilor individului în societatea respectivă[64].

Înfiinţarea acestei instituţii (denumită în Suedia Ombudsman, cu semnificaţie de reprezentant, agent, delegat, împuternicit, cu alte cuvinte, o persoană sau mai multe persoane autorizate să acţioneze în numele şi serviciul cuiva) a fost influenţată de teoria separaţiei puterilor a lui Montesquieu, bazată pe împărţirea şi echilibrul puterilor între monarh şi parlament. Experienţa pozitivă a bunei funcţionări a ombudsman-ilor din diferite ţări europene a determinat Consiliul Europei să analizeze ideea constituirii unui ombudsman supranaţional cu scopul de a apăra drepturile fundamentale ale omului, astfel încît la 23 decembrie 1985 Comitetul de Miniştri a adoptat respectivele Recomandarea 13 şi Rezoluţia 8, iar Rezoluţia 85/8 Consiliul de Miniştri hotăreşte ca ombudsman-ii din diferite ţări să-şi instituţionalizeze "întîlnirile cu scopul de a schimba punctele de vedere asupra apărării drepturilor omului faţă de autorităţile administrative".

Inspirîndu-se din experienţa şi constituţiile altor ţări, Parlamentul Republicii Moldova la 17 octombrie 1997 a adoptat Legea cu privire la avocaţii parlamentari, conform căreia funcţia principală a instituţiei avocatului este de a proteja drepturile indivizilor care se consideră victime ale unor acţiuni ilegale ale administraţiei. De altfel, potrivit rapoartelor prezentate anual de instituţia de ombudsman din ţara noastră, 7300 de cetăţeni au sesizat pe parcursul anului 2000. Centrul pentru Drepturile Omului despre încălcarea drepturilor sociale şi economice ale omului, iar în primul semestru al anului 2001 circa 3000 de petiţionari s-au adresat aceleaşi instituţii pe motiv că le-au fost lezate drepturile[65]. Această instituţie din Republica Moldova, sub denumirea Centrul pentru Drepturile Omului (CDO) şi susţinută financiar de către Programul Naţiunilor Unite pentru Dezvoltare (PNUD este o organizaţie specializată a ONU), este o instituţie statală independentă care nu se substituie altor organe ale puterii executive, nu se

---

[64] *Vezi: Lazăr C. Rolul şi locul avocatului parlamentar (Ombudsman-ului) în Republica Moldova. // "Moldova Suverană", 1998, 3 februarie; Puşcă B. Avocatul poporului. // Revistă de filosofie şi drept, 1997, nr.2-3, p.74-78; Puşcă B. Instituţia Ombudsman-ului în Suedia. // Revistă de filosofie şi drept, 1998, nr.1, p.64-67; Сидоров М.И. Институт омбудсмена – что это такое? // "Независимая Молдова", 1996, 6 июня.*

[65] *A se vedea: "Moldova Suverană", 2001, 15 martie; "Vocea poporului", 2001, 17 iulie, etc.*

suprapune acestora, în sensul de a prelua funcţii sau de a adopta măsuri în locul lor.

Instituţia avocatului parlamentar, legiferată în Republica Moldova, are în esenţa sa conceptul unui organ dependent statutar de Parlament cu funcţii de supraveghere a respectării legislaţiei, însă în activitatea lor avocaţii parlamentari sînt independenţi de deputaţii Parlamentului, de Preşedintele ţării şi de alte autorităţi publice. Instituţia dată acţionează ca un mediator între stat şi societatea civilă, între individul lezat ţi autorităţile de stat centrale şi locale, întreprinderile şi organizaţiile, indiferent de tipul de proprietate şi de persoanele cu funcţii de răspundere de toate nivelurile. Astfel, Centrul pentru Drepturile Omului constituie o punte de legătură între ONG-uri şi organele statale, rolul căruia, după expresia plastică a lui Peter Hosking, consultant superior în cadrul Oficiului Naţiunilor Unite al Înaltului Comisar pentru Drepturile Omului (Geneva), este de a fi un "cîine de pază", adică de a monitoriza situaţia drepturilor omului[66].

Se pare că cea mai răspîndită formă de colaborare între societatea civilă şi stat în ţările democratice occidentale şi în cele de tranziţie este parteneriatul social (principiu, de altfel, însuşit şi aplicat pentru prima dată tot în Suedia şi mai apoi în alte ţări europene), care rămîne a fi metoda principală de soluţionare a problemelor apărute în procesul relaţiilor de muncă în condiţiile economiei de piaţă. Alternativa acestui principiu este demult cunoscută şi anume – forme acute de tensiuni şi confruntări sociale dintre muncă şi capital cu consecinţe negative pentru ambele părţi şi deci pentru întreaga societate. De aceea relaţiile dintre subiecţii sociali se formează la diferite niveluri (de la guvern pînă la întreprindere), purtînd diferite forme, uneori paşnice, negociabile, uneori greviste, de confruntare, fapt deja demonstrat de practica implementării nu prea îndelungate a principiului parteneriatului social în ţara noastră.

Sensul relaţiilor sociale şi de muncă totuşi rămîne acelaşi: pe de o parte, patronul şi angajatul sînt dependenţiunul faţă de altul, iar, pe de altă parte, aceştia se află mereu în opoziţie reciprocă, deoarece urmăresc diferite scopuri şi interese. Doar lucrătorul, în mod obiectiv, este cointeresat să muncească relativ mai puţin, dar să fie remunerat cît mai bine. Patronul, la rîndul său, tinde să cheltuiească pentru salarizare şi pentru plăţile sociale cît mai puţin, dar să obţină un profit pe cît se poate mai mare.

Contradicţia obiectivă descrisă mai sus, care apare în procesul de muncă dintre angajat şi patron, este una dintre contradicţiile majore ale procesului de

---

[66] *Vezi: "Moldova Suverană", 1999, 19 septembrie.*

instituționalizare a societății civile în țările postcomuniste. Pentru minimalizarea acestei contradicții şi deci pentru o colaborare neconflictuală între reprezentanții societății civile şi statului în mai multe țări s-au constituit cîteva modele de parteneriat social (modelul american, modelul germano-scandinav, modelul Europei de Sud, modelul Europei de Est şi modelul țărilor în curs de dezvoltare), descrise şi analizate de cercetătorul rus V.Mojaev[67].

Referindu-ne la Republica Moldova, vom menționa că promovarea dialogului social se înscrie în modelul de parteneriat social în țările Europei de Est, fiindu-i caracteristică crearea organelor tripartite la diferite niveluri, piața muncii şi legislația muncii nefiind suficient dezvoltate. Cei trei parteneri sociali din republică (Guvern, Sindicate şi Patronat) încearcă să promoveze noi modalități de colaborare (între societatea civilă şi stat) în scopul implementării unei politici tripartite conştiente întru protejarea socială şi economică a cetățenilor țării.

Este vorba, mai întîi de toate, de elaborarea de către Comisia republicană pentru negocieri colective a Concepției pentru dezvoltarea sistemului de dialog social aprobată de către Guvernul republicii la 26 aprilie 1999, în care sînt determinate părțile (subiecții) dialogului de parteneriat social, organele care le reprezintă, precum şi obiectivele generale şi cele pe termen lung[68]. Concepția dialogului de parteneriat social, sistematizînd multiple formule şi direcții de dezvoltare ale acestui dialog, evidențiază rolul contractelor colective de muncă încheiate anual la toate nivelurile (național, ramural şi local) între partenerii sociali. Desigur, eficientizarea implementării concepției nominalizate, dinamizarea dialogului social la toate nivelurile vor condiționa o mai bună conlucrare între instituțiile societății civile şi cele ale statului.

În concluzie vom sublinia că diverse modele şi forme de interacțiune dintre societatea civilă şi stat, fiind bine asigurate prin deverse proceduri de coordonare a intereselor şi pozițiilor între subiecții sociali pot reduce la minim contradicțiile apărute între aceste două identități sociale. În genere, toate regimurile democratice presupun o interacțiune strînsă între societatea civilă şi stat care constituie fundamentul stabilității politice şi economico-sociale în societate.

---

[67] *Vezi mai detaliat: Mojaev V. Parteneriatul social: esență şi contradicții. // "Vocea poporului", 1999, 26 noiembrie.*

[68] *A se vedea: "Moldova Suverană", 1999, 30 martie; 24 aprilie; "Vocea poporului", 1999, 29 octombrie, etc.*

МАСС МЕДИА В ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В РОССИИ

Галина МЕЛЬНИК
Россия, Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский госуниверситет
Факультет журналистики
Кафедра современной периодической печати
Доктор-хабилитат, профессор

Политика и журналистика представляют собой взаимосвязанные каналы социального управления. С самого своего рождения СМИ оказались в сфере внимания политики. Не случайно, анализ власти шел параллельно с разработкой теории коммуникации (Х.Арендт, Ю.Хабермас, М.Фуко). Изначально пресса мыслилась как политический институт.

Сегодня как никогда смыкаются журналистика и политика. Можно утверждать, что в политической сфере журналистика предстает как системное, целостное и внутренне дифференцированное образование, причем всегда в роли участницы политических процессов. Причины этого исследователи видят в генезисе российской прессы и состоянии профессионального сознания - "стойкая привычка воспринимать себя как активных и полноправных участников официальной политико-государственной жизни".[69] В какой-то мере СМИ выступают своеобразным наглядным пособием по физиологии социально-политического процесса.

Вместе с тем в процессе своего исторического развития СМИ приобрели некоторые черты автономной части политической системы общества. Это объясняется, во-первых, общими закономерностями эволюции практически любой подсистемы; во-вторых, спецификой места средств массовой информации в политической системе – между властью и обществом, когда переход СМИ на ту или другую позицию обессмысливает их существование за счет прежде всего утраты важнейшей функции посредника между управляющими и управляемыми.[70]

---

[69] *Корконосенко С.Г. Политизированная пресса для беспартийной аудитории. // Логос. Слово. Знак. – Санкт-Петербург, 1997, с.45-50.*

[70] *Сидоров В.А. Печать и власть ("круглый стол"). // Невский наблюдатель, 1997, №1, с.20.*

На профессионально-бытовом уровне политика ассоциируется в общественном сознании с освещением политических новостей и кампаний. Нельзя считать, что все явления, существующие в журналистике, относятся к разряду политических. Однако к политике нельзя отнести лишь узкий спектр тематики публикаций о партийных и государственных учреждениях. В рамках социально-ролевой концепции прессы мы будем считать политику "равноправной" сферой функционирования СМИ. Общественно-политические процессы, в которые вовлечены средства массовой информации, потенциально содержат перспективы общей модернизации Российского общества. Какие внешние и внутренние факторы будут определять развитие и взаимодействие двух общественных сфер - журналистики и политики?

Политический дискурс во многом уже сегодня определяется глобальными изменениями в системе власти, которые происходят в XXI веке. Основными чертами современного политического процесса можно назвать мировую капиталистическую экономику, систему национальных государств, мировой военный порядок, международное разделение труда, либерализацию культуры. Многое в модернизации мировой политической системы будет определяться сбалансированностью процессов глобализации всех стран и регионализации отдельных стран, развития универсальной, интернациональной и местной, национальной культуры; сбалансированностью противоречий между равноправными субъектами, а также развитостью политических институтов.

В условиях глобального противопоставления православно-христианского мира мсульманскому, одних религий – другим, одного образа жизни – другому, одной цивилизации - другой, - резко возрастает необходимость в поиске механизмов урегулирования экстремальных конфликтов, в нахождении компромиссов и тактик сдерживания на мировом, глобальном и локальном уровнях. В решении проблемы недопущения глобального противостояния двух миров политические коммуникации предлагают, незаменимые, наряду с военными и дипломатическими, средства, обеспечивающие поддержку внешнего мира.

Во многом внутриполитический процесс в России будет определяться степенью развития демократии, которая не является комплексом раз и навсегда открытых истин, а представляет собой механизм, позволяющий разрешать межгрупповые конфликты и столкновения разных интерпретаций демократических прав и общественных приоритетов. Публичные дебаты,

исследования, распознавание ошибок развития общества, внедрение нововведений, активизация гражданской активности невозможны без широко поставленной системы оповещения населения о происходящих процессах. Здесь роль СМИ вряд ли можно преувеличить.

В сфере политических отношений информация, передаваемая по каналам массовой коммуникации, является способом «опосредования» общечеловеческих потребностей, необходимым условием функционирования политической системы, средством удержания или разрушения идеологических ценностей, соэлементом политической культуры, обеспечивает принятие политических решений, является стратегическим ресурсом политической власти[71].

Политическая информация в СМИ играет двоякую роль: она и отображает политику и порождает ее. Средства массовой информации помогают созданию связей в сфере политических отношений. По направлению и характеру политической информации можно судить о степени открытости или закрытости общества. В открытой системе культура политических отношений выше, поскольку поток политической информации нарастает в соответствии с требованиями различных дифференцированных социальных групп. Возникает необходимость нахождения общего языка общения, консенсуса интересов, что является главным в стабилизации системы. В закрытом обществе общий климат формируется с помощью однонаправленности официального потока политической информации, оказывающей идеологическое воздействие на население[72].

После падения коммунистических режимов (вначале в странах Восточной Европы, затем в СССР), распада Советского Союза политический процесс в России приобретает свою специфику. Произошла смена политической моносистемы на полифоническую, увеличилось количество политических сил, участвующих в разработке стратегии и тактики социально-экономического и политического развития. Они получили возможность своего представительства в таких институтах, как Государственная дума, Городские собрания, в которых представлены различные партии и общественные движения. Средства массовой информации в свою очередь обеспечивают представительность всех политических сил, невостребованных

[71] *Варданян Е.А. Информационное пространство политики. Автореф. канд. дис. Ростов на Дону, 1997, с.4.*

[72] *там же*

законодательной и исполнительной властью. Публичную трибуну в лице средств массовой коммуникации получили даже политические "аутсайдеры" («Газета партии национал-большевиков «Лимонка», «Русский порядок», «Наше Отечество», «Дуэль» и др.).

Возрастает интерес к политической проблематике. СМИ начинают выступать в качестве контролера текущей политики исполнительных и законодательных структур[73].

Социально-исторический анализ информационной ситуации в доперестроечный период приводил к выводу: административно-командная система осуществляла курс на государственно-идеологическую автаркию; сама печать была "встроена" в систему партийно-государственной власти, она складывалась в условиях гипертрофии централизма, когда деятельность всех социальных институтов регламентировалась государством. Причем "способ организации и функционирования периодических изданий выступал важным компонентом всей информационной политики. В основе модели регулирования журналистики лежали сверхцентрализованное регулирование, обеспечение по преимуществу управленческих задач, унификации журналистской информации в духе политического, идеологического контроля"[74]. Политические реалии 90-х годов внесли значительные коррективы в механизмы функционирования российской прессы, коренным образом изменив ее структурные основы.

В 90-е годы изменился характер проводимой государством политики в информационной сфере; меняется структура информационного обмена в российском обществе. Этот период в истории России характеризуется переносом функции основного информативного производителя от государственной власти к ее институтам, информационным кампаниям и транснациональным конгломератам. Начался процесс разгосударствления прессы, разветвления ее горизонтальной структуры. Традиционному противопоставлению «властные структуры – национальные СМИ» пришла более сложная формула взаимодействия между глобальными и национальными каналами, государственной властью, международными организациями и

---

[73] *Сидоров В.А. Печать и власть ("Круглый стол"). // Невский наблюдатель, 1997, №1, с.20.*

[74] *Ширяева А.А. Журналист в новых социально-политических и экономических условиях // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 1991, №2, с.2.*

интересами гражданского общества. Усложняются связи между верхними и нижними этажами в информационной индустрии.

Возросло число изданий различных фондов, общественных организаций, движений, кооперативов. Сформировались новые модели и новые формы коммуникации, произошли типологические изменения, связанные с изменением языка и стиля эпохи. Возникла тенденция общественного и информационного саморазвития. Деятельность и существование прессы как системы и как каждого отдельного элемента реализовывалась через самостоятельные и в большинстве случаев децентрализованные действия различных общественно-информационного процесса.

Гласность и отмена цензуры - бесспорные завоевания перестроечного периода - создали принципиально новые условия для работы журналистов. Встала задача надежного информирования не только населения, но и журналистов. Начался процесс создания новых альтернативных агентств "Интерфакс", "Постфактум", "ИМА-пресс" и др. Изменились условия и способы отражения новой действительности. СМИ отказались от пропаганды некой единой для всех "модели жизнедеятельности" в сфере экономики, политики, культуры.

Критерием оценки влияния средств массовой информации на демократизацию образа жизни стала возможность выбора позиции (которая реально обеспечивается только в условиях плюрализма органов СМИ), а также характер ценностного содержания информации (пропаганда демократических ценностей во всех сферах жизни общества), свобода использования СМИ как демократического института общества для выражения своей активности, отстаивания своей позиции, участия в политике и общественной деятельности[75].

Значительные психологические сдвиги намечались в сознании журналистов. У большинства из них накопились ощущения дисгармонии, напряжения, ролевой конфликтности, "желание преодолеть свою человеческую несвободу, потребность в активном действии. Их индивидуальный и совокупный опыт, знание реальных жизненных проблем, болевых точек социального организма оказались чрезвычайно важными, чтобы средства массовой информации смогли активно включиться в процессы обновления, в борьбу за утверждение демократии и социальной справедливости.

---

[75] *там же*

Время бесконечных экономических и социально-политических перемен подстегивало творческую активность и изобретательность. В период с августа 1991 по осень 1993 года в России наблюдалась беспрецедентная свобода печати, редко встречающаяся в мире. СМИ выражали интересы и цели субъектов информационного процесса и под влиянием мощных факторов (экономических, политических, социальных, духовных) вовлекали в свою орбиту миллионы людей и определяли вектор движения общества и государства. До 1993 г. Россия стабильно шла к системе открытого общества.

В этой ситуации появилось более 2500 новых газет, несколько сотен теле- и радиостанций, конкурирующих в борьбе за рекламу и аудиторию. Начались эксперименты с новыми стилями, жанрами, способами подачи материала. "Помимо необходимости приспосабливания к экономическим изменениям, СМИ переживали тот же психологический стресс, который переживала и аудитория: замена старых стандартов и ценностей, которые только предстояло сформулировать и принять"[76].

По мнению исследователя Л.В.Давыдова, основную тенденцию, определившую формирование нового политического дискурса и его лексическое оформление (в том числе и в текстах СМИ) характеризовали: а) расшифровка и выявление смысла выражений, имевших в социалистических странах негативную окраску – капитализм, частная собственность, свобода, права человека и др.; б) новая интерпретация (опрокидывание смысла понятий и выражений, оцениваемых прежней системой вполне положительно – эффективность производства, управления, кредит, банковские операции и т.д.)[77].

Ломка привычных стереотипов, переоценка ценностей, осмысление новых реалий - все это нашло отражение в прессе. Журналисты играли большую роль в формировании нового дискурса, приобщая огромные массы людей к анализу различных явлений, поиску путей выхода из кризиса в экономической, социальной, духовной сферах. Данная тенденция

---

[76] *Шилингер Э. Проблемы и перспективы развития журналистской этики в России. - Москва, 1996, с. 3.*

[77] *Давыдов Л.В. Роль прессы в формировании нового политического дискурса в посткоммунистической Европе. // Журналистика - XX век: эволюция и проблемы: Тезисы международной научно-практической конференции, 24-25 апреля 1996 г. – Санкт-Петербург, 1996, с.51-52*

проявляется в сверхидеологизации политического дискурса, который создает определенное символическое пространство, в котором фиксировались происходящие в экономике и политике изменения.

В дальнейшем стали происходить сильнейшие трансформации в сфере журналистики. В условиях, когда не сложилось еще гражданское общество, не сформирован мощный средний класс, не созданы социальные структуры, защищающие общество от потрясений, журналистика как социальный институт, испытывала на себе результаты потрясений. Политические, социальные, духовные отношения, сложившиеся к этому моменту в обществе, неизбежно негативно сказались не только на настроении населения, представителей власти, но и журналистов.

СМИ, вступив в рыночные отношения, стали первыми объектами приватизации, первыми подверглись коммерциализации: условия торга заставили менять сетку приоритетов. Основным стимулом и побудительной силой в профессиональной деятельности стала выгода, зачастую в ущерб объективности и беспристрастности в сборе и распространении информации. Это сдвинуло вектор поступательного движения журналистики к открытому обществу. СМИ начинают играть гипертрофированные роли.

Сегодня приходится констатировать, что СМИ попали под жесточайший экономический пресс рыночных отношений, усиливается давление властных структур, которые действуют старыми методами. Участились случаи преследования журналистов и прямых физических расправ с ними Снижение платежеспособности массового потребителя информации принципиально изменили ситуацию на информационном рынке. (В 1999 г. в 68 раз произошел спад тиражей). Сформировалась тенденция падения тиражей периодических изданий. Пострадали многие общероссийские и общенациональные издания.

Редакторы изыскивали финансовые возможности для выживания своих изданий и одновременно боролись за свою независимость. Однако они постоянно оказывались втянутыми в политические интриги. “Политизация СМИ приобретала какой-то пошло-вульгарный, бесстыдный характер, когда представители различных властных структур без зазрения совести превращали печатные издания, финансируемые за счет федерального или местного бюджета, в рупоры собственных идей”[78]. У СМИ появились

[78] *Дзялошинский И.М. Российский журналист в посттоталитарную эпоху. Некоторые особенности личности и профессиональной деятельности. - Москва, 1996, с.16.*

конкретные хозяева, которые в обмен на финансовые дотации потребовали реальной информационной поддержки, формирования выгодного для них общественного климата.

Сегодня местные СМИ контролируются губернатором или другими структурами региональной власти (80% изданий в регионах учреждены и соучреждены региональными властными структурами и обслуживают интересы своих патронов), растет число нечитателей и не только по причине нехватки денег на покупку или подписку периодики. СМИ все заметнее теряют доверие из-за искажения реальной картины жизни и все отчетливее видимой читателю и зрителю сервильности. Общественный диалог, начатый в годы перестройки и даваемый прессе с шанс стать органом публичного дискурса, основным субъектов политики, был прерван. СМИ дрейфовали к привычным функциям агитпропа[79]. Выживали СМИ от государственных дотаций. 1999 г. объем затрат на производство печатной продукции в России – от 50 до 120 млдр. долларов.

Либерализация сделала СМИ банкротами. Рекламный рынок только зарождался, отсутствие рекламы не давало возможности прессы развиваться. Начинающие СМИ брали кредит. Вначале их скупали из соображений престижности, позднее – в целях усиления публичного влияния на власть.

Процесс коммерциализации прессы шел поэтапно: 1) редакция – единоличный учредитель издания; 2) поиск спонсора, который становится учредителем; в) превращение СМИ в акционерное общество открытого типа; г) скупка акций АО, покупка контрольного пакета крупной финансово-политической группой. Последняя использует средство массовой информации для борьбы с конкурентами как давление на политическую власть[80].

Финансово-промышленные и финансово-политические группы (в основном московские банки) активно скупали акции открытых акционерных обществ, созданных СМИ. Почему это стало возможным? Экономика строилась на идее монитаризма, жестко проводилась денежно-кредитная политика с опорой на частных инвесторов. Но в условиях неустойчивой

---

[79] *Реснянская Л.Л. Топология СМИ в политическом пространстве постсоветской России. // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2001, №1, с.42.*

[80] *Ворошилов В. Интервенция частного капитала в журналистику. // Невский наблюдатель. 1999, №1, с.22*

экономики кредиты шли не на основные фонды – реконструкцию и модернизацию производств, а на оборотные фонды – сырье и материалы. Вкладывать деньги в производство стало невыгодно.

Часто СМИ втянуты в политическую борьбу не столько на политических началах, сколько на коммерческих. Растет число субъектов политической информации, интенсифицируются политические коммуникации. Средствам массовой информации отводится роль объекта политических PR, через который разыгрываются «сценарии» политической борьбы, моделируются ситуации. СМИ выступают проводником мнения высшего информационного менеджмента, акционеров, учредителей, спонсоров. Но доминирующая роль в производстве политических новостей принадлежит корпоративным и групповым структурам, в том числе политическим элитам, навязывающим свои интересы СМИ.

В определении политического дискурса последнего десятилетия сыграла определенную роль партийная пресса, явившаяся признаком становления российской многопартийности. Практически каждый канал информации пытается повернуть и власть, и народ в русло своих политических интересов, что приводит к противостоянию с властями и другими СМИ. Вступают в силу дезинтегрирующие СМИ факторы. В журналистской практике наблюдается развитие двух направлений: 1) органов информации державно-государственной ориентации и 2) почвенно-националистического склада[81].

Вливания крупных финансовых корпораций в развитие некоторых СМИ обеспечивают реконструкцию и воспроизводство элиты и выражение ее интересов. Исследования в ракурсе изучения журналистской элиты подтверждает определенную политическую направленность различных СМИ и отдельных журналистов (правительственные, антиправительственные и нейтральные издания). Те, кто не находит возможности ангажировать крупные издания и использовать власть в своих интересах, пытаются организовать свои печатные органы, противостоящие "коррумпированным" властвующим демократам. Так формируется вторая ветвь политических изда-

---

[81] *Сморгунов А., Семеров В. Политология. – Санкт-Петербург, 1996, с.125; Назаров М.М. Представление о прошлом, будущем, настоящем в политической культуре общества. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 1996, №3.*

ний. Все более яркой становится палитра левых, ультралевых патриотических и националистических изданий.

Ряд других факторов российской действительности определяет сегодня развитие общественно-политического процесса. Идет процесс формирования “нового правящего класса”, демонстрирующего достаточно ясно выраженную авторитарную тенденцию в стремлении играть посредническую роль между обществом и политикой[82]. Некогда характерное лишь для западных демократий явление - политическая элита - стала признаком российской политики, которая унаследовала не только политические доктрины, неизменное воспроизводство и реализацию властных функций, но и механизм формирования элит и все свойства психологического перерождения, связанного с “издержками” политической борьбы.

Элиту объединяют общность социального поведения, совпадение коренных интересов, чувство принадлежности к касте избранных, которое испытывает каждый ее член. Это организованная страта, хотя ее нельзя отнести к институтализированной системе. Элита преследует узкокорпоративные интересы. Отсюда увеличение отрыва масс от власти всех уровней. К правящей элите относят Президента, вице-премьера, госсекретаря, членов Правительства, руководителей администрации Президента, членов правительства, руководителей местной администрации, военное чиновничество.

Современные исследования массового политического поведения и поведения лидеров обнаружили признаки особого поведения элит: борьба за власть, неконтролируемая ни со стороны центра, ни со стороны общества; укрепление бюрократического аппарата; политический цинизм; обесчеловечивание политики, разрыв политических процессов от прав человека и гражданских свобод, поощрение злоупотреблений и коррупций; сотрудничество представительной власти с организованной преступностью, стремление криминальных структур провести своих представителей в органы исполнительной власти[83].

---

[82] *Киселев Ю.Ю. Социально-психологические аспекты функционирования политической элиты. Особенности воспроизводства и практика властвования на материале эмпирических исследований американских ученых). - Москва, 1995.*

[83] *Галактионов В.И. Некоторые аспекты формирования политической элиты в процессе демократизации современого российского общества. // Политическая теория и практика: тенденции и проблемы. Вып.Ш. (Отв. ред. В.С.Овчинников). - Москва, 1995, с.13-18.*

Сращивание политических и экономических элит привело к тому, что скопилось колоссальное количество средств в руках немногих («семибанкирщина»). От попавших в экономическую зависимость СМИ требуют, чтобы они не трогали определенные финансово-политические группы. Значительное количество эмпирических данных, полученных в ходе социологических исследований кафедры социологии журналистики Санкт-Петербургского госуниверситета позволяют судить о том, что и в журналистской среде началось оформление профессиональной элиты. Здесь начинают действовать свои стандарты, механизмы протекционизма, финансовой поддержки, династические традиции, связь с популярными политиками, влияющие на профессиональную карьеру, престиж журналиста, возможности самовыражения в респектабельных СМИ.

В российских условиях "правление элиты осуществляется за счет атрибутов власти", контроля за распространением идей и социальной информации, что является необходимым для реконструкции власти[84]. Как показывают исследования, одним из условий существования элит является реализация их политических доктрин в массовом сознании, достижение психологической поддержки общественности. Этим обусловлен огромный интерес политиков к прессе. Российская элита осознает роль СМИ как прообраза мощнейшего "информационного" оружия XXI века. Но уже сегодня информация становится талисманом и символом политического влияния.

В России сегодня активно развивается новая информационная система - политический PR, воспроизводящий типы и характер политических решений при помощи, прежде всего, СМИ. Система действует в сфере публичной политики. Журналистика и PR внешне выглядят естественными партнерами. В идеале - это система оптимизации политического процесса, сочетающая интересы всех групп общества. Целевые установки PR и журналистики, на первый взгляд, совпадают. Это - установление партнерских отношений между властью и формирующимися институтами гражданского общества, что практически невозможно без хорошо налаженных информационных потоков с обратной связью. Именно СМИ способны решать эту задачу. Однако сложившаяся в России система взаимодействия государ-

---

[84] *Давыдов Л.В. Роль прессы в формировании нового политического дискурса в посткоммунистической Европе. // Журналистика - XX век: эволюция и проблемы: Тезисы международной научно-практической конференции, 24-25 апреля 1996 г. – Санкт-Петербург, 1996, с.51-52.*

ства, PR и журналистики оказывается пока не способной защитить интересы граждан, удерживать баланс сил, обеспечивать развитие гражданских, демократических, самоуправленческих традиций.

Взаимодействие политической элиты, особенно в той ее части, которая имеет властные полномочия, с журналистским корпусом определяется несколькими противоречивыми тенденциями, подчас взаимоисключающими друг друга, но практически всегда взаимосвязанными. Совершенно справедливо политолог В.А.Сидоров замечает, что "доминирование той или иной тенденции можно считать символом того типа и уровня политической культуры, которая образуется на локальном поле взаимодействия элиты и СМИ"[85].

Очерчивая права субъектов во взаимоотношении, В.А.Сидоров подчеркивает, что власть имеет право претендовать на широкое и объективное освещение в СМИ ее деятельности, использовать массовую коммуникацию как канал управления. Представители власти считают, что обладают легитимным правом на производство политической информации. Вместе с тем стремление власти контролировать деятельность СМИ может привести к стагнации общественных отношений, вырождению элиты, социальным потрясениям, приводит к разрыву между ожиданиями "низов" и намерениями "верхов"[86].

Отсюда важен концептуальный вывод: СМИ, лишенные возможности реального отражения политической ситуации, не могут адекватно оценивать политические процессы, состояние конфликтов, поэтому не способны влиять на правильные решения, в конечном итоге утрачивают свои природные функции и деградируют.

В свою очередь общество вправе требовать от СМИ объективного и широкого обсуждения существующих проблем, объективного показа полотна жизни. Оно также вправе ожидать от СМИ отражения плюрализма мнений. Однако общество может быть агрессивным по отношению к прессе, например, выступать против всякого инакомыслия, подвергая остракизму всех инакомыслящих[87].

---

[85] *СМИ и власть ("Круглый стол"). // Невский наблюдатель, 1997, №1, с.9.*

[86] *Авраамов Д. Не всегда мила свобода. // Журналист, 1997, №10, октябрь, с.1.*

[87] *Киселев Ю.Ю. Указ.соч.; его же: Социально-психологические аспекты функционирования политической элиты. Особенности воспроизводства и практика*

СМИ являются не только техническим каналом ретрансляции политической продукции. В какой-то степени, они занимают автономное место в поле ее производства. Газеты, радио, телевидение в явной или неявной форме стремятся продемонстрировать, что они представляют интересы своих аудиторий, и таким образом легитимируют свое право на собственное участие в политической индустрии. Однако нельзя не согласиться с мнением политолога Д.А.Авдиенко в том, что продукцию журналистов (комментарии СМИ, аналитические статьи и т.д.) нельзя считать сугубо "авторскими интерпретациями", не зависящими от политической конъюнктуры. Журналисты призваны учитывать не только позицию собственного издания, свои убеждения, но позиции возможных конкурентов в этом поле. Очевидным является и то, что они должны согласовывать эти позиции с ориентациями аудитории[88].

Средства массовой информации вправе ожидать и от политической элиты, и от общества в целом содействия сотрудничества политиков и рядовых граждан. Независимые и полезные обществу СМИ должны иметь достойный статус, в том числе и материальный. Только при этом условии раскрепощается творческий потенциал журналистов, повышается их ответственность.

Союзом журналистов России и Фондом защиты гласности реализован двухгодичный проект «Общественная экспертиза», в соответствии с которым составлена карта благоприятных, «средних» и неблагоприятных регионов России с учетом состояния средств массовой информации. 800 томов – итог «Общественной экспертизы» - «анатомический атлас» свободы слова в России. Изучено положение дел с прессов в 87 из 89 территорий, составляющих Российскую Федерацию[89]. Цель – выяснить, насколько свободно движется информация в каждом регионе. Учитывалось: а) насколько в регионе для журналистов свободен доступ к информации; б) насколько там свободен издатель и вещатель; в) каковы условия распространения печатных СМИ. Не выявлено ни одного благополучного (даже Москва – неблагополучна). По шкале свободы доступа к информации Москва занимает

властвования на материале эмпирических исследований американских ученых). - Москва, 1995.

[88] *Там же, с.12.*

[89] *Симонов А. Анатомия свободы (Рубрика: Пресса и власть). // Журналист, 2000, №12, декабрь.*

71 в 1999 и 79 – в 2000 г. В ряде субъектов Федерации действует законодательство, ухудшающее положение местных СМИ.

Москва, например, попала в число самых неблагополучных регионов по таким критериям, как степень закрытости столичных чиновников от журналистов и отношение местных госструктур к СМИ. И это несмотря на то, что в столице изобилие коммуникативных потоков, которым позавидует любой региональный журналист.

Официально запрещенная законом цензура сегодня имеет скрытые формы: контроль негласно устанавливается за источниками информации. Обстановка секретности неизбежно приводит тому, что манипуляторы сами оказываются манипулируемыми. Такая обстановка является питательной средой для коррупции, принятия преступных и неэффективных решений.

Насчитывается очень небольшое число изданий, способных выжить самостоятельно. Редакции газет стремятся скрыть свой бюджет, так как он может наглядно свидетельствовать об источниках финансирования. Все это сужает возможности СМИ. Редактор любой газеты или журнала реально знает, какие силовые потоки действуют на его средство массовой информации, он знает, кого нельзя критиковать, кого нельзя рекламировать, какие имена нельзя произносить.

Редакционная цензура выходит сегодня на первое место. "Место редактора влиятельной газеты и директора телекомпании, - замечает Д.Авраамов, - на самой вершине политического Олимпа, никак не ниже министров и воротил бизнеса. Включение 6-7 журналистов в список ста ведущих российских политиков на страницах "Независимой газеты" – реликт этих амбиций, утешительный заезд для давно утративших независимость теле- и пресс-генералов"[90]. Налицо гипертрофированное понимание своей роли во взаимоотношениях с властью, ее преувеличение.

Вторая проблема – существование института учредительства. Мониторинг нарушений в сфере информационной деятельности, осуществляемый Фондом защиты гласности, показывает, что в последнее время этот институт стал использоваться не только как средство для эпизодического воздействия на редакцию, но и средство постоянного надзора. Сам институт учредительства пытаются превратить в систему государственного управления СМИ.

---

[90] *Авраамов Д. Не всегда мила свобода. // Журналист, 1997, №10, октябрь, с.1.*

Современный этап взаимодействия СМИ и власти ознаменован полным разделом информационной собственности, которая, по меткому выражению исследователя В.И.Тхагушева, стала "первым жертвоприношением" для рыночной стихии, что породило коррупцию в СМИ, ангажированность изданий и каналов[91]. В нынешней ситуации резкого обострения политического противостояния внутри правящей элиты, намечающимся ее расколом, заметно усилилась борьба за передел отечественного информационного рынка. Точкой напряжения в этом переделе явилась история с холдингом Медиа-Мост и частным каналом НТВ[92].

Обычным делом стали завуалированная реклама и продажа "участков" информационного поля. Политическая элита также использует в широких масштабах возможности журналистики для воспроизводства своего типа субкультуры, который "фильтрует" поведенческие акты через "санитарно-идеологическую призму", причем постоянно способствует формированию искусственной информационной среды.

По наблюдениям современных политологов сегодня в России происходит "мутация" политической системы и ее информационного ресурса - СМИ. Многие руководители теле- и радиокомпаний, известные журналисты как о само собой разумеющемся, говорят сегодня о сотрудничестве СМИ и власти.

Так, бывший руководитель ОРТ, а ныне председатель комитета по телекоммуникациям и СМИ А.Лысенко заявляет: "СМИ всегда будут обслуживать избирательные кампании. Такая у них работа"[93]; бывший диктор ОРТ Т.Комарова рассуждает: "Мы можем говорить то, что хотим (иногда). Власть на это не реагирует, выработав своего рода защитный механизм… Даже по отдельным программам можно определить, кто стоит за его спиной, вернее, чьи деньги. И это на самом деле не так страшно"[94].

---

[91] *Тхагушев В.И. Журналистика смутного времени в аспекте общественного мнения. // Журналистика - XX век: эволюция и проблемы: Тезисы международной научно-практической конференции 24-25 апреля 1996 г. – Санкт-Петербург, 1996, с.45.*

[92] *См.: Пьяных Г. Канал «Московия» повторил трагедию НТВ в виде фарса. // «Коммерсантъ», 2001, 28 апреля; Логинов М. НТВ уволено? // «Невское время», 2001, 4 апреля и др.*

[93] *«Коммерсантъ Daily", 1997.*

[94] *«Культура», 1997, 22 марта, с.10.*

Подобные же мысли высказывает известный деятель искусств, автор нашумевшей выставки “Компромат. Как это делается?” М.Гельман. Рассуждая о возможностях публицистики и искусства, он упоминает о “программировании чувств” аудитории, создании виртуальных образов, угадывании реакции аудитории, способности изменять смыслы. Понимая опасность этого, он, тем не менее, участвует в пропагандистской кампании и заявляет прямо о своих политических намерениях: “Разрушить образ народно-патриотической коалиции как единого целого”, показывая ее представителей как “мало привлекательные осколки, склеенные жаждой власти. В этом высказывании заключается признание необходимости манипулирования людьми средствами информации и искусства[95].

Руководитель “Телеслужбы новостей” ТВ-6 А.Гурнов, характеризуя деятельность трех мощных телеинформационных служб “Сегодня”, “Время” и “Вести”, подчеркивает их назначение - обслуживать государство и государственные институты. “Вы же понимаете, независимых нет. Просто надо отличать ангажированность от принадлежности”[96]. При этом замечает, что у ОРТ игра сложнее: оно должно маскировать государственные интересы под общественные.

Выявляется парадокс: открытость деятельности СМИ, свобода потоков информации, разнообразие источников лишь усиливает возможность политических манипуляций. Освободившись от открытого государственного диктата и партийного диктата, СМИ попали в новую зависимость - от многопартийных и денежных интересов.

Характер взаимоотношений СМИ и власти нередко приобретает уродливые формы. С обеих сторон проявляется амбициозность, по отношению друг к другу эти структуры часто занимают суперпозицию, позволяющую им предъявлять взаимопретензии, поучать, шантажировать, развязывать истерию вокруг малозначимых фактов. На страницах некоторых газет появляется площадная брань, “фальшивки”, “сфабрикованные” факты, компроматы. В свою очередь представители власти разных уровней часто дают повод к таким “выступлениям” газет или снабжают журналистов такого рода “продукцией”. Нарушаются правила политической игры. Практически

---

[95] *«Культура», 1997, 1 февраля.*

[96] *Варшавчик С. Фабрикант новостей. Отделяйте принадлежность от ангажированности (интервью с А. Гурновым). // «Общая газета», 1997, 11-17 декабря.*

отсутствует самоконтроль, что позволяет представителям и власти, и журналистики выходить за рамки дозволенного.

Политическая жизнь общества стала показываться через систему компроматов, в лицах, путем показа сенсаций из жизни московских и региональных политиков, где власть имущие изображаются в неприглядном виде. Практически все известные политические и государственные деятели окружены сплетнями и слухами, распространяемыми по многочисленным информационным каналам (В.С.Черномырдин, А.С.Чубайс, Б.А.Березовский и др.). В целях политического заказа отдельные журналисты не гнушаются собирать компромат даже на собственных собратьев.

Эти явления связываются с тенденцией к деполитизации населения, массовой утратой идентификации, возрастанием роли аскриптивных статусов, что заставляет журналистов заботится о психологических разрядках аудитории. Отсюда появление развлекательно-потребительских и прагматических сторон новой журналистики.

Научные исследования последних лет показали, что резко возрос уровень бульварно-развлекательной, сенсационной, сексуально-эротической прессы, использующей политические сюжеты и мотивы. “Мыльные” политические оперы о войне между финансово-промышленными кланами, триллеры с известными “героями”, создаются мастерами политических интриг и провокаций для “гипнотизации” общественного сознания.

Таким образом, российская журналистика сегодня представляет собой немаловажную часть сложившегося истеблишмента, она сущностно вовлечена в политические процессы, происходящие в обществе, активно участвует в формировании вновь включающихся в общественную жизнь поколений в духе частнопредпринимательской идеологии и психологии, прославлении капиталистической демократии. Умело используя процессы политизации массового сознания, улавливая общественные настроения, СМИ, с одной стороны, играют значительную роль в ограничении власти, конкретных политических действий правящих кругов, в разоблачении вопиющих нарушений закона, а с другой, - способствуют упрочению определенных властных структур, поддерживают отдельных лидеров и политические группы.

Наметившийся рост участия населения России в политике выводит на новый уровень отношений массы и властные структуры, последние все больше апеллируют к их волеизъявлению, отрабатывая при этом приемы

завоевания власти, многие из которых заимствованы из практики маркетинга и рекламы.

В связи с этими негативными тенденциями остро стоит вопрос о формировании политической культуры, политических отношений и выполнении норм элементарной этики в профессиональной деятельности журналистов и политиков.

МОЛДАВСКИЕ ГАСТАРБАЙТЕРЫ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ[97]

Валерий МОШНЯГА
Республика Молдова, Кишинэу
Молдавский госуниверситет
заведующий кафедрой политологии
доктор-хабилитат, профессор

Одним из приоритетов внешней политики Республики Молдова является вхождение в Европейский Союз. На этом пути страной проделаны определенные шаги. Однако говорить о полноценной интеграции Молдовы в данное сообщество европейских государств в обозримой перспективе еще рано. Значительно большего добились молдавские граждане, которые своей индивидуальной трудовой деятельностью (как легальной, так и нелегальной) открывают для себя Европейский Союз, стремятся интегрироваться в западноевропейское общество. Сегодня уже можно констатировать формирование в западноевропейских странах достаточно многочисленной трудовой молдавской диаспоры.

[97] *В данном материале приводятся некоторые результаты нашего исследования, выполненного в рамках проекта "Трудовая и коммерческая миграция как средство адаптации к экономическому кризису в странах СНГ" (грант Фонда МакАртуров № 99-56538-GSS). Руководитель проекта Ж.А.Зайончковская (Независимый Исследовательский Центр по миграции стран СНГ и Балтии).*

Основные причины трудовой миграции населения Республики Молдова.

Распад Советского Союза и становление независимого молдавского государства. В результате распада СССР экономика республики утратила такие основополагающие качества успешного функционирования и развития как целостность и (при всей условности термина) самодостаточность, что обрекло страну, помимо других, не менее важных причин, на глубокий экономический кризис.

Становление открытого демократического молдавского государства. Утверждение Молдовы как независимого, демократического государства сопровождалось либерализацией процедур въезда и выезда, способствовало активному включению страны в мировые миграционные процессы, в том числе и в трудовые. Это касается как молдавского населения, ищущего счастья в трудовой миграции в зарубежье, так и иностранных граждан, которые стремятся найти себя, занимаясь легальной и нелегальной трудовой деятельностью в Республике Молдова.

Становление рыночного демократического молдавского государства. Демократические трансформации существующей экономической, политической и социальной систем на постсоветском пространстве не могут дать в краткосрочной перспективе (и не дали) положительного эффекта. И это лишь усугубило кризис, тяжелое положение страны, подавляющей части ее населения. Экономический кризис и спад производства, инфляция, растущая структурная безработица, сокращение расходов на социальную сферу оказали определяющее воздействие на развитие миграционной ситуации в Молдове.

Становление Молдовы как независимого государства дало импульс появлению и иных не российских, восточных направлений в трудовой миграции молдавского населения. Наряду с традиционной миграцией молдавской рабочей силы на восток, в Россию (что было обусловлено веками сложившейся общностью социокультурных, языковых, кровнородственных и профессиональных связей), постепенно возрастает значение и западноевропейского вектора в трудовой миграции.

Этому благоприятствовала практически равноудаленность Молдовы как от средиземноморских стран, так и от Москвы, России, близость романской языковой группы для молдаван, тюркской языковой группы для гагаузов, славянской языковой группы для рускоязычных граждан Молдовы, сложившаяся сеть знакомых через еврейско-молдавскую диаспору в

Германии, Израиле, других странах. Кроме того, подчеркнем, что сегодня русскоязычная среда во многих европейских странах является ощутимым явлением. Следует также учесть и то, что оплата труда на западе выше, чем в России. И еще одно важное обстоятельство: - криминогенность, полицейский и чиновничий беспредел в странах Европейского Союза не идут ни в какое сравнение с ситуацией в Российской Федерации как основного потребителя молдавских трудовых мигрантов на постсоветском пространстве.

* * * * *

Итак, сколько же молдавских граждан работает сегодня в западных странах? Прежде чем дать ответ на этот вопрос, постараемся выяснить общее количество молдавских гастарбайтеров, как в странах СНГ, так и вне постсоветского пространства.

Объемы трудовой миграции молдавского населения

До недавнего времени вопрос об общей численности трудовых мигрантов не был актуальным и для общественного мнения страны. Государственные структуры оперировали и оперируют данными в пределах 10-15 тысяч человек, которые имеют официальные трудовые контракты зарубежом. При этом большая часть людей, имеющих индивидуальные трудовые контракты, находится в России, в Израиле и в Украине[98].

Только в последние 2-3 года официальные структуры Молдовы стремятся выявить более полную картину молдавской трудовой миграции, в том числе и нелегальной. В силу этого и общественное мнение страны стало оперировать более массовыми цифрами, характеризующими численность трудовых мигрантов. Однако эти цифры чаще всего являются результатами только экспертных оценок. И тут также нет единого подхода: экспертные оценки варьируются от 100 до 600 тысяч человек.

---

[98] *Цит.: Мошняга В. Независимая Молдова и миграция. / «Perspectiva». – Кишинэу, 1999, с.113. Данные Министерства труда, социальной защиты и семьи Республики Молдова за 1998 год показывают небольшое возрастание численности официальных трудовых мигрантов зарубеж – 12.763 человека (цит.: De saracie, moldovenii se vand la negru in occident. // "Flux", 1999, 3 decembrie).*

Так по экспертным оценкам Центра стратегических исследований и реформ количество трудовых мигрантов измеряется цифрой чуть более 100 тысяч человек[99].

Экспертные оценки специалистов представительства Мирового Банка в Молдове исходят из того, что за пределами страны ежегодно работает не менее 150 тысяч человек. В летний период, во время сезонных сельскохозяйственных работ и реализации сельскохозяйственной продукции численность трудовых мигрантов практически удваивается, составляет 300-400 тысяч человек в год[100]. Согласно информации Службы информации и безопасности Республики Молдова[101] за пределами страны «незаконно работают свыше 600 тысяч граждан».[102]

Нам представляется, что в Республике Молдова имеется не менее 450-500 тысяч трудовых мигрантов[103]. Эти данные подтверждаются результатами социологических исследований, проведенных нами среди населения страны в сентябре-ноябре 1998 года (по общенациональной выборке был опрошен 1.621 респондент). С целью заработка после 1991 года выезжали в государства «старого зарубежья» члены семей каждого седьмого респондента (14,4%), в то время как в государства «нового зарубежья» - члены семей каждого четвертого респондента (26,6%)[104].

В то же время эти данные подтверждаются косвенно и официальными структурами. В частности министерством транспортов, фиксирующим зарубежные пассажирские перевозки автомобильным (автобусы) и железно-

---

[99] *См.: "Независимая Молдова", 1999, 3 декабря.*

[100] *Moldova. // CIS Migration Report.1996. / IOM. – Jeneva, 1997, p.83.*

[101] *Так с января 2000 года называется бывшее Министерство национальной безопасности страны.*

[102] *Пасат В. Исход. // «Независимая Молдова», 2000, 22 февраля.*

[103] *См.: Мошняга В., Коман А., Краузе А., Руснак Г. Миграционные потенциал Молдовы в контексте европейской интеграции. // Moldova, România, Ucraina: integrarea în structurile europene. / "Perspectiva". – 2000, p.374; Мошняга В., Евдокимова Л., Коман А., Краузе А., Руснак Г. Трудовая миграция в лицах: люди и судьбы. / «CAPTES». – Кишинэу, 2000, с.11.*

[104] *См.: Мошняга В. Независимая Молдова и миграция. / «Perspectiva». – Кишинэу, 1999, с.165, 167.*

дорожным транспортом[105]. Это подтверждается и официальными данными Департамента паспортизации и документации населения Министерства внутренних дел Республики Молдова[106] о выдаче паспортов молдавским гражданам[107].

Отметим, что реальные годовые объемы миграционных потоков будут еще больше, если учесть зарубежные пассажирские перевозки личным автотранспортом, гражданской авиацией, чартерными рейсами как молдавских, так и иностранных автобусов и маршрутных такси. Несомненно, что в зарубежные страны молдавские граждане едут не только на заработки, но и по служебным делам, на отдых, в туризм, на учебу. Несомненно, что в условиях тяжелого социально-экономического положения в стране, низкого уровня доходов основной массы населения, большая часть, выезжающих зарубеж, едет с трудовыми, а не с развлекательными целями.

В то же время важно отметить, что данная цифра отнюдь не свидетельствует о том, что полмиллиона молдавских граждан одновременно пребывает на заработках за рубежом. В ином случае это нашло бы отражение на результатах выборов органов власти, происходящих у нас практически ежегодно[108].

Представляется существенным определение количества людей, которые находятся в краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных трудовых поездках. Это трудовые коммерческие мигранты («челноки»)[109], сезонные

---

[105] *Данные Министерства транспортов Республики Молдова за 1998 год. По нашим оценкам пассажирооборот, его объемы в 1999 и 2000 годы не уменьшились.*

[106] *Ныне Департамент информационных технологий при Правительстве Республики Молдова.*

[107] *См.: «Независимая Молдова», 1999, 10 декабря.*

[108] *См.: Электоральные технологии и президентские выборы. / «CAPTES». – Кишинэу, 2000, с.102.*

[109] *Строго говоря, «челноки» не являются трудовыми мигрантами. Продолжительность их поездки измеряется нередко несколькими днями. И, в силу этого, они в большей степени характеризуют не миграцию, а миграционную мобильность населения. (См.: In-depth Studies on Migration in Central and Eastern Europe: the Case of Poland. / UNECE, UNPF. Economic Studies No.11. – New-York – Geneva, 1998; Пирожков С., Малиновська О., Марченко Н. Зовнішня міграція в Україні: причини, наслідки, стратегії. - Київ, Національний інститут стратегічних досліджень, 1997; Хомра О., Пирожков С., Малиновська О. Структура і*

трудовые мигранты[110] и гастарбайтеры, работающие по найму на долгосрочной основе и нередко становящиеся невозвратными иммигрантами[111].

Наше исследование трудовой миграции городского населения[112] Республики Молдова показало, что трудовые мигранты распределяются по продолжительности зарубежной трудовой поездки следующим образом «челноки» – 23,1%; гастарбайтеры, занятые на сезонных работах, – 36,8%; гастарбайтеры, занятые на долговременном найме – 40,1%[113]. Несомненно, что в целом по стране распределение по вышеназванным категориям среди людей, занятых трудовой и коммерческой миграцией, несколько иное, обусловленное тем, что среди сельского населения (в силу специфики как

напрямки міграційних потоків населення України (заключний науковий звіт по проекту). – Київ, Представництво МОМ в Україні, жовтень1998.

[110] *Наши исследования выявили 3 основных пика сезонных выездов молдавских трудовых мигрантов зарубеж. Это февраль, май и август месяцы. (См. Мошняга В. «Чемодан, вокзал … и далее везде»: трудовая и коммерческая миграция городского населения Молдовы по результатам социологического исследования. // Население Молдовы и трудовая миграция: состояние и современные формы. / CAPTES. – Кишинэу, 2000).*

[111] *Эта категория трудовых мигрантов находится в зарубежье нередко более одного года и фактически уже является трудовыми иммигрантами. Более того, эти люди нередко уже имеют гражданство страны приема и собираются остаться на постоянное местожительство (См.: Мошняга В., Евдокимова Л., Коман А., Краузе А., Руснак Г. Трудовая миграция в лицах: люди и судьбы. / «CAPTES». – Кишинэу, 2000). В данном случае мы сталкиваемся с феноменом безвозвратной миграции.*

[112] *Исследование было проведено по национально-репрезентативной выборке в декабре 1999 года – январе 2000 года. На первом этапе был опрошен 1141 городской житель в 26 городских населенных пунктах страны и были выявлены городские домохозяйства, в которых имеются трудовые мигранты; определена количественная пропорция, характеризующая распространенность трудовой миграции среди городских домохозяйств (28,7%). На втором этапе было обследовано 328 домохозяйств трудовых мигрантов; по проблемам эффективности трудовой миграции были опрошены 212 трудовых мигрантов и 116 членов их домохозяйств.*

[113] *См.: Мошняга В. Научный отчет по результатам социологического исследования городского населения Молдовы, выполненного по проекту "Трудовая и коммерческая миграция как средство адаптации к экономическому кризису в странах СНГ" (грант Фонда МакАртуров № 99 56538-GSS). – Кишинэу, 2000.*

сельских поселений, так и характера трудовой деятельности) доля «челноков» значительно ниже, практически отсутствует, а преобладают гастарбайтеры, занятые сезонной работой и долговременным наймом.

Правота наших цифр подтверждается и данными Департамента статистики и социологических исследований, который, исходя из проведенных ежеквартальных исследований домохозяйств, оперирует цифрой в 153 тысячи трудовых мигрантов[114]. Суть в том, что социологи Департамента статистики и социологических исследований включают в трудовые мигранты только тех молдавских граждан, которые отсутствуют на данный момент в домохозяйстве более трех месяцев. Соответственно, «челноки», «вахтовики» и «сезонники» не попадают в эту категорию трудовых мигрантов. При этом следует учесть, что социологи Департамента представляют одну из государственных структур, от которых люди не ждут помощи. Более того, нередко стремятся скрыть требуемую от них информацию.

При пересчете результатов наших исследований по методологии Департамента статистики и социологических исследований цифры будут соотносимы: 170–200 тысяч человек. Однако нам представляется, что в таком случае (использование методологии Департамента статистики и социологических исследований) утрачиапется значительная и существенная часть информации о процессах трудовой миграции молдавского населения.

Основные направления трудовой миграции молдавского населения

Если ранее ведущей была тенденция трудовой миграции молдавского населения в государства СНГ, в первую очередь, в Россию[115], то ныне помимо традиционной трудовой миграции на восток появляются и западный и юго-западный вектора трудовой миграции. При этом отметим, что по-

---

[114] *Evolutia social-economica a Republicii Moldova in anul 2000. Editie anuala. / Ministerul economiei si reformelor al Republicii Moldova. – Chisinau, martie 2001, p.31*

[115] *Подобный приоритет трудовой миграции в государства «нового зарубежья», и в первую очередь в Россию, легко объясним, учитывая исторически сложившуюся общность традиционных кровнородственных, языковых, производственных, образовательных и иных связей. При этом следует отметить огромный рынок труда, существующий в России.*

степенно происходит переориентация трудовых мигрантов на «старое» зарубежье.

Происходит расширение географии трудовой миграции. В миграционном движении населения Молдовы отчетливо просматривается тенденция к освоению новых пространств. Подобно «масляному пятну» молдавские трудовые мигранты осваивают как близлежащие, соседние страны, так и государства, которые находятся на значительном расстоянии от нашей страны и в которых отсутствует как молдавская диаспора, так и общность производственных, кровнородственных, языковых, и иных связей с Республикой Молдовы. Согласно нашим исследованиям городских домохозяйств молдавские граждане работают практически по всей Европе[116]. И не только в Европе. Все чаще можно встретить молдавских трудовых мигрантов в экзотических, неевропейских странах: Южная Корея, Южная Африка, Колумбия, Малайзия и др.

Результаты социологических исследований свидетельствуют, что происходят существенные изменения в планах молдавских трудовых мигрантов. Намерения выехать в государства «старого зарубежья» с целью заработка имеют члены семей 24,2% респондентов. В то же время в государства «нового зарубежья» собираются выехать члены семей 25,4% респондентов. Сторонники выезда с целью заработка в государства «старого зарубежья» практически сравнялись по количественным показателям со сторонниками выезда с целью заработка в государства «нового зарубежья».[117]

Опросы молдавских студентов показали, что среди второй наиболее активной и настроенной на трудовую миграцию категории молдавского населения – ближайшие родственники студентов, вынужденные оплачивать и обучение в высшей школе, - трудовая ориентация на Запад выражена более отчетливо и определенно. Так, за период после 1991 года выезжали в государства «старого зарубежья» с целью заработка члены семей

---

[116] *В ходе опроса были выявлены трудовые мигранты, работающие более чем в 20 странах Европы. (См. Мошняга В. «Чемодан, вокзал … и далее везде»: трудовая и коммерческая миграция городского населения Молдовы по результатам социологического исследования. // Население Молдовы и трудовая миграция: состояние и современные формы. / CAPTES. – Кишинэу, 2000).*

[117] *Мошняга В. Независимая Молдова и миграция. / «Perspectiva». – Кишинэу, 1999, с.165, 167, 168, 170.*

у 22,6% респондентов-студентов. В государства «нового зарубежья» за этот же период выезжали члены семей у 30,8% респондентов-студентов.

В то же время планируют выехать в государства «старого зарубежья» с целью заработка члены семей у 37,7% респондентов-студентов. А в государства «нового зарубежья» - члены семей у 27,5% респондентов-студентов. При этом отметим, что подобная картина наблюдает как у представителей титульной нации, так и национальных меньшинств Молдовы; как респондентов, обучающихся на румынском языке, так и на русском языке[118].

Из всего сказанного однозначно напрашивается вывод: - западный вектор трудовой миграции становится ведущим. Российские возможности для реализации планов трудовых мигрантов проигрывают по сравнению с западными.

Основные способы проникновения на Запад

Подавляющее большинство граждан республики эмигрирует в западные страны через посредничество экономических агентов, обладающих правом деятельности в области зарубежного туризма[119], которые в действительности занимаются нелегальной вербовкой граждан на работу за границей. Оказывая только услугу по открытию визы в определенную страну, они взымают с граждан внушительные суммы денег, получая колоссальный

---

[118] *См.: Мошняга В., Чебан С. Молдавское студенчество и миграция. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiza politica). Partea XI. / USM. – Chisinau, 1999, p.147-173. По национально-репрезентативной выборке было опрошено 1444 респондента-студента. Опрос проводился в сентябре-ноябре 1998 года. Практически аналогичные результаты были получены при обшенациональном опросе молдавского студенчества по проблемам миграции, проведенного в феврале-марте 1999 года. В ходе опроса было опрошено 1120 молдавских студентов. См.: Мошняга В., Соколов В. Миграционные намерения и практика молдавского студенчества (по результатам социологических исследований). // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiza politica). Partea XII. / USM. – Chisinau, 1999, p.82-122; Мошняга В. Миграция в восприятии и планах молдавского студенчества. // Миграция студентов и специалистов. Научные доклады. Выпуск 5. / Независимый исследовательский совет по миграции стран СНГ и Балтии. – Москва, 2000, с.34-56.*

[119] *Согласно данным Министерства юстиции Республики Молдова в стране зарегистрировано 193 экономических агента в области зарубежного туризма.*

незаконный доход. Каждый молдавский гражданин, мечтающий выехать на заработки зарубеж, выкладывает фирме сумму не менее 2000 долларов США[120].

Стремление государств приема противодействовать проникновению на их территорию молдавских (и не только молдавских) гастарбайтеров естественно. Правоохранительные органы, миграционные службы, выявив нелегальных трудовых мигрантов, арестовывают этих людей, вводят их паспортные данные в компьютер и высылают на родину за нелегальное проникновение.

Данные действия не всегда правомерны, так как в основной своей массе молдавские граждане прибывают в государства Западной Европы легально, имея на руках шенгенскую визу. Другое дело, что это, чаще всего, туристическая или гостевая виза. Случаев нелегального проникновения очень мало. _**Нарушение закона**_ имеет место <u>не при проникновении в страну</u>, а <u>при нахождении на территории данного государства или в незаконной трудовой деятельности</u>.На заседании подкомитета №3 «Европейский Союз – Молдова» «Таможенная трансграничная кооперация, отмывание денег, борьба с наркотиками, нелегальная миграция», состоявшемся 26 сентября 2000 года в Кишиневе, молдавская сторона обратила внимание на подобное несоответствие в классификации правонарушений молдавских граждан со стороны соответствующих служб государств Евросоюза.

Однако высланные молдавские граждане не оставляют надежд вновь попасть на «землю обетованную», в государства Европейского Союза. Для этих целей они идут на изменение букв в фамилии, из фамилии, получение нового паспорта или проникновение в страну при помощи паспорта другого государства (в стране значительное число граждан обладает двумя, тремя и более паспортами, соответственно, гражданствами. В общем, идет игра в «казаков-разбойников». Правоохранительные органы западноевропейских государств методично выявляют и депортируют молдавских нелегалов, те же, в свою очередь, с неменьшей настойчивостью стремятся вновь попасть в государства Шенгенского соглашения. Это приводит к тому, что растет подозрительность, недоверчивое отношение к молдавским

---

[120] *Согласно данным правоохранительных органов Республики Молдова этим занимается около 200 туристических фирм. (См.: Мошняга В., Евдокимова Л., Коман А., Краузе А., Руснак Г. Трудовая миграция в лицах: люди и судьбы. / «CAPTES». – Кишинэу, 2000, с.33).*

гражданам. Повсеместно (от Польши и до Южной Кореи) стала массовой практика недопущения в страну владельцев голубого молдавского паспорта, их высылка независимо от наличия правильно оформленных документов.

Информация о депортациях молдавских граждан носит неполный, фрагментарный характер, однако она довольно часто появляется в молдавских СМИ[121]. В последнее время эта информация становится более полной. Так, согласно данным Службы информации и безопасности Республики Молдова в течение последних двух лет из Италии, Испании, Португалии, Турции и Израиля было депортировано свыше 10 тысяч молдавских граждан.[122] В 2000 году только из Турции было выслано 6630 молдавских граждан, из которых 70% являются молодыми женщинами и девушками.[123] За полтора года (вторая половина 1999 года - 2000 год) только из Италии и Португалии было выслоано по полторы тысячи нелегальных мигрантов[124].

---

[121] *См.: Мошняга В., Руснак Г., Краузе А., Коман А. Миграционный потенциал Молдовы в контексте европейской интеграции. // Moldova, Romania, Ucraina: integrarea in structurile europene. / CCIN "Perspectiva", Coord. V. Mosneaga. – Chisinau, 2000, с. 361-385; Мошняга В., Евдокимова Л., Руснак Г., Краузе А., Коман А. Трудовая миграция в лицах: люди и судьбы. / CAPTES. – Кишинев, 2000; Мошняга В., Краузе А., Коман А., Руснак Г. Трудовая миграция в Республике Молдова: нормативно-правовая база и практика регулирования. MOLDOSCOPIE (Probleme de analiza politica). Partea XIII. / USM. – Chisinau, 2000, с.145-161; Мошняга В., Краузе А. Информационное пространство Молдовы и миграционные процессы: современное состояние и сущность отражения. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiza politica). Partea XIII. / USM. – Chisinau, 2000, с.161-176; Мошняга В., Teosa V. Migratia de munca in Republica Moldova: realitate si probleme. Republica Moldova - 2000: piata muncii si dezvoltarea sociala. / Institutul muncii al FGSRM. – Chisinau, 2000, с.99-115; Мошняга В. Трудовая миграция в Республике Молдова: объемы и основные тенденции. // Moldova, Romania, Ucraina: integrarea europeana si migratiunea fortei de munca. / "CAPTES". – Chisinau, 2000, с.113-129 и др.*

[122] *Пасат В. Исход. // «Независимая Молдова», 2000, 22 февраля.*

[123] *"Moldova suverana", 2001, 4 aprilie.*

[124] *Намерены открыть консульство. // «Независимая Молдова», 2000, 12 декабря.*

Современные объемы трудовой миграции в страны Западной Европы.

Как мы уже отметили, информация в основном носит фрагментарный характер, что свидетельствует как минимум о двух существенных обстоятельствах.

Первое. Недостаточно систематически и качественно налажен обмен статистической информацией между сответствующими миграционными службами Республики Молдова как государства выхода («страна-донор») и странами приема молдавских гастарбайтеров. Так, к примеру, в Чехии, согласно данным молдавских государственных структур, занятых анализом и регулированием процессов трудовой миграции, не было легальных трудовых минграннтов. В то время как согласно данным чешских исследователей, только в 1997 году работало почти 2 тысячи трудовых мигрантов из Молдовы (1.959 человек)[125]. Аналогичная картина наблюдается и в других странах.

И второе. Большая часть молдавских трудовых мигрантов являются нелегалами, о которых миграционные службы стран приема узнают и фиксируют при задержании и депортации. К примеру, в той же Чехии, согласно данным Службы информации и безопасности Республики Молдова[126] находится более 40 тысяч молдован. И большинство из них нуждаются в срочной правовой защите[127].

Сколько же всего молдавских граждан в странах Европейского Союза? Опять же официальных данных, соответствующих реальной картине нет.

---

[125] *Drbohlav D. Labour Migration in the Czech Republic. // UNESCO Meeting of Experts "International Migration in Central and Eastern Europe at the Threshold of the XXI Century: New Trends and Emerging Issues". – Moscow (Russian Federation), 8-10 September, 1998. По данным чешских миграционных служб в стране работало в 1996 году – 295, в 1997 году – 1.959, а в 1998 году – 2074 трудовых мигранта из Молдовы. (цит.: Последствия будут «чреватыми». // «Независимая Молдова», 1999, 26 ноября).*

[126] *Эта информация получена в результате обмена информацией и координации действий спецслужб Молдовы и других стран.*

[127] *Пасат В. Исход. // «Независимая Молдова», 2000, 22 февраля. (В.Пасат ядвяется директором Службы информации и безопасности Республики Молдова).*

По неофициальным данным руководителя пресс-службы Министерства труда, социальной защиты и семьи численность молдавских нелегальных трудовых мигрантов в западноевропейских странах составляет несколько более 20 тысяч человек.[128]

В то время как, например, германские власти полагают, что число молдавских рабочих в Германии достигает 31,4 тысяч человек. Большинство из них оседает в восточных землях, где работает на стройках. По данным Федерального центра виз и иммиграции в Штутгарте, в странах Шенгенского соглашения в целом находится 55,8 тысяч молдаван. Они нередко привлекаются к суду, совершают противоправные действия, кражи, находятся в этих странах нелегально[129]. По данным греческих профсоюзов в Греции находится более 120 тысяч молдавских трудовых мигрантов[130]. В Португалии – 25-30 тысяч человек[131], в Чехии – около 40 тысяч[132].

К сожалению, мы не обладаем данными по Италии, Израилю, Турции и Испании, в которых также имеется молдавская диаспора. Однако, численность молдавских трудовых мигрантов и там значительна, если учитывать результаты социологических исследований, проведенных нами в 1998-2000 годах[133], информацию в прессе и данные о депортации молдавских граждан из этих и других европейских стран.

---

[128] *См.: De saracie, moldovenii se vand la negru in occident. // "Flux", 1999, 3 decembrie.*

[129] *Там же*

[130] *Как отмечает греческий специалист в области трудовой миграции В.Такудис, это составляет 8% от общего количества трудовых мигрантов в стране. Молдавский сегмент трудовых мигрантов в Греции наиболее многочисленен. (См.: Moldova, Romania, Ucraina: migratiunea fortei de munca si integrarea europeana. / «CAPTES». – Chisinau, 2000) .*

[131] *См.: Чернега А. Португалия для нас – большая стройка. // «Комсомольская правда в Молдове», 2001, 21 августа. При этом отметим, что Португалия идет по пути легализации иностранных рабочиз-нелегалов. Сегодня в этой стране легально работает более 6,5 тысяч молдавских граждан. Наряду с украинцами и бразильцами это наиболее многочисленные диаспоры легальных гастарбайтеров.(См.: "Новости" // PRO TV Chisinau, 2001, 23 august).*

[132] *Пасат В. Исход. // «Независимая Молдова»,*

[133] *См.: Мошняга В. Независимая Молдова и миграция. / «Perspectiva». – Кишинев, 1999; Мошняга В., Евдокимова Л., Коман А., Краузе А., Руснак Г. Трудовая миграция в лицах: люди и судьбы. / «CAPTES». – Кишинев, 2000; Трудовая миграция*

Социальный портрет молдавских гастарбайтеров в Западной Европе.

а). <u>*Половозрастная структура.*</u> Наиболее активны в процессах трудовой миграции мужчины. Среди них преобладающей категорией являются молодые мужчины в возрасте до 30 лет. В молдавской прессе сообщается, что более половины из них (53%) являются молодыми людьми в возрасте до 30 лет[134]. Это соответствует мировой практике трудовой миграции, показывающей включенность в гастарбайтерство в первую очередь молодых людей, мужчин.

Второй группой, характеризующейся высокой активностью в сфере трудовой миграции выступают люди в возрасте после 40 лет (40-49 лет), в семьях которых имеются студенты. Платное обучение в высших и средних специальных учебных заведениях является дополнительным бременем, вынуждающим выезжать из Молдовы в поисках дополнительного заработка. Результаты социологических исследований по молдавским студентам свидетельствуют об этом достаточно убедительно[135].

Одной из основных категорий населения, включенных в трудовую миграцию являются женщины. Согласно результатам опроса, проведенного в декабре 1999 года – январе 2000 года женщины достаточно активны в процессах трудовой миграции. Среди молдавских городских гастарбайтеров доля женщин составляет четвертую часть от доли мужчин.[136] Мотивы вы-

---

населения Молдовы: состояние и современные формы / «CAPTES». – Кишинэу, 2000 и др.

[134] *Боиштян С. С академиком Галбеном нельзя не согласиться. // «Независимая Молдова», 1998, 7 июля.*

[135] *Через ответы респондентов студентов была получена информация о практике их ближайших родственников трудовых мигрантах (см.: Мошняга В., Соколов В. Миграционные намерения и практика молдавского студенчества (по результатам социологических исследований). // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiza politica). Partea XII. / USM. – Chisinau, 1999, p.82-122).*

[136] *См.: Мошняга В. «Чемодан, вокзал … и далее везде»: трудовая и коммерческая миграция городского населения Молдовы (по результатам социологического исследования). // Население Молдовы и трудовая миграция: состояние и современные формы. / CAPTES. – Кишинэу, 2000, с.96-151.*

езда за рубеж в поисках заработка женщин не отличаются кардинально от мотивов выездной трудовой деятельности молдавских мужчин[137].

Среди сельских трудовых мигрантов женщины также широко представлены. Хотя социологических исследований по этой проблеме нет, однако эмпирические наблюдения показывают, что в сельской местности наряду с тем, что во многих населенных пунктах как в войну нет мужчин трудоспособного возраста, нередки сегодня и села, в которых нет женщин трудоспособного возраста. И на сельских свадьбах мужчины вынуждены танцевать с мужчинами, так как женщины находятся на заработках за кордоном.

Однако сегодня наблюдается активизация в процессах трудовой миграции и других возрастных групп. Среди трудовых мигрантов нередко можно встретить и людей третьего возраста.[138] То есть, можно с ролным основанием утверждать, что в трудовой миграции задействовано все население страны, его различные категории.

b). *Профессионально-образовательная структура.* По образованию трудовыми мигрантами являются в первую очередь квалифицированные специалисты, люди с высшим и незаконченным средним образованием. Об этом свидетельствуют как результаты общенационального опроса[139], так и результаты опроса по студентам. Более того, студенческий опрос показал, что каждый второй трудовой мигрант, ближайший родственник респондентов-студентов, является человеком с высшим образованием. Практически такова же доля и людей со средним и средним специальным образованием (46 процентов)[140].

Наиболее многочисленно представлены в трудовой миграции безработные, рабочие, учителя, инженеры, врачи, строители, шофера, то есть ра-

---

[137] *См.: Цуркан В. Мотивы трудовой миграции: гендерный аспект. // Moldova, Romania, Ucraina: integrarea europeana si migratiunea fortei de munca. / "CAPTES". – Chisinau, 2000. – c.243-251.*

[138] *См.: Мошняга В., Евдокимова Л., Коман А., Краузе А., Руснак Г. Трудовая миграция в лицах: люди и судьбы. / «CAPTES». – Кишинэу, 2000.*

[139] *Мошняга В. Независимая Молдова и миграция. / «Perspectiva». – Кишинэу, 1999, с.165, 167, 168, 170.*

[140] *Мошняга В. Миграция в восприятии и планах молдавского студенчества. // Миграция студентов и специалистов. Научные доклады. Выпуск 5. / Независимый исследовательский совет по миграции стран СНГ и Балтии. – Москва, 2000, с.53.*

ботники индустриальной и бюджетной сфер. Основная масса трудовых мигрантов не работает по специальности. В силу этого происходит их существенная деквалификация[141].

c). *Этническая структура*. В трудовой миграции широко представлены представители всех этнических групп, населяющих Молдову. При этом, как показывают результаты социологических исследований, представители национальных меньшинств более активны в процессах трудовой миграции. Однако, это превышение незначительно. Так, например, среди представителей национальных меньшинств выезжали на заработки в страны «старого» зарубежья 17,1% опрошенных. В то время как по титульной нации этот показатель равен 13,6%. В страны «нового» зарубежья выезжало 29,3% опрошенных респондентов среди представителей национальных меньшинств, в то время как среди представителей титульной нации эта цифра равна 26,3%[142].

Отметим, что хотя в реальной практике трудовой миграции не наблюдается этно-географическая приверженность, но в миграционных намерениях эта зависимость просматривается. Так, представители титульной нации превосходят представителей национальных меньшинств в намерениях выехать на заработки в государства «старого» зарубежья: - 24,9% на 22,8%. По параметру «намерение выехать на заработки в государства «нового» зарубежья» просматривается обратная картина: - 25,5% на 26,6%[143].

Кроме того, отметим, что мотивы, вынуждающие людей активно включаться в процессы трудовой миграции, одинаковы как для представителей титульной нации, так и для представителей национальных меньшинств.[144]

d). *Сфера деятельности.* Они заняты различными видами трудовой деятельности. Молдавские гастарбайтеры работают в строительстве, на транспорте, в добывающих отраслях, на сезонных сельскохозяйственных работах, в торговле, ухаживают за детьми, престарелыми и больными ино-

---

[141] *там же.*

[142] *Мошняга В. Независимая Молдова и миграция. / «Perspectiva». – Кишинэу, 1999, с.165, 167.*

[143] *Там же, с.168. 170.*

[144] *См.: Цуркан В., Руснак Г. Мотивы трудовой миграции: этнический аспект. // Население Молдовы и трудовая миграция: состояние и современные формы. / CAPTES. – Кишинэу, 2000. – с.158-170.*

странными гражданами, оказывают сексуальные услуги и т.д. Нередко пребывание и трудовая деятельность молдавских граждан в зарубежных странах сопровождается рэкетом и преступной деятельностью криминальных группировок из Молдовы и СНГ, направленной против этих людей.

Особой проблемой является «экспорт девушек», проституция из Молдовы[145]. Положение их чаще всего незавидно, более того, трагично. Значительное число проституток являются несовершеннолетними, у них нет удостоверений личности, они подвергаются сексуальной эксплуатации, насилию, издевательствам и обману как со стороны клиентов, так и работодателей. В январе 2000 года в Албании, в Верховном Комиссариате ООН по делам беженцев ожидали репатриации 40 девушек из Молдовы, которые ранее занимались проституцией в Италии, но стали жертвами насилия со стороны клиентов или сводников[146]. Согласно данным Интерпола в Турции были выявлены 670 гражданок Республики Молдова, занимавшихся проституцией, из Италии – 5, из Греции и Германии по 2 молдавских проститутки[147].

Согласно статистике различных бюро Интерпола каждый десятый человек, вывезенный в Европу для продажи, является уроженцем Молдовы. Выходцев из Молдовы вывозят как рабочую силу, для использования в публичных домах, как доноров для пересадки органов. Есть факты продажи несовершеннолетних. Средняя оптовая цена за молодых женщин и девушек в Молдове составляет 300 долларов США за человека. В местах конечного пребывания (Турция, Югославия, Греция) сумма возрастает до 10 тысяч долларов[148].

---

[145] *См.: Делеу Д. Контрабанда людьми: торговля женщинами. // Население Молдовы и трудовая миграция: состояние и современные формы. / Институт труда. – Кишинэу, 2000; Deleu D. Traficul de femei. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiza politica). Partea XIV. / USM. – Chişinău, 2000; Мошняга В., Евдокимова Л., Коман А., Краузе А., Руснак Г. Трудовая миграция в лицах: люди и судьбы. / «CAPTES». – Кишинэу, 2000; «Комсомольская правда в Молдове», 2000, 11 января; De saracie, moldovenii se vand la negru in occident. // "Flux", 1999, 3 decembrie; Пасат В. Исход. // «Независимая Молдова, 2000, 22 февраля.*

[146] *Пасат В. Исход. // «Независимая Молдова, 2000, 22 февраля.*

[147] *См.: De saracie, moldovenii se vand la negru in occident. // "Flux", 1999, 3 decembrie.*

[148] *"Независимая Молдова", 2001, 21 августа.*

Проведенное исследование молдавских городских трудовых мигрантов показало, что около половины людей, характеризуя свое последнее пребывание на выезде, отмечали, что их положение в чужой стране было легальным. Только каждый четвертый респондент имеет оформленное право на занятие трудовой деятельностью. То есть, нарушает законодательство стран приема подавляющее большинство молдавских гастарбайтеров. Люди находят работу на выезде различными путями: «через родных, знакомых» был наиболее популярным ответом (3/5); «самостоятельно» – 27,5%.

Респонденты по-разному оценивают свои мигрантские заработки. Более половины опрошенных людей своим заработком удовлетворены. Транспортируют заработанные деньги люди следующим образом. Преобладающим ответом является «сам привез» (каждый второй респондент), каждый пятый респондент указывает другие варианты: «через банк» и «через знакомых, родственников».

Проведенное исследование показало, что оценка респондентами «мигрантской жизни» неоднозначна. Твердо заявило о том, что их не устраивает мигрантская жизнь около трети респондентов. Однозначно устраивает жизнь мигранта каждого одиннадцатого респондента. В основном устраивает каждого шестого. Отчасти устраивает немного менее трети респондентов. В то же время каждый девятый респондент затруднился ответить на этот вопрос.

Говоря о планах на будущее, следует отметить, что наиболее популярным ответом является «буду продолжать заниматься работой на выезде». Об этом говорит 44,2% опрошенных людей. Уже прекратили и не собираются больше этим заниматься 13,9% респондентов. В то же время более трети респондентов еще не определились в своих окончательных стремлениях.

Ответы людей свидетельствуют, что основная масса трудовых мигрантов (77,2%) не знакома ни с законодательством зарубежных стран, ни с молдавским законодательством по этому вопросу. И, естественно, не ожидает и не обращается за помощью при трудоустройстве[149].

—

[149] *См.: Мошняга В. «Чемодан, вокзал … и далее везде»: трудовая и коммерческая миграция городского населения Молдовы (по результатам социологического исследования). // Население Молдовы и трудовая миграция: состояние и современные формы. / CAPTES. – Кишинэу, 2000, с.121-131.*

Как показывают проведенные социологические исследования, основная масса молдавских гастарбайтеров занята на работах с понижением имеющегося социального и профессионально-квалификационного статуса, используется в качестве неквалифицированной рабочей силы.[150]

Гастарбайтер в социальном контексте страны приема и страны-донора.

Выезжая на заработки зарубеж, молдавские гастарбайтеры, в основной массе, осуществляют трудовые стратегии на свой страх и риск. Они не ожидают помощи со стороны молдавского государства и не знают даже о тех небольших возможностях, которые Молдова им предоставляет. Они не знают и не ждут помощи от государств приема, потому что в значительной массе они осуществляют свою трудовую и коммерческую деятельность с различными нарушениями правового и трудового режима, принятого в этих странах. Поэтому общение с официальными структурами чревато для них нежелательными проблемами.

Трудовой мигрант, работая на выезде, чаще всего сознательно нарушает закон. Пребывая в чужой стране, он недоедает, прячется от властей, нередко согласен на любую работу, отнимая ее у законопослушных граждан этого государства. Он работает за гроши (оценивая мерками страны приема), жертвует своим физическим, психическим и нравственным здоровьем, семейным общением. Он жертвует полнотой, многоцветьем настоящего, счастливой жизнью ради заработка. Ради денег он готов ограничить себя во всем, стать одномерным человеком, работником-функцией. Только бы на вырученные деньги обеспечить материальное (свое и своей семьи) благополучие на родине.

Принимающая страна, стремясь защитить от безработицы своих соотечественников, обезопасить их на рынке труда от конкуренции со стороны иностранной рабочей силы, объективно создает своим малоквалифицированным работникам, особенно страдающим сегодня от структурной безработицы, конкуренцию в лице иностранных трудящихся-нелегалов. Гастарбайтер с востока, независимо от имеющейся квалификации (социологические исследования говорят, что это чаще всего квалифицированные

---

[150] *Мошняга В. Научный отчет по проекту "Трудовая и коммерческая миграция как средство адаптации к экономическому кризису в странах СНГ" (грант Фонда МакАртуров № 99-56538-GSS). – Кишинэу, 2000, с.36.*

работники бюджетной сферы) вынужден понижать свой профессиональный и социальный статус, продавать себя как неквалифицированный работник, ибо он *нелегал*. При этом возмущение со стороны местного населения, особенно со стороны страдающих групп малоквалифицированных работников, растет. Они требуют от государства решительных действий по защите их интересов, ужесточения миграционной политики. Но сами местные работники не спешат трудоустраиваться на социально непрестижных работах.

Поэтому в понижении социального статуса гастарбайтера, его одномерности объективно заинтересована и принимающая страна (хотя субъективно ведется борьба с нелегальными трудовыми мигрантами). Потому что, находясь на дне и де-юре (нередко и де-факто) вне принимающей страны и общества, трудовой мигрант становится удобным и подготовленным для выполнения социальных функций, в которых это общество заинтересовано. Он необходим этому обществу, ибо подчищает и стимулирует эффективное функционирование общественного организма, выполняя социально непрестижные, тяжелые работы. При этом за такую же работу он, пребывая нелегально в стране и находясь в конфликте с законом, получает значительно меньше своего коллеги, гражданина данного государства.

Поставленный вне общества в силу субъективных и объективных причин он нередко ведет себя внесоциально как по отношению к этому обществу, так (и это значительно чаще) по отношению к своим соотечественникам, таким же бесправным и обездоленным трудовым мигрантам. Единственным источником помощи и поддержки являются их ближайшие родственники и товарищи «по несчастью», трудовые мигранты. Нередко такой точкой опоры являются и их иностранные работодатели.

Однако, нелегальность пребывания гастарбайтера в стране, отрицательное отношение местных властей и правоохранительных органов к трудовым мигрантам зачастую толкает и работодателя на путь беспредела. Трудовой мигрант нередко выступает в качестве раба, крепостного крестьянина, маргинала эпохи постиндустриального общества, материальное положение и будущность которого находится в прямой зависимости только от нравственных, моральных («человеческих») качеств работодателя. А он, работодатель, может поступить как «по своей выгоде», «карать» (не заплатить, выдать полиции и миграционной службе), так и «по совести», «миловать» (заплатить, помочь во многих необходимых вещах (предоставить отпуск, оплатить переговоры с родными на родине, пригласить жену, детей и т.д.)

Родина-мать, страна-донор также ведет себя по отношению к трудовому мигранту как нелюбящая мачеха. Вынуждая его искать заработок в чужой стране, она, тем самым, снимает с себя какие-либо обязательства о его жизни, благополучии, правовой и социальной защите. Более того, она не очень стремится помочь ему законнее, лучше и спокойнее устроиться в зарубежье. Зато взамен Молдова получает валютные вливания, заработанные и сэкономленные доллары, марки, лиры, шекели, драхмы, кроны, рубли, леи...

Проблема трудовых мигрантов – это не проблема только самих гастарбайтеров. Это не проблема по отдельности государства-донора или государства приема. Это не проблема только правоохранительных структур заинтересованных государств. Ее решение должно быть комплексным, опирающимся на согласованные действия как государств-доноров, так и государств приема, и задействующим различные механизмы (политико-правовые, административные, экономические, социально-психологические и т.д.). И чем быстрее это осознают как Республика Молдова, так и государства Западной Европы, тем более оперативно и менее болезненно будут решаться проблемы молдавских гастарбайтеров в странах Европейского Союза, игнорировать численность, мигрантскую сеть, интересы и стремление к самоорганизации которых будет все труднее и сложнее.

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА: СОСТОЯНИЕ И СПЕЦИФИКА РЕГУЛИРОВАНИЯ.

Валерий МОШНЯГА
Республика Молдова, Кишинэу
Молдавский госуниверситет
заведующий кафедрой политологии
доктор-хабилитат, профессор

Анатолий КОМАН
Республика Молдова, Кишинэу
Центр политического анализа и социальных технологий «CAPTES»
Президент

Георгий РУСНАК
Республика Молдова, Кишинэу
Молдавский госуниверситет
доктор-хабилитат, профессор,
член-корреспондент Академии Наук
Республики Молдова,
Ректор

Регулирование трудовой миграции в Молдове знает несколько основных этапов.

Первый этап (1990-1994 гг). Основное содержание этого этапа состоит в регулировании трудовой миграции внутри СССР или между республиками бывшего СССР, то есть «восточный вектор» регулирования и регламентирования процессов трудовой миграции, характерный для специфически-советского или постсоветского геополитического пространства. Следующий мометн, характеризующий специфику данного этапа состоит в том, что действия властей носили не столько упреждающий, сколько реактивный (ответная реакция) характер.

Принятие закона «О миграции» (декабрь 1990 года)[151] был призван сохранить этнонациональную идентичность республики. Он не был связан непосредственно с регламентированием трудовой миграции. Однако, опосредовано он был призван не допустить нерегулируемой трудовой миграции из других советских республик русскоязычного населения. С этой целью Парламент страны вводил иммиграционную квоту, равную 0,05% от наличного населения республики. Эта квота (количественное ее выражение) утверждалась и утверждается ежегодно через соответствующий закон. Естественно, что такое регулирование миграции, в том числе и трудовой, было направлено в основном, в первую очередь против иммигрантов, но не касалось молдавского населения, выезжающего из республики.

Однако, практика показала недостаточность такого одностороннего регулирования миграционных (миграционно-трудовых) потоков. Суть в том, что значительная часть молдавского населения в советское время работало за пределами республики. После объявления независимости многие уроженцы Молдовы стали возвращаться домой. Однако в Республике Молдова они столкнулись с неразрешимой проблемой, связанной с определением трудового стажа и т.д. В то же время многие люди продолжали работать за пределами республики, выезжая на заработки. Возникла и обострилась проблема регулирования положения, правового статуса этих категорий работников как в Молдове, так и за ее пределами, в новых независимых государствах (СНГ).

В то де время во второй половине этого этапа намечается перенос центра тяжести в регулировании трудовой миграции. Это связано со стремлением цивилизованного развода в рамках распавшегося Союза ССР, защите прав молдавских граждан (рабочей силы), которые трудились или трудятся за пределами Молдовы в бывших советских республиках, ныне странах СНГ.

В этом же контексте следует отметить и подписание Бишкекских соглашений «О безвизовом передвижении граждан Содружества Независимых Государств на территории его участников» (1992) и др. Республика Молдова заключила двухсторонние соглашения по вопросам трудовой ми-

[151] *Закон Республики Молдова «О миграции» (№ 418-XII от 19.12.1990). // Международная организация по миграции. – Сборник законодательных актов государств СНГ и Балтии по вопросам миграции, гражданства и связанным с ними аспектам. – Москва, Б.г.*

грации с Россией (май 1993 г.), Украиной (декабрь 1993 г.), Беларусью (май 1994 г.). В рамках СНГ наша страна подписала соглашение между странами СНГ «О гарантиях прав граждан государств, членов СНГ в области обеспечения пенсиями» (март 1992 г.) и «О сотрудничестве в области охраны труда и определения производственного травматизма, полученного работниками, находящимися вне страны проживания» (декабрь 1994 г.). В марте 1995 года Молдова ратифицировала соглашение «О сотрудничестве в области миграции рабочей силы и социальной защиты рабочих-мигрантов» (апрель 1994 г.) и др.

Отметим, что принимается ряд других нормативно-правовых документов, призванных регламентировать процессы трудовой миграции Постановление Правительства Республики Молдова «Об утверждении Регламента временного трудоустройства граждан Республики Молдова за рубежом и иностранных граждан в Республике Молдова» (декабрь 1991 года)[152], Постановление Правительства Республики Молдова «Об утверждении правил выдачи сертификатов и лицензий физическим и юридическим лицам, которые действуют в качестве посредников в организации временного трудоустройства граждан Республики Молдова за рубежом» (июнь 1992 года)[153], Постановление Правительства Республики Молдова «О модификации ряда постановлений Правительства Республики Молдова» (март 1995 года).[154]

Второй этап (1994-1999 гг.) характеризуется интеграцией республики в европейский рынок труда, выдвижением на передний план «западного вектора» трудовой миграции. Подобное изменение первоначально не было обусловлено остротой проблемы трудовой миграции молдавского населения на запад. Точнее говоря не столько на запад, сколько внешне-

---

[152] *См.: Hotărîrea Guvernului Republicii Moldova nr. 717 din 24 decembrie 1991 "Privind aprobarea Regulamentului de angajare provizorie a cetăţe-nilor Republicii Moldova peste hotare şi a cetăţenilor străini în Republica Moldova".*

[153] *См.: Hotarirea Guvernului Republicii Moldova nr. 451 din 29 iunie 1992 "Cu privire la aprobarea Regulilor de eliberare a certificatelor si licentelor persoanelor juridice si fizice, care actioneaza in calitate de intermediar la organizarea angajarii provizorii a cetatenilor Republicii Moldova peste hotare". // Monitorul, 1992, nr.6, art.144.*

[154] *См.: Hotarirea Guvernului Republicii Moldova nr. 157 din 6 martie 1995 "Cu privire la modificarea unor hotărîri ale Guvernului Republicii Moldova" // Monitorul Oficial, 1995, nr.20, art.142.*

политические приоритеты западноевропейской ориентации, заимствование и перенимание опыта западноевропейских стран в проблемах регламентирования и регулирования трудовой миграции, интеграцией в процессы международной трудовой миграции.

В начале этого периода процессы трудовой миграции еще не стали массовым социальным явлением для Молдовы. Но соответствующие государственные структуры Молдовы постарались перенять и перенести на молдавскую почву европейский опыт регулирования трудовой миграции. Были приняты несколько постановлений правительства по этим вопросам. В ноябре 1997 году Правительство приняло Постановление «О временном трудоустройстве работников-мигрантов».[155] Это документ отменил все принятые ранее постановления.

Существенным моментом постановления явилось то, что «деятельность по организации временного трудоустройства граждан Республики Молдова за рубежом осуществляется только экономическими агентами, обладающими лицензией на деятельность в качестве посредника по организации временного трудоустройства граждан Республики Молдова за рубежом и разрешением на организацию временного трудоустройства конкретного числа работников эмигрантов в определенной стране»[156].

Данным постановлением был утвержден новый «Регламент о временном трудоустройстве работников мигрантов». «Регламент», включив в себя все существенные, положительные моменты предыдущих нормативно-правовых актов в области регулирования трудовой миграции, дополнен рядом модифицированных, усовершенствованных положений. И сегодня этот документ является основным нормативно-правовым актом в сфере регулирования трудовой миграции.

Регламент состоит из 5 частей. В первой части, озаглавленной «Общие положения» раскрывается суть использованных в документе понятий: «работник-мигрант», «работник-эмигрант», «работник-иммигрант», «страна выезда», «страна въезда», «патрон (работодатель)», «посредник» и т.д. Кроме того, оговариваются типовые положения индивидуального трудо-

---

[155] *См.: Hotarirea Guvernului Republicii Moldova nr. 1077 din 20 noiembrie 1997 "Cu privire la angajarea provizorie a lucratorilor migranti". // Monitorul Oficial, 1997, nr.84-85.*

[156] *Там же.*

вого контракта, основные права и обязанности как трудового мигранта, так и иностранного работодателя.

Во второй части - «Временное трудоустройство граждан Республики Молдова за рубежом» - зафиксировано, что трудоустройство зарубежом осуществляется на основе индивидуального трудового контракта, который заключается с работодателем до выезда из Молдовы (или на территории страны приема, если этого требует законодательство страны работодателя) самостоятельно или при помощи посредника. При этом трудовой мигрант должен обладать информацией об особенностях и условиях труда и уровне жизни в стране приема. «Регламент» требует соблюдения установленной процедуры (регистрация и выплаты взносов в Социальный фонд Молдовы, регистрация трудового контракта в Департаменте миграции Министерства труда, социальной защиты и семьи, депозарий копии контракта и др), определяет случаи, когда не допускается трудоустройство молдавских гастарбайтеров за рубежом.

В третьей части, озаглавленной «Выдача лицензии на право деятельности по трудоустройству работников-мигрантов», подчеркивается, что лицензия, выдаваемая Министерством труда сроком на 1 год, является официальным документом подтверждающим право экономического агента заниматься трудовой деятельностью. «Регламент» определяет процедуру, основные требования и необходимые документы для получения лицензии; роль экспертной комиссии в принятии решения; оговаривает условия отказа в выдаче лицензии. В документе детально определены права и обязанности посредника в организации временного трудоустройства молдавских трудовых мигрантов зарубежом, отмечены обязательные платные и бесплатные виды услуг и т.д.

В четвертой части рассматриваются аспекты проблемы, сформулированные как «Выдача разрешения на организацию временного трудоустройства конкретного числа работников-эмигрантов в определенной стране». В «Регламенте» определены основные требования и условия получения разрешения на организацию временного трудоустройства, подчеркнуто, что разрешение выдается только при наличии официальной лицензии на право заниматься именно таким видом трудовой деятельности. Конкретно рассмотрена процедура получения разрешения в случаях изменения зарубежного партнера, наличия нескольких партнеров или заключения индивидуального трудового контракта на территории страны приема и т.п.

В пятой, последней части – «Временное трудоустройство иностранных граждан и апатридов на территории Республики Молдова» - определены условия для трудоустройства иностранных трудовых мигрантов в Молдове, подчеркнута зависимость получения разрешения на трудовую деятельность с разрешением на проживание в стране, необходимость документа, удостоверяющего наличие жилья и т.д. В «Регламенте» определены процедура, основные права и обязанности иностранного трудового мигранта в молдавском государстве, причины отказа во временном трудоустройстве на территории Республики Молдова. Кроме того, подчеркивается, что требования данного «Регламента» не распространяются на работников дипломатических и консульских миссий, представительств международных организаций, аккредитованных в стране иностранных журналистов и корреспондентов, лиц, в отношении которых, в соответствии с международными и межправительственными соглашениями, заключенными Молдовой с другими государствами и международными организациями, определен иной порядок трудоустройства[157].

Кроме того, молдавские миграционные службы посредством МИДа обратились к соответствующим структурам 24 государств (Болгария, Германия, Греция, Венгрия, Израиль, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Канада, Франция, Чехия, Словакия, Италия, Кувейт, Югославия, Хорватия, Словения, Македония, Босния-Герцеговина и др.) с предложением заключить двухсторонние соглашения по проблемам регламентации трудовой миграции молдавских граждан в эти государства. Однако, эта инициатива в основном не получила ответа. В начале апреле 1997 года Молдовой было подписано соглашение «О приеме и передаче граждан, находящихся незаконно на территории Республики Молдова или Республики Польша» с польской стороной, наиболее остро сталкивающейся с незаконной миг-

---

[157] *См.: Димитриев Р., Теоса В. Государственная стратегия Республики Молдова в области трудовой миграции: законодательные основы и эффективность их применения. // Moldova, Romania, Ucraina: integrarea europeana si migratiunea fortei de munca. / “CAPTES”. – Chisinau, 2000. – с.44-56; Дораш В. Основы государственной политики в области трудовой миграции. // Население Молдовы и трудовая миграция: состояние и современные формы. / CAPTES. – Кишинэу, 2000, с.57-65; Мошняга В., Краузе А., Коман А., Руснак Г. Трудовая миграция в Республике Молдова: нормативно-правовая база и практика регулирования. MOLDOSCOPIE (Probleme de analiza politica). Partea XIII. / USM. – Chisinau, 2000, с.145-161 и др.*

рацией граждан Молдовы. Аналогичное соглашение было подписано в июне 1997 года и с Венгрией.

В соответствии с принятым Регламентом были определены фирмы, получившие право на трудоустройство молдавских граждан зарубежом[158]. Если в начале этого периода государственная регламентация и регулирование трудовой миграции опережало реальные процессы трудовой миграции, то в конце периода, норматимно-правовая база и реальная практика стали существенно отставать, не соответствовать масштабам, сложности и разнообразию форм проявления, миграционным стратегиям и характеру нарушений.

Под давлением массовой нерегулируемой трудовой миграции рабочей силы с востока (посткоммунистических и постсоветских государств) западноевропейские государства стали проводить политику «закрытых дверей», защищать национальный рынок труда, собственную рабочую силу. В основном эти меры носили силовой, запретительный характер (ужесточение визового режима, депортация и др.). Повсеместно (от Польши и до Южной Кореи) стала массовой практика недопущения в страну владельцев голубого молдавского паспорта, их высылки независимо от наличия правильно оформленных документов. Усилилось давление стран Евросоюза на руководство Республики Молдова, от которого стали требовать более решительных мер в противодействии трудовой миграции населения на запад.

В то же время и молдавское руководство, осознав массовость трудовой миграции и возможность увеличить государственные запасы иностранной валюты, стремилось получить финансовую компенсацию за молдавских гастарбайтеров со стороны государств приема, стран Европейского Союза.

---

[158] *Лицензией на временное трудоустройство молдавских трудовых мигрантов зарубежом обладают по стране только 10 экономических агентов. (См.: De saracie, moldovenii se vand la negru in occident. // «Flux», 1999, 3 decembrie). При этом подавляющее число фирм, обладающих разрешением Министерства труда, социальной защиты и семьи на экспорт трудовых ресурсов из Молдовы, направляют молдавских рабочих на стройки в Израиль (см.: «Комсомольская правда в Молдове», 2000, 12 февраля). Отсутствие транспарентности в выборе фирм, занятых трудоустройством молдавских граждан зарубежом, нередко выступает основанием слухов о близости этих экономических агентов к молдавским государственным структурам, занятым регулированием миграционных процессов.*

Во внутренней политике предпринимаются меры по регулированию процессов трудовой миграции. Активизируется интерес к проблематике трудовой миграции со стороны государственных структур и общественного мнения. Делаются попытки противостоять деятельности фирм, которые делают бизнес на нелегальной трудовой миграции молдавского населения. Однако, в силу несовершенства молдавского законодательства эти попытки в основном не имели успеха[159].

Третий этап (2000-2001 гг.) характеризуется подвижками в позиции, реальной практике регулирования трудовой миграции и со стороны западноевропейских государств, и со стороны Республики Молдова.

Молдавской стороне для решения проблемы трудовой миграции, получения дивидендов, несомненно, хотелось бы получить политическое решение: - статус ассоциированного члена Европейского Союза (в общем-то, как и для других посткоммунистических государств). Однако, как показывает практика, к примеру, Турции, наличие статуса ассоциированного члена Евросоюза отнюдь не означал и не предполагал свободного (беспрепятственного) перемещения турецкой рабочей силы на рынка труда европейского сообщества[160]. Более того, в условиях современной безработицы среди значительной части населения западноевропейских государств и многочисленной армии гастарбайтеров из более чем десятка стран Центральной и Восточной Европы это втройне нереально. Не изменилось негативное отношение государств приема и в вопросе подписания двухсторонних соглашений в области регулирования трудовой миграции.

Государства Европейского Союза вынуждены считаться с многочисленностью посткоммунистических гастарбайтеров, сложностью только силового противодействия нелегальной трудовой миграции. Делаются шаги в поисках цивилизованного решения и регулирования трудовой миграции. В октябре 2000 года в Молдове было открыто консульство Португалии, в 2001 году – консульства Греции и Италии, государств, которые в наи-

---

[159] *См.: Мошняга А., Евдокимова Л., Коман А., Краузе А., Руснак Г. Трудовая миграция в лицах: люди и судьбы. / «CAPTES». – Кишинэу, 2000, с.31-35.*

[160] *Специальным решением была оговорено, что статус ассоциированного члена не распространяется на свободное перемещение турецкой рабочей силы в рамках Европейского Союза (См.: Ивахнюк И. Опыт государственого регулирования международной трудовой миграциию // Международная миграция населения: Россия и современный мир. Выпуск 2. / Диалог-МГУ. - Москва, 1999, с.27-51)*

большей степени страдают от нелегальных гастарбайтеров, в том числе и из Республики Молдова.

В 2001 году правительство Греции приняло закон, в соответствие с которым нелегальные трудовые мигранты, находящиеся в стране более 10 месяцев, могут получить вид на жительство, если они добровольно заявят о себе и явятся в полицейский участок. Правительство Берлускони (Италия) в 2001 году приняло решение о легализации и предоставлении вида на жительство нелегальным гастарбайтерам, пробывшим в Италии более 2,5 лет и добровольно заявивших об этом. При этом Италия требует выезда этих людей из страны и официального, цивилизованного въезда. В Португалии также предполагается предоставление вида на жительство тем нелегальным трудовым мигрантам, которые находятся в стране не менее 5 лет[161]

Следует отметить и другие новые аспекты в миграционной политике ряда государств Европейского Союза. Хотя, двухсторонние соглашения в области трудовой миграции на уровне правительств отсутствуют и малореальны в ближайшей перспективе, начинает утверждаться практика подписания соглашений в области трудовой миграции на уровне регионов, административных единиц. (Практика набора иностранными фирмами молдавских рабочих существовала и ранее. Другое дело, что в этот процесс не были включены соответствующие молдавские государственные структуры). Так, в частности, в 2000-2001 годы заключены соглашения между примэрией Кишинева и рядом областей Италии в сфере временного трудоустройства молдавских медсестер, строителей, сварщиков и т.д[162].

Представляется, что пример Германии, заинтересованной в трудоустройстве на своем трудовом рынке 20 тысяч программистов и проводящей в этих целях реальную политику трудового найма иностранных специалистов, в этом смысле достаточно интересен. Республика Молдова, обладающая квалифицированными специалистами в этой области также могла бы сотрудничать с немецкими властными и бизнес-структурами в этой области.

Позитивные изменения произошли и в политике молдавских властных структур. Демонстрируя наличие политической воли, пришедшие к власти коммунисты пообещали разобраться в проблеме государственных структур, регулирующих проблемы миграции (Департамент миграции мини-

---

[161] См. «Независимая Молдова», 2000, 12 декабря
[162] Stici I. Italienii ne invata maestria de zidar. // «Moldova suverana», 2001, 27 martie..

стерства труда, социальной защиты и семьи), в деятельности туристических фирм и т.д.[163]

Отметим, что обещания в значительной степени стали выполняться. Повышена роль государственной миграционной службы, ее роль и значение в структуре центральной исполнительной власти. Вместо Департамента миграции в составе министерства создана Государственная Миграционная Служба (ГМС) при правительстве. Ее руководитель – генеральный директор - назначает правительством. Увеличен штат этой государственной структуры, в ней сконцентрированы специалисты как из сферы труда, социальной защиты, так и правоохранительных органов, информационных технологий, дипломатии. ГМС состоит из 25 сотрудников из числа работников министерства труда, социальной защиты и семьи, иностранных дел и департамента информационных технологий. Финансирование осуществляется из госбюджета и за счет собственных средств, полученных от оказания услуг.

Основными задачами ГМС определены: - проведение государственной политики в области переселения, иммиграции и репатриации граждан, миграции трудовых ресурсов, контролем над применением и соблюдением законодательства, разработка межправительственных проектов соглашений по временному трудоустройству и социальной защите переселенцев[164]. То есть налицо концентрация в единой государственной структуре всех служб, занятых регламентацией и регулированием миграционных процессов, в том числе и процессов трудовой миграции.

При этом отметим, что в проводимой миграционной политике молдавское государство стремится преодолеть недостатки предыдущих теоретических подходов в регламентации и реальной практики регулирования миграции (См. «Регламент» 1997 года). Оно ставит своей целью защитить не только тех, кто легально находится и занимается трудовой деятельностью за рубежом, но и молдавских гастарбайтеров-нелегалов[165]

---

[163] *На проблему трудовой миграции как одну из важнейших проблем современного молдавского государства обратил внимание Президент Республики Молдова В.Воронин на инаугурации (См.: «Независимая Молдова», 2001, 4 апреля)..*

[164] *С 1 октября – миграционная служба. // «Независимая Молдова», 2001, 23 августа.*

[165] *Дораш В. Основы государственной политики в области трудовой миграции. // Население Молдовы и трудовая миграция: состояние и современные формы. /*

Учитывая предшествующий опыт малоэффективной борьбы с людьми, наживающимися на проблемах нелегальной трудовой миграции, парламент пошел по пути совершествования действующего законодательства. Если ранее поставщикам живого товара грозило лишение свободы всего лишь на год за … сводничество, то с 17 августа 2001 года вступила в действие новая статья Закона, предусматривающая лишение свободы на срок от 5 до 25 лет за незаконную торговлю людьми в целях наживы. Теперь можно привлекать к уголовной ответственности и тех, кто везет в Турцию молодых людей-доноров, продающих свою почку за смехотворную сумму, и патронов фирм, которые за 2000 долларов обещали трудоустроить молдавских граждан за рубежом.[166].

Происходит дальнейшая актуализация проблем трудовой миграции в общественном мнении страны. Особенно это касается торговли живым товаром, контрабандой в целях сексуальной эксплуатации молодых женщин, девушек и подростков. В этом большую роль играет страновое Бюро Международной Организации Миграции (МОМ), открытое в Молдове, в Кишиневе в 2001 году. Молдавское Бюро МОМ призвано мониторизировать проблему торговли живым товаром, контрабандой в целях сексуальной эксплуатации молодых женщин, девушек и подростков[167].

Средства массовой информации уделяют постоянное внимание проблеме трудовой миграции. Тематика трудовой миграции населения Республики Молдова получила освещение и в ходе избирательной кампании по выборам Парламента страны (февраль 2001 года). На этой проблеме пытались сыграть молдавские правые партии, пытаясь подрасти голосами нелегальных трудовых мигрантов. Для этого они предлагали открыть в западноевропейских странах избирательные участки для молдавских гастарбайтеров. Достаточно наивное предложение, если учесть, что подавляющее число молдавских граждан находится и трудится за рубежом нелегально. Более того, полагать, что эти люди придут и проголосуют за представителей

CAPTES. – Кишинэу, 2000, с.57-65. (С апреля 2001 года В.Дораш является начальником Управления политического планирования и политическим советником Президента Республики Молдова.)

[166] *Меньшиков А. Девиц за 5 тысяч «баксов» сдавали в бордели. // «Комсомольская правда в Молдове», 2001, 21 августа.*

[167] *См.: Traficul de femei si copii in scopul exploatarii lor sexuale in, prin si din regiunea balcanica. // Republica Moldova. IOM / OIM, 2001.*

правых партий, которые, находясь у власти, не сделали ничего существенного для облегчения участи этих людей, было бы неправильно[168].

Начинают осознавать свою роль защитника интересов трудящихся профессиональные союзы. Намечается конструктивное сотрудничество молдавских и греческих профсоюзов по проблемам защиты молдавских гастарбайтеров в Греции. При этом ведущей стороной выступили греческие профсоюзы[169].

Активнее включаются в освещение и мониторинг проблем трудовой миграции неправительственные организации. Они стремятся создать ассоциацию общественных организаций, оказать посильную консультативную, правовую, моральную помощь молдавским трудовым мигрантам, в том числе и зарубежом. Для этого устанавливаются контакты с соответствующими неправительственными организациями в государствах приема. Так в частности, в августе 2001 года были установлены отношения, подписано соглашение о совместном сотрудничестве с неправительственной организацией «Regina Pacis» (Италия) и др.

Одним из направлений своей деятельности неправительственные организации Молдовы видят в содействии процессу формирования и функционирования молдавской диаспоры на базе трудовых мигрантов, обладающих статусом легального пребывания и трудовой деятельности в странах Евросоюза. Отметим, что тенденция к формированию и функционированию молдавской диаспоры на основе имеющихся трудовых мигрантов достаточно реальна. Практика турецких гастарбайтеров в 60-70-е годы в Западной Европе убедительно свидетельствует об этом[170]. Легальность пре-

---

[168] *См.: Мошняга В., Руснак Г. Парламентские (2001) выборы в Молдове: специфика, результаты, электоральные стратегии и технологии // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiza politica). Partea XVI. / USM. – Chisinau, 2001, p.55-56.*

[169] *Наумов М. Греция согласна на все. Только – официально…// «Комсомольская правда в Молдове», 2000, 12 февраля; Portugalia preconizează să legalizeze munca moldovenilor. // "Dialog", 2000, 27 septembrie.*

[170] *Несомненно, что Турция накапливала свой опыт и в условиях, когда западноевропейские государства нуждались в гастарбайтерах. Однако не стоит забывать, что и тогда вопрос о социальной и правовой защите трудовых мигрантов в государствах приема решался очень даже не просто. Стереотипы того, что трудовая миграция ведет к росту ксенофобии, сужению возможностей для трудоустройства национальной рабочей силы, падению ее стоимости возникли не сегодня.*

бывания и трудовой деятельности в стране способствует, интенсифицирует процессы формирования, самоорганизации национальной диаспоры, осознания своей идентичности и собственных специфических интересов в другой стране[171].

MODELE ALE COMPORTAMENTULUI ELECTORAL (MODELUL RAȚIONAL).

Ruslan TANASĂ
Republica Moldova, Chişinău,
Universitatea de Stat din Moldova
Facultatea de Relații Internaționale,
Ştiințe Politice şi Administrative
catedra politologie
magistru, lector

Modelele comportamentului electoral reprezintă metodele prin care se realizează luarea unei poziții politice sau mecanismele prin care persoana de la orientare socială, orientare politică sau preferințele politice trece la un anumit tip de comportament electoral.

Ele sunt construcții teoretice ce elucidează mecanismele prin care se ia decizia de vot. În linii generale le putem claifica în două mari tipuri 1) raționale şi conştiente şi 2) inconştiente şi iraționale.

Comportamentul rațional. Pentru realizarea votului rațional sunt necesare câteva condiții. În primul rând informarea. Un compartiment rațional nu poate fi conceput în afara unei informații mult sau mai puțin depline privitor la concurenții electorali, dar şi la viața social-politică a societății şi statului. Şi în acest caz nu vorbim atât de libertatea sau posibilitatea accesului la informație cît de dorința de a primi această informație de interesul manifestat.

În al doilea rând, o altă condiție este capacitatea alegătorului de a face o analiză la informația recepționată, adică competența alegătorului. Pe de o parte,

[171] *См.: Ивахнюк И. Опыт государственого регулирования международной трудовой миграциию // Международная миграция населения: Россия и современный мир. Выпуск 2. / Диалог-МГУ. - Москва, 1999, с.27-51*

pentru ca votul să fie raţional, această analiză trebuie făcută fără a utiliza prejudecăţi, stereotipuri sau subiectivism, pe de altă parte ea este influenţată de studii, capacitatea mintală, temperament, cultură, venit, etc.

În acest context este interesantă viziunea cercetătorului rus E.I.Batalov. El scrie că "perceperea şi viziunea lumii politice de către actor, comportamentul său este determinat nu numai şi nu atît de situaţia socială, mentalitate, nivelul cultural, cât de localizarea în spaţiul politic". [172] Anume această poziţionare face ca viziunea actorului asupra procesului electoral să fie unilaterală, fragmentară. "Cetăţeanul simplu percepe şi evaluează viaţa politică prin prisma evenementelor ce nimejlocit vizează existenţa sa individuală."[173]

Primul care fundamentează acest tip de comportament din sfera social-politică este savantul german M.Weber. El numeşte raţional acel individ comportamentul căruia "este orientată la scop, mijloace şi efecte accesorii ale acţiunii sale, care raţional priveşte relaţia mijloacelor cu scopurile şi efectele accesorii şi, în sfârşit, relaţia diferitor scopuri posibile între dînsele."[174]

În aşa mod, pentru ca un comportament să fie numit raţional el trebuie, în primul rând, să fie direcţionat de un anumit scop. Scopul trebuie să fie real şi realizabil. Pe lângă aceasta, scopul implicit presupune existenţa la persoană a intereselor şi necesităţilor, căci scopul nu este altceva decît finalitatea în realizarea intereselor, iar interesele nu sunt altceva decât o expresie a necesităţilor care şi sunt scopurile sus menţionate.

Această triadă necesităţi – interese – scop (realizarea necesităţilor) pot fi motivele comportamentului electoral doar când se realizează două condiţii: 1) conştientizarea acestor interese şi 2) conştientizarea faptului că aceste scopuri pot fi realizate prin intermediul politicului, adică cu ajutorul exprimării la alegeri.

Referindu-ne la prima condiţie distingem 2 nivele ale comportamentului electoral raţional:

1) ceea ce cercetătorul român I.Drăgan numeşte "beneficii materiale"[175] şi se materializează în cîştigul imediat, prin existenţa unor interese înguste, foarte concrete şi, în unele cazuri, meschine. Acest comportament se poate depista la acele persoane cărora în rezultatul scrutinului li se vor realiza unele interese

---

[172] *Баталов Е. Я. Типология политических отношений // Полис, 1995, № 2, с.90.*
[173] *Ibidem, c.95.*
[174] *Вебер М. Избранные произведения. / Прогресс. – Москва, 1990, с.629.*
[175] *Drăgan I. Tipologii ale comportamentului electoral în România // Construcţia simbolică a câmpului electoral. / Institutul European. – Iaşi, 1998, p.340.*

imediate. În acest mod ei votează anumite formațiuni politice pentru a evolua în ierarhia de serviciu, pentru aşi menține status – qvoul, pentru a câştiga un fotoliu, pentru un sac cu grâu , sau pentru un pahar de vin. Acest comportament este specific pentru activiştii de partid şi într-o mai mică măsură pentru militanți, pentru anturajul candidaților şi a persoanelor sale de încredere (neamuri şi prieteni). Printr-un cuvânt acest comportament electoral este o expresie a cumătrismului moldovenesc. (Pentru a fi favorizați în cazul când persoana susținută va fi aleasă). Acesta este şi motivul donațiilor băneşti, ajutorului material etc. pentru candidați din partea antreprenorilor.

2) ceea ce I.Drăgan numeşte "beneficii simbolice"[176]. Merge vorba de prezența unei conştiințe politice mai complexe, care permite de a aprecia, evalua şi analiza mai amplu, situația social-politică din țară. Dacă primii fac aceasta axându-se pe propria personalitate, atunci această varietate a comportamentului electoral are în vedere grupul social sau chiar societatea în întregime. El presupune nu interese personale, simple, ci interese agregate, ne particulare (exemplu: lupta cu corupția, cu sărăcia, susținerea culturii şi ştiinței, bunăstarea materială etc.)

În cazul următorului component al votului rațional, al mijloacelor prin care se realizează scopurile, situația este mai dificilă pentru alegători şi dubioasă pentru cercetător. Ori alegerea mijloacelor adecvate presupune mai întâi cunoştințe privitor la economie, societate, cultură, armată, geopolitică şi în sfârşit politică. La cetățeanul simplu, chiar şi cu studii superioare, aceste cunoştințe sunt destul de slabe. Doar puțini se pot pronunța mai mult sau mai puțin profesionist privitor la aceste probleme.

După cum scria savantul american G.Sartori "alegerile nu decid asupra problemelor controversate, ele stabilesc, mai curînd, cine va decide asupra problemelor controversate".[177]

Depistarea şi evaluarea efectele accesorii induce şi mai multe exigențe față de alegător. Luarea în considerație a interconexiunilor şi interdependenților din cadrul sferelor social – economice şi politice la sigur întrece cu mult capacitatea de analiză şi percepere a cetățeanului mediu, în unele cazuri aceasta nu o pot face nici oamenii politici.

Reflecția asupra "relațiilor diferitor scopuri posibile între dînsele" induce şi mai mult sceptism în valoarea votului rațional ca un model descriptiv al comportamentului electoral.

---

[176] *Ibidem, p.340.*
[177] *Sartori. G. Teoria democrației reînterpretată / Polirom. – Iaşi, 1999, p.116.*

În acest caz problema comportamentului rațional o constituie alegerea între diferite formațiuni politice cu aceleaşi scopuri şi, mai ales, cu o viziune aproape identică privitor la mijloacele şi căile de atingere ale lor. Aici ne ciocnim de o incapacitate de elucidare a definiției lui M.Weber. În legătură cu aceasta, este necesar de a o completa cu un alt component – alegerea rațională nu se face doar în baza analizei scopurilor, mijloacelor, a efectelor limitrofe şi a relațiilor dintre scopuri, ci şi în baza evaluării capitalului politic al formațiunilor, liderilor politici. Prin capital politic înțelegem activitatea anterioară a partidului politic cît şi a persoanelor ce candidează pe listele acestui partid, meritele sale față de societate, realizările sale.

Şi aici este necesar de a atrage atenția asupra mediului social-politic şi a atmosferei societății. În societățile aflate în transformare încrederea cetățenilor în instituțiile puterii de stat, în partidele politice ce scade virtiginos. Pe de o parte din voința rea a guvernanților, pe de altă parte a condițiilor de dezvoltare, a rolului şi locului Republicii Moldova în sistemul economic mondial (să ne amintim de concepțiile cercetătorului francez F.Braudel) nivelul de trai se reduce dramatic. În aceste condiții promisiunile electorale cît de raționale şi de atrăgătoare n-ar fi ele în viziunea electoralului rămân simple promisiuni. Doar întărite prin dovezi ele pot convinge cetățenii să-şi dea votul pentru formațiunea dată.

Pe lângă aceasta este necesar de menționat că meritele şi realizările pot fi atribuite atât persoanelor concrete, cît şi formațiunilor politice. În statele liberal – democratice cu un sistem partizan şi partidist durabile sunt prezente ambele tipuri de atribuire, în Republica Moldova situația este altă. Formațiunile politice, sunt în majoritate efemere. Memoria colectivă nu le reține şi chiar dacă o face oricum ele au o imagine negativă (toate 3 scrutine parlamentare din Republica Moldova sunt marcate de votul de penalizare). În asemenea condiții real putem vorbi doar de meritele persoanelor concrete.

Aici sunt însă excepții – PPCD şi PCRM. Primul descendent sau epigon al Frontului Popular, altul, totul opus prin esență, urmaş al PCUS. Asupra lor se proiectează, prin conştient sau inconştient, o parte din imaginea precursorilor săi.

În aşa mod, în cadrul Republicii Moldova, raționalitatea presupune mai degrabă că privirea analitică trebuie îndreptată spre merite şi realizări, decît spre scopuri şi mijloace. În orice caz etapele analizei nu sunt scop – mijloace – merite ci viciversa.

Modelul raționalității limitate a votului. În cazul comportamentului electoral raționalitatea mai poate avea un sens pentru cetățeanul simplu – minimalizarea eforturilor depuse pentru alegerea dintre alternativele propuse. În acest

caz alegerea nu este atât raţională cît pragmatică. Dacă modelul raţional al comportării electorale se centrează pe evaluare şi reflexie, atunci acesta pe mijloacele de atingere a unui scop (votul) cu cît mai puţine cheltuieli, concomitent cu păstrarea caracterului instrumental al acestui act.

Dacă modelul precedent aborda alegătorul ca un geniu, atunci modelul raţionalităţii limitate a votului priveşte cetăţeanul ca un "leneş cognitiv". Studierea sau citirea programului nu este ceva obligatoriu, pentru el. Pentru acest alegător este suficient de a cunoaşte direcţia principală (orientarea) al partidului politic. Cunoaşterea, ca bază a acţiunii, se îndreaptă spre perceperea sloganurilor electorale şi a temelor generale exploatate de către lider/formaţiune politică. Acestea pot fi completate prin vizionări ocaziţionale a cuvântărilor televizate a liderilor, a clipurile electorale, participarea la întâlnirile cu candidatul etc. Formând din toate aceste crîmpee de informaţie recepţionată o imagine a situaţiei electorale mai mult sau mai puţin integră, raportând-o la concepţiile şi ideile sale privitor la economie, politică externă etc. el decide care din ele sunt mai "corecte" şi mai *reale*.

Apropo, prin definiţie, nici comportamentul raţional şi nici cel semiraţional nu presupune că asupra acestor persoane ar avea efecte populismul. Emoţiile sau afectele promovate de un astfel de discurs totuşi nu vor ieşi de sub controlul raţiunii.

O altă cale posibilă de realizare a acestui model este identificarea ideologică. Ideologia ca "un sistem de idei, valori, reprezentări etc. sistematizat şi conceptualizat, ce reflectă realitatea cu scopul de a o schimba în conformitate cu interesele unui grup, pătură, clasă socială … şi vizitează direct acţiunea politică"[178] este o entitate ce face eforturilor persoanei de prisos. Ea oferă scopurile şi mijloacele de atingere ale lor, alegătorul trebuie doar să le accepte. Totuşi cetăţeanul nu este scutit într-u totul de eforturi, el trebuie să-şi conştientizeze propria situaţie social-economică, propriul rol şi statut social şi, cel puţin în faza iniţială, să depună anumite eforturi pentru a cunoaşte şi compara ofertele ideologice.

Odată cu acordul cu principiile unei ideologii sau a unei tendinţe a ei are lor asimilarea nu numai a scopurilor şi mijloacelor, ci şi a unor principii, idei, valori etc. În aşa mod, ulterior ideologia se plasează ca un şablon cu care se compară, neapărat ehshaustiv, ofertele ideologice şi doctrinare ale concurenţilor electorali.

---

[178] *Varzari P., Tanasă R.. Unele considerente privitor la fenomenul ideologic. // Revista de filozofie şi drept, 2000, nr.1, p.15-16.*

Includerea identificării ideologice în mecanismele comportamentului electoral are un efect dublu, pe de o parte elimină incertitudinea, conferind alegerii siguranța corectitudinii.

Pe de altă parte, în cazul în care identificare ideologică este doar o etapă a alegerii, micşorează spectul formațiunilor politice necesare de a fi supuse analizei. Căci în cazul sistemelor multipartidiste, ca cel din Republica Moldova, o ideologie se poate identifica cu mai multe formațiuni politice, situație în general specifică societăților transformatoare. În acest caz alegătorul sau continuă rațional sa aleagă dintre aceste partide politice, accentuând atenția asupra micilor diferențe ideologicei doctrinare asupra meritelor liderilor formațiunilor politice, sau apelează la alte mecanisme de alegere.

Comportamentul electoral presupune nu doar alegerea dintre alternativele propuse, în primul rând el semnifică pentru majoritatea corpului electoral şi raportarea votului de la alegerile anterioare la realitățile actuale. Aceasta explică menținerea la putere a unor partide politice de-a lungul mai multor legislaturi. Această evaluare a activității formațiunilor politice se face în conformitate cu satisfacția/insatisfacția alegătorilor față de realizările sale. Aici la fel se pot depista modele raționale de comportament.

De menționat că acest domeniu oferă alegătorilor cu mult mai multe posibilități de a utiliza rațiunea, decât alegerea formațiunilor politice “noi”. Căci în acest caz se operează cu informația nemijlocită – prosperitatea economică, socială, politică etc. a societății şi statului în perioada respectivă, veniturile, posibilitățile de realizare şi nivelul de trai al alegătorului însuşi. Votarea în baza realizărilor din timpul aflării la putere a partidului politic este conceptul-chee al teoriei votului rațional şi este denumită votare retrospectivă.

Spre deosebire de majoritatea statelor ex-sovietice, în Republica Moldova toate alegerile parlamentare ce s-au desfăşurat de la cucerirea independenței au fost marcate de modelul votului retrospectiv. Cele din 1994 semnifică falimentul guvernării reformatoare, 1998 – al Partidului Democrat Agrar (PDAM), 2001 – al Alianței pentru Democrație şi Reforme (ADR) şi, în general, falimentul guvernării de 10 ani al “democraților”.

În acest mod indiferent de evoluarea ulterioară a mecanismului decizional, la origini se află, prin excelență procese obiective şi raționale de percepere a vieții social-politice.

Pentru a evita neclaritățile este necesar de a face o precizare. La nivelul societății votul retrospectiv, penalizator este privit ca un vot reactiv, protestatar, însă dacă ne centrăm atenția pe individ situația este de altă natură. Doar o mică

parte din electoratul partidului penalizat votează pentru un alt concurent electoral din motivul de al penaliza. Majoritatea pierzând încrederea în partidul în cauză se plasează pe alte poziţii şi motivul votului său nu mai este reacţia negativă, ci atingerea scopurilor pe care nu le-a realizat partidul votat la alegerile anterioare. În primul caz putem vorbi de un vot raţional sau emotiv (preponderent este totuşi cel de-al doilea), în cel de-al doilea modelele decizionale sunt foarte diferite

Raţionalitatea mai poate avea o accepţiune. Existenţa pragului electoral impune noi exigenţe, mai ales după majorarea sa, atât partidelor politice, cît şi alegătorilor. Pentru unii cetăţeni contează atît de a face alegerea "corectă", cît şi de a face aceasta într-adevăr, adică de a nu-şi pierde votul. Pentru un astfel de comportament electoral se întrevede şi aportul sondajelor de opinie.

Deci evidenţiem trei componente ale unui comportament raţional: 1) analiza capitalului politic, 2) analiza programelor/platformelor electorale şi 3) analiza listelor electorale. Evaluarea capitalului politic se face din propria experienţă şi cu "ajutorul" propagandei şi antipropagandei electorale.

În ierarhia surselor de informaţia ce influenţează cel mai mult alegătorii platforma politică, programul, scopurile concurenţilor electorali ocupă locuri semnificative. În timpul campaniei electorale din 1994 19,0% din respondenţi au declarat că acestea sunt sursele de informaţie care cel mai mult ia influienţat în alegerea concurentului electoral, în martie 1995 – 20%, în februarie şi martie 1998 respectiv 17,8% şi 17,6%, în februarie 2001 – 39,9%.[179]

Cunoaşterea şi evaluarea elitei de partid se poate face de către alegători în două direcţii: 1) aprecierea raţională a liderului politic şi 2) studierea listei electorale. În primul caz atenţia şi perceperea se centrează doar pe o persoană, fie liderul formaţiunii politice, fie altă persoană cunoscută ce candidează pe lista acestu partid. Pentru el nu mai contează celelalte persoane. Probleme pot apărea (atît pentru alegător cît şi pentru formaţiune) atunci cînd pe lista electorală se află şi o altă persoană care nu este agreată de alegător sau îi este chiar antipatică. Conflictul se poate rezolva chiar şi prin dezicerea de votul pentru formaţiunea politică respectivă. În cazul cînd decizia de vot se centrează doar pe acest aspect este prezent votul personificat, iar cînd alături de el sunt utilizate şi alte căi de apreciere votul este unul partidist.

Studierea listelor electorale presupune că alegătorul se informează mai complet, în comparaţie cu acţiunea precedentă. În pofida acestui fapt, această variantă, spre deosebire de cea anterioară, nu poate fi de sine stătător un motiv al

---

[179] *Sondaje realizate de SISI "Opinia" pe un eşantion naţional reprezentativ.*

comportamentului electoral. Pentru 10,7% (martie 1995), 5,8% (februarie 1998) şi 5,6% (martie1998) din electorat componenţa listelor electorale înaintate de un partid sau altul îi influienţează în alegerea celor pe care îi vor vota.[180] Tot aceste sondaje de opinie depistează că respectiv 16,2%, 6,0% şi 9,1% sunt la curent practic cu toate listele electorale, iar 40,7%, 59,1% şi 70,9% sunt la curent doar cu unele din ele şi 43,1%, 34,9% 20,0% nu le cunosc deloc.

Aşadar, abordarea raţională a votului se prezintă ca o teorie viabilă pentru explicarea comportamentului electoral, însă, raportînd-o la realitate, ea nu este singura posibilă. Individul nu este doar o fiinţă raţională, procesele inconştiente, dar şi emoţiile la fel sun o dimensiune a naturii umane.

PRINCIPALELE MODALITĂŢI DE APĂRARE A DREPTULUI DE PRORPIETATE ÎN REPUBLICA MOLDOVA

Marina RUSANOVSCHI
Republica Moldova, Chişinău
Universitatea de Stat din Moldova
Facultatea de relaţii internaţionale,
ştiinţe politice şi administrative
Catedra politologie
lector

În orice societate, proprietatea, ca parte a relaţiilor de producţie, reprezintă o instituţie esenţială care-i defineşte sistemul economic şi social. Odată cu dezvoltarea societăţii, conceptul de proprietate a evoluat şi el în sensul că această instituţie a fost considerată nu numai ca un instrument în satisfacerea propriilor interese ale proprietăţii, dar şi ca o instituţie chemată să răspundă u nor interese sociale.

Prin proprietate se înţelege totalitatea relaţiilor dintre oameni, privind însuşirea bunurilor, relaţiilor reglementate de norme sociale specifice diferitelor epoci istorice. De asemeni proprietatea a fost caracterizată ca un drept în virtutea căreia o persoană poate să facă dintr-un lucru tot ce doreşte, o completă libertate

---

[180] *Ibidem.*

de acțiune, fiind recunoscută proprietarului asupra lucrului care face parte din dreptul său de proprietate, afară de excepțiile fixate prin lege ori convenție.

În acest context, particularitățile dreptului de proprietate constau în aceia că proprietarul exercită atributele acestui drept în putere proprie şi în interes propriu, ceea ce înseamnă că el se supune numai legii, în timp ce cei ce exercită unele atribute ale dreptului de proprietate o fac în temeiul voinței proprietarului şi al legii, particularul fiind acela care determină limitele de exercitare a acestor atribute.

Datorită complexității conținutului său juridic dreptul de proprietate întotdeauna a beneficiat de o protecție specifică din partea legiuitorului. Însăşi, prin Art.17 din Constituția Republicii Moldova, adoptată la 29 iulie 1994 şi pusă în aplicare începând cu 27 august 1994, ne garantează realizarea dreptului de proprietate în formele solicitate de titular, dacă aceastea nu contravin intereselor societății.

De asemeni, legislația civilă ne stabileşte o totalitate de mijloace, acțiuni, prin care proprietarul tinde să înlăture atingerile ce sunt aduse dreptului său. Teza potrivit căreia dreptul de proprietate poate fi apărat şi prin mijloace de drept obligațional este unanim acceptată în literatura juridică din țara noastră. În argumentarea şi susținerea acestei teze trebuie să se țină seama de corelația ce există între drepturile reale şi cele de creanță, de rolul pe care îl are dreptul de proprietate în determinarea conținutului tuturor celorlalte drepturi patrimoniale, inclusiv a celor de creanță, precum şi de funcțiile pe care le au de îndeplinit în dreptul civil raporturile de obligații.

În dependență de caracterul încălcărilor dreptului de proprietate sunt stabilite 2 feluri de mijloace de apărare:

- mijloace indirecte
- mijloace directe.

Mijloace indirecte – constituie acele acțiuni civile, care se bazează pe dreptul de creanță şi anume acțiuni care provin din neexecutarea obligațiilor contractuale, acțiuni în nulitate sau anulare, care acționează ca urmare a nerespectării dispozițiilor legale ce reglementează condițiile de validitate – de fond şi de formă ale contractului, acțiuni cu răspundere delictuală, acțiune întemeiată pe îmbogățirea fără justă cauză, acțiune în restituirea plății nedatorate etc.

Mijloace directe **–** constau în acele acțiuni săvârşite în caz de încălcare nemijlocită a dreptului de proprietate. Avînd ca temei dreptul de proprietate, aceste sunt acțiuni reale şi locul central îl ocupă acțiunea în revendicare. Din punct de vedere juridic, revendicarea

Codul civil nu conține vre-o dispoziție cu referire directă la acțiunea în revendicare şi nici nu o defineşte. În aceste condiții doctrina şi practica judiciară, pornind de la reglementările existente în diferite materii şi avînd în vedere principiile generale ale dreptului civil au creat cadrul juridic al acțiunii în revendicare. Din punct de vedere juridic, revendicarea funcționează pe baza unor reguli proprii statornicite încă din perioada existenței şi a fost folosită doar în scopul apărării anumitor drepturi subiective cu caracter real.

Conform Art. 41 din Legea cu privire la proprietate şi Art 148 din Codul Civic "Proprietarul are dreptul să-şi revendece bunurile sale dintr-o posesie ilegală străină".

În conformitate cu prevederile legale aş menționa ca "acțiunea în revendicarea este folosită doar de proprietarul bunului împotriva aceluia la care se găseşte ori care în deține fără drept. Cu alte cuvinte, proprietarul neposesor solicită posesorului neproprietar să-I restituie bunul pe care-l deține fără drept".[181]

Acțiunea în revendicare priveşte atît bunurile mobile cît şi bunurile imobile determinate. Obiectul ei nu poate fi înlocuit cu bunuri de aceeaşi valoare. De asemeni acțiunea în revendicare este inaplicabilă şi în privința bunurilor incorporale.

Acțiunea de apărare a dreptului de proprietate poate fi înaintată de către proprietarul bunului de reclamantul care trebuie să facă dovada dreptului de proprietate. În stabilirea situației de fapt, instanța de judecată are obligație de-a se baza pe probe concrete.

În situația în care revendicarea nu poate face dovada dobândirii dreptului de proprietate, el va putea invoca titlul în temeiul căruia a dobândit dreptul de proprietate asupra bunului ce se revendică.

Dovada dreptului de proprietate de-a lungul timpului au prezentat dificultăți de ordin practic cît şi teoretic. Dificultățile practice au fost generate de faptul că proprietarii nu dispuneau de titluri scrise, dificultățile din punct de vedere teoretic privind din insuficiența probatori a titularilor de proprietate.

În concluzie aş menționa că proba dreptului de proprietate, nu poate fi absolută pe baza tuturor titlurilor translative, ar trebuie ca dreptul de proprietate să se stabilească "din autor în autor la infinit" şi cu titluri scrise.[182]

Principalele efecte ale acțiunii în revendicarea constau în restituirea bunului şi a fructelor sale, precum şi plata cheltuielilor făcute de posesor. În doctrina franceză se precizează că posesorul de rea credință trebuie să restituie toate fru-

---

[181] *Turianu C. Probleme speciale de dtrept Civil. - Bucureşti, 2000, p.99.*
[182] *Hamngiu C., Rosseti Bălănescu I., Băicacianu Al. Op.cit., p.105*

ctele lucrului de la data începerii posesiei, chiar dacă fructele au fost consumate sau dacă a omis să le culeagă, dar are dreptul să scadă cheltuielele făcute pentru obținerea fructelor (arături, semănături).

Art. 153 al Codului Civic ne mai stabileşte o modalitate de apărare a dreptului de proprietate împotriva încălcărilor, care nu sunt legate de pierderea posesiei bunului. Deseori în practica, din partea unor terțe persoane pot fi săvârşite unele încălcări, care nu sunt în legătură cu pierderea proprietății, ci doar împiedică folosirea bunului (ex. Aplicarea arestului asupra averii proprietarului).

Acțiunea înaintată este numită acțiunea negatore, care poate fi înaintată doar de proprietarul bunului oricând, cît există încălcările şi până când nu vor fi înlăturate. Asupra acestor acțiuni nu acționează termenul de prescripție.

În fine, normele dreptului de proprietate asigură apărarea dreptului de proprietate, indică ce acțiune trebuie înaintată, împrejurările ce au servit ca efect încălcarea dreptului de proprietate. Cu toate acestea există însă dificultăți, atît de ordin teoretic cît şi de ordin practic, în context deja menționate, dar care consider că pe parcurs statul va găsi o modalitate de soluționare a lor.

BIBLIOGRAFIA.

Codul Civil al Republicii Moldova (adoptat de Sovietul Suprem al RSS Moldoveneşti de la 26 decembrie 1964).

Constituția Republicii Moldova, adoptată 29 iulie 1964, şi pusă în aplicare la 27 august 1994.

Legere Republicii Moldova cu privire la proprietate adoptată la 22 ianuarie 1991 şi pusă în aplicare la 1 februarie 1991.

Popa E. P. Acțiunea în revendicare. - Bucureşti, 1998.

Turianu C., Turianu C. "Dreptul de proprietate" şi alte drepturi reale. - Bucureşti, 1998.

Turianu C. Probleme speciale de Dreptul Civil. - Bucureşti, 2000.

Lupulescu D. Drept civil. Drepturi reale principale. - Bucureşti, 1997.

Baeş S. Drept civil. Drept de proprietate. - Chişinău, 1995.

INTEGRAREA GENURILOR ÎN SOCIETATE ÎN CONTEXTUL TRANSFORMĂRILOR DEMOCRATICE

Silvia SACA
Republica Moldova, Chişinău
PNUD RBEC
Managerul Programului de Formare a Liderilor PNUD/ Moldova, expert problemele genurilor

Este binecunoscut faptul că democraţia este o formă de organizare şi conducere a societăţii în care poporul îşi exercită (direct sau indirect) puterea. Democraţia modernă îşi ia originea dintr-un pact social între bărbaţi din care sunt excluse femeile. Prin urmare, dreptul politic ce derivă din noul pact este fraternal. Adică integrarea femeii în societate, inclusiv în cea în transformare mai rămîne a fi actuală deşi actualitatea ei are deja 100 de ani.

Republica Moldova a parcurs în ultimii ani o perioadă marcată de importante schimbări spre o societate democratică. Schimbările intervenite în sistemul politic, în economie, în viaţa socială şi în mentalitatea publică, bineînţeles, au influenţat procesul dezvoltării societăţii, în multe cazuri însă având şi un impact nefavorabil, ostil faţă de femei, marginalizîndu-le pe acestea în toate domeniile de activitate.

Cu regret constatăm că Moldova continuă să se afle într-un impas multidimensional: nefuncţionalitatea legislaţiei, încălcarea drepturilor constituţionale ale cetăţeanului, în special ale cetăţeanului-femeie, stagnarea economiei, criza financiară fără precedent, creşterea datoriilor externe şi interne ale statului peste limita nivelului critic, reducerea şi incompetivitatea producţiei, criza sectorului energetic, ineficienţa sistemului fiscal, ş.a.

Criza societăţii se manifestă prin intensificarea gradului de pauperizare a populaţiei, feminizarea sărăciei şi a şomajului, reducerea calităţii educaţiei şi sănătăţii publice (comercializarea drepturilor constituţionale), a protecţiei sociale, deprecierea infrastructurii de toate categoriile, intensificarea neliniştii şi deprimării sociale, diminuarea credibilităţii autorităţilor publice. Ca urmare majoritatea populaţiei este afectată, un şir de parametri indicând o agravare, în special, a situaţiei femeilor, tineretului, copiilor şi a bătrînilor.

Femeile sunt mai des discriminate şi subestimate. 75% din femeile chestionate în cadrul sondajului Fundaţiei ”SOCIOMOLDOVA” sunt de părere că la

noi în ţară femeile nu sunt respectate, 74% - afirmă că femeile nu ocupă în societate locul pe care îl merită, 84% - nu au încredere în ziua de mâine[183].

Este cunoscut faptul că în Moldova majoritatea femeilor au o zi dublă de muncă: la lucru şi acasă. Sau chiar triplă, dacă e să ţinem cont de faptul că mai multe din ele sunt angajate într-o activitate obştească (de regulă neremunerată.) Dacă în sfera publică dreptul femeilor şi bărbaţilor de a participa în mod egal la lucru poate fi controlat prin legislaţie (dar nu este o prioritate la momentul actual nici pentru guvern nici pentru administraţia publică locală), atunci în familie majoritatea responsabilităţilor revin femeilor.

Reprezentanţii statelor membre ale ONU atît la Conferinţa a IV Mondială în Condiţia Femeii, Beijing 1995, cît şi la Sesiunea Specială a Asambleii Generale ONU (Beijing +5) ”Femeia 2000: egalitatea genurilor,dezvoltarea şi pacea în secolul XXI, New York 2000 au recunoscut starea precară a lucrurilor şi şi-au asumat responsabilitatea întru ameliorarea acestora. Adevărat că procesul este lent, încă nu în toate statele sunt elaborate Planurile Naţionale de Acţiuni, iar acele guverne care au aceste planuri nu aduc rezultatul aşteptat.

Conform documentului final al Sesiunii Speciale a Asambleii Generale ONU (Beijing +5) în compartimentul **Participarea femeilor în activitatea organelor decizionale** se menţionează anumite realizări. Tot mai mult este recunoscut rolul important, pe care îl joacă asigurarea participării multilaterale a femeilor în activitatea organelor decizionale şi în procesul de adoptare a deciziilor la toate nivelele şi la toate forumurile, inclusiv în sectoarele interguvernamental, guvernamental şi neguvernamental. Într-un şir de ţări femeile au obţinut în aceste sfere o pondere simţitoare.

Tot mai multe state îşi construiesc politica în interesul femeilor, inclusiv în unele ţări sunt aplicate sisteme de cote sau sunt încheiate acorduri benevole, sunt stabilite obiective şi sarcini cu destinaţie lesne de evaluat, sunt elaborate programe de instruire, în cadrul cărora femeile studiază principiile managementului, sunt întreprinse măsuri de reglementare a obligaţiunilor familiale şi profesionale ale bărbaţilor şi femeilor. Sunt create sau consolidate mecanisme naţionale de îmbunătăţire a situaţiei femeilor, ca şi reţele naţionale şi internaţionale, ce întrunesc femei-politiciene, parlamentare, activiste şi profesioniste în diferite domenii.

---

[183] *Women's status in the Republic of Moldova, Prepared by The Independent Foundation of Survey "SOCIOMOLDOVA" in collaboration with GID UNDP / Moldova. - 1998*

Totodadă organele decizionale în multe state rămîn a fi patriarhale. În pofida recunoaşterii generale a necesităţii asigurării unei reprezentativităţi echitabile a bărbaţilor şi femeilor în organele decizionale de toate nivelele, ca şi mai înainte se păstrează disproporţia între egalitatea de jure şi de facto. Femeile continuă să fie insuficient reprezentate printre legislatori, miniştri şi viceminiştri, la fel ca şi la nivelul superior al sectorului corporativ şi-n alte instituţii economice şi sociale. Rolul rezervat femeilor în mod tradiţional le îngrădeşte posibilitatea de alegere a educaţiei şi profesiei şi le forţează să ducă tot greul grijilor casnice.

Realizarea iniţiativelor şi programelor, menite să lărgească participarea femeilor la procesele de adoptare a deciziilor, este împiedicată de insuficienţa resurselor umane şi financiare la pregătirea lor profesională şi la cultivarea deprinderilor de a participa la viaţa politică; de lipsa unei înţelegeri adecvate a rolului femeilor în societate; de înţelegerea insuficientă într-un şir de cazuri a necesităţii participării femeilor în procesul de adoptare a deciziilor; de lipsa transparenţei în activitatea funcţionarilor aleşi şi a partidelor politice, preocupate de încurajarea egalităţii între bărbaţi şi femei şi de atragerea femeilor în viaţa socială; de conştientizarea insuficientă în societate a importanţei reprezentativităţii echilibrate a femeilor şi bărbaţilor la funcţiile de conducere; de nedorinţa bărbaţilor de a împărţi puterea; de lipsa tendinţei necesare spre stabilirea dialogului şi cooperării cu ONG-urile de femei, ca şi de lipsa structurilor organizaţionale şi politice de rigoare, care ar permite femeilor să participe în toate sferele de adoptare a deciziilor politice[184].

La capitolul participării femeilor în activitatea organelor decizionale în Parlamentul Republicii Moldova obserbăm o uşoară creştere a numărului de femei:

1994 - 101 deputaţi, inclusiv 5 femei;

1998 - 101 deputaţi, inclusiv 9 femei, o comisie condusă de femeie;

2001 - 101 deputaţi, inclusiv 12 femei inclusiv preşedintele Parlamentului – femeie şi două comisii conduse de femei.

Totodată trebuie să menţionăm ca nu a fost nici un act legislativ, care ar asigura participarea echitabilă a femeilor la ocuparea posturilor decizionale, nu există legea despre oportunităţi egale, fapt ce nu ne dă încredere, siguranţă că numărul femeilor ar putea creşte.

Pe de altă parte, conform înregistrarii partidelor din 1998, e necesar să constatăm faptul că a crescut considerabil ponderea femeilor în partidele politice (în unele până la 45%). Pe listele electorale de asemenea s-a majorat numărul fe-

---

[184] *Beijing+5, Realităţi şi Perspective. / Centru Gender. - 2001*

meilor, dar în primii zece candidaţi sunt doar una sau cel mult, două. Partidele nu au o strategie de asigurare a echităţii genurilor.

O situaţie diferită urmărim în componenţa Guvernului:

1994 - nici o femeie nu este membru guvernului;

1998 - o femeie membru guvernului;

1999 - 2 femei membru guvernului (inclusiv o femeie vice-primministru);

2001 - femeile pierd poziţiile în guvern.

La nivel de vice-ministru:

1994 – erau doar 2 femei,

1998 – 8 femei deţin acest post,

1999 – 8 femei devin vice-ministru,

2001 – 6 femei deţin acest post,

Din 9 prefecţi ai judeţelor (aleşi în 1999) doar unul este femeie (2001- situaţia rămîne similară), primari în sate si comune sunt în majoritate bărbaţi. Totuşi 10% de primării sunt conduse de femei. Astfel este reprezentativitatea femeilor la alegerile locale (situaţia la 1 ianuarie 1999)

Funcţia	**Total**	***Femei***
Preşedinţi ai comitetelor executive raionale, primari ai municipiilor	38	-
Primari ai satelor (comunelor)	851	93
Viceprimari ai satelor (comunelor)	17	3

Sursa: Informaţie curentă. Secţia administraţie publică (Cancelaria de Stat)

În cadrul relaţiilor de reprezentare a Republicii Moldova la nivel internaţional sunt antrenate 66 femei-funcţionari ai aparatului Ministerului Afacerilor Externe, inclusiv în misiuni diplomatice activează: o femeie vice-ministru; o femeie - reprezentant permanent la Consiliul Europei; o femeie - ministru consilier; 2 secretari I; 2 secretari II; 1 secretar III; 16 funcţionari administrativi-tehnici [185].

Conform datelor statistice, femeile reprezintă 52% din populaţia republicii şi 54% din forţa de muncă. Dar participarea lor la procesul de luare a deciziilor este foarte limitată.

[185] *Statutul Femeii în Republica Moldova. / UNDP. - 1999*

Totodată e necesar să menționăm faptul că în Republica Moldova a fost creat Mecanismul Național întru Promovarea Femeii[186]:

Comisia pentru problemele femeii şi ale familiei pe lângă Preşedintele Republicii Moldova, 10 mai 1999 – ianuarie 2001.

Subcomisia Oportunități Egale din cadrul Comisiei Drepturilor Omului în Parlamentul Republicii Moldova, 1998 – decembrie 2000.

Comisia pentru problemele femeii pe lângă Guvern, 2 februarie 1999.

Focare gender în cadrul tuturor Ministerelor, aprilie 1999.

Unitatea gender în cadrul Ministerului Muncii, Protecției Sociale şi a Familiei, 1997 / Direcția politici familiale şi oportunități egale, 1999.

Focare gender în fiecare subdiviziune a Ministerului Muncii şi Protecției Sociale, 2000

Focare gender în administrația locală.

Aspectele pozitive ale activității mecanismului național pot fi considerate:

însuşi formarea structurilor îndreptate spre îmbunătățirea situației femeii ca prim pas în realizarea echității gender.

fiecare Comisie a analizat diverse probleme, propunând soluții de rezolvare a lor.

a fost început dialogul între aceste structuri şi NGO de femei.

Obstacolele în funcționarea mecanismului național țin de următoarele:

Însăşi denumirile Comisiilor(guvernamentală şi prezidențială) au o nuanță de discriminare a femeilor (în Moldova femeile au stuii superioare şi sunt bine dotate);

Nu s-a format un mecanism eficient lucrativ, închegat. Comisiile funcționau separat, fără puncte de tangență şi practic, colaborând insuficient.

În comisia guvernamentală erau incluşi vice-miniştrii, fapt şi pozitiv şi negativ: pozitiv – prin posturile ocupate, negativ –aceste persoane responsabile nu au reuşit să conştientizeze suficient problemele genurilor;

schimbarea frecventă a Guvernului ducea la rotarea membrilor Comisiei Guvernamentale şi respectiv, la implicarea oamenilor neinițiați în problemă;

deciziile Comisiilor purtau caracter de recomandări, fapt ce putea fi ocolit de instanțele de resort.

Astfel Mecanismul Național are un rol limitat în structurile de stat, un mandat nedefinit cu claritate, duce lipsă de finanțare, state şi informații suficiente.

---

[186] *Gender in Development: Handbook for CEE and Baltic countres. / UNDP RBEC. - 1998; Statutul Femeii în Republica Moldova / UNDP. - 1999*

Acest Mecanism nu are influență politică necesară pentru a propulsa concepția egalității genurilor, ca prioritară, în toate domeniile vieții sociale.

Propuneri de îmbunătățire a activității mecanismului național:

Formarea Departamentului Oportunități Egale în cadrul Guvernului (la nivel de Minister).

Restituirea subcomisiei Oportunități Egale în Parlament

Clarificarea şi împuternicirea statutului Focarului Gender din ministere şi departamente.

Elaborarea, adoptarea şi implementarea Legii Oportunități egale.

Elaborarea Regulamentului de funcționare a Mecanismului Național, ținînd cont şi de administrația publică locală.

Familiarizarea continuă a populației şi factorilor de decizie cu procesul funcționării Mecanismului

ASPECTE ALE CULTURII POLITICE ÎN REPUBLICA MOLDOVA ÎN PERIOADA DE TRANZIȚIE

Constantin SOLOMON
Republica Moldova, Chişinău
Universitatea de Stat din Moldova
Facultatea de Istorie
doctor, conferențiar
şef de catedră

Republica Moldova a pornit pe calea noilor transformări, unele radicale, care cuprind toate domeniile vieții, inclusiv cultura politică a societății.

În perioada de trecere de la totalitarism la democrație în toate republicile din spațiul ex-sovietic, inclusiv în Moldova, nici un termen din ştiința politică nu s-a bucurat de o mai frecventă utilizare în discursurile politicienilor, savanților-politologi, literatura de specialitate şi mass-media ca cel de *cultură politică*.

În articolul de față ne-am propus drept scop de a analiza unele aspecte ale culturii politice în republică ce a determinat în mare parte efectele perioadei de tranziție şi de a face anumite enunțuri vizând această problemă.

La conceptul de cultură politică, preluat din antropologie, au recurs pentru prima dată, în 1956, politologii nord-americani Gabriel Almond şi Sidney Ver-

ba[187], iar adevărata carieră a conceptului a început la mijlocul anilor '60 după publicarea cărţii acestora intitulată *The Civic Culture*, editată în anul 1996 în limba română la Bucureşti[188]. În *Dicţionar politic. Instituţiile democratice şi cultura civică*, elaborat de Sergiu Tămaş, cultura politică este definită după cum urmează: "După G.Almond şi S.Verba un fenomen complex, rezultat al unui sistem de atitudini (generat de reprezentările, valorile, credinţele şi convingerile împărtăşite) şi un sistem de conduite (obiceiuri, tradiţii, instituţii) ale membrilor societăţii în raport cu viaţa politică (partide, constituţie, stat etc.). Cultura politică îndeplineşte rolul unui transformator de conduite individuale în conduite colective. Funcţionarea normală a unei societăţi, respectiv stabilitatea şi eficacitatea ei, depind de existenţa unei culturi politice definite şi active"[189].

Actualmente sunt puse în circuit ştiinţific peste 50 de definiţii ale noţiunii de cultură politică, multitudinea lor fiind determinată de complexitatea noţiunii în cauză.

Concluzia noastră privitoare la cultura politică este că ea poate fi înţeleasă, lato sensu, ca o formă particulară a culturii în general care reprezintă o sinteză a valorilor politice, a psihologiei politice.

Cultura politică este o parte integră a culturii umane, care e strâns legată de activitatea politică a diferitelor comunităţi sociale, naţiuni, partide şi mişcări politice, a anumitor personalităţi care se prezintă ca subiecte ale vieţii politice.

Regimul comunist a influenţat prin aparatul său de propagandă modul de percepere a lumii politicului, modurile de evaluare, sentimentele şi credinţele politice[190]. Sistemul totalitar comunist a căutat să modeleze printr-o socializare politică un tip de cetăţean cu o mentalitate deformată, un comportament colectiv care s-a sprijinit decenii la rând pe dezideratele Partidului Comunist, acceptând tacit politica promovată de el. Această îndoctrinare a lăsat urme în cultura politică a societăţilor postcomuniste. Astfel, imediat ce cetăţeanul a fost pus într-o situaţie nouă, când se cerea participarea lui activă la treburile societăţii, el a trebuit să opteze pentru una sau alta dintre elitele politice care se ofereau îndată după căderea

---

[187] *Almond G. Comparative Political Systems. // Journal of Politics, 1956, N18, p.3.*

[188] *Almond G., Verba S. Cultura Civică. - Bucureşti, 1996.*

[189] *Tămaş S. Dicţionar politic. Instituţiile democraţiei şi cultura civică. Ediţia a II-a, revăzută şi adăugită. - Bucureşti, 1996, p.73.*

[190] *Stănciugelu Şt. Ideal-tipuri şi tipuri reale în cultura politică românească. // Sfera Politicii, 1994, N21, p.6-7.*

regimului comunist. Noua elită politică a ştiut să profite de năzuinţele şi aşteptările cetăţenilor.

În republică deja zece ani la rând se vorbeşte despre trecerea la economia de piaţă, însă măsurile care se adoptă sunt în mare parte distanţate de aceasta. Astăzi şi-au pierdut creditul unii termeni specifici ce desenează realităţi economico-sociale sau politice, cum ar fi: liberalizarea preţurilor – echivalată cu ridicarea lor, economia de piaţă – asimilată speculei, privatizarea – echivalată afacerilor dubioase, reforma – percepută exclusiv prin şomaj şi sărăcie. Populaţia a înţeles că economia de piaţă şi raporturile concurenţiale aduc avantaje, dar implică şi riscuri, că generează noi tipuri de probleme sociale, declanşează conflicte. După afirmarea conducerii Fondului Monitar Internaţional: "Moldova prezintă imaginea unui stat extrem de corupt, unde reforma stagnează".

Transformările democratice din Moldova au provocat unele schimbări şi în mentalitatea oamenilor, nu însă dintre cele radicale. Perioada de tranziţie în Republica Moldova se caracterizează prin inconsecvenţă în promovarea reformelor economice, accentuarea rivalităţii dintre reprezentanţii naţiunii române şi grupurile etnice rusolingve, încetinirea desfăşurării proceselor democratice etc. Toate au avut o influenţă negativă asupra evoluţiei vieţii politice, astfel că s-a ajuns la conflictul armat din Transnistria. Unele modificări atestăm şi în comportamentul politic, opţiunile valorice – politice ale diferitelor categorii sociale.

Imaginea pe care o avem astăzi despre evenimentele socialmente semnificative, trecute sau prezente, provine, aproape în exclusivitate, de la mass-media – televiziunea, radioul şi presa scrisă.

Afirmarea noilor realităţi social-economice, precum şi a noilor atitudini politice a demonstrat clar că democratizarea societăţii trece în mod inerent prin democratizarea şi pluralismul comunicării. Pentru a-şi face publice propriile mesaje, idei, noile forţe politice aveau nevoie de asistenţa mass-media. La începutul anilor nouăzeci în republică se înregistrează o adevărată "febră a consumului mediatic"[191]. Apar o serie întreagă de publicaţii ale partidelor şi mişcărilor social-politice, grăbite să transmită maselor propriul mesaj, organe ale fundaţiilor culturale, ale organizaţiilor religioase, ale asociaţiilor de minorităţi naţionale, ziare şi reviste ale şi pentru cercurile de afaceri. Are loc reprofilarea multor publicaţii, reînregistrarea lor, conform noii legislaţii, concomitent schimbându-şi fondatorii,

---

[191] *Moraru V. Mass-media şi politica în societatea contemporană (studiu teoretico-analitic): Autoreferat al tezei de doctor habilitat în ştiinţe politice. / USM. – Chişinău, 2001, p.22.*

denumirile, periodicitatea. Tirajul unor ziare creşte de zece ori şi mai mult. În anul 2000 în Republica Moldova se editau 176 ziare cu un tiraj de peste 30 milioane exemplare[192], iar pe piața informațională activau 10 agenții informaționale care pot fi considerate, pe drept cuvânt, principalii furnizori de ştiri ai presei scrise[193].

Descoperindu-şi capacitatea de a stimula, în cadrul primelor evenimente ale tranziției, dezbaterea publică, de a o direcționa şi a o influența, mass-media şi-a asumat rolul de actor politic. Consecința acestei noi situații a fost politizarea considerabilă ori chiar excesivă a mass-media, a conținutului publicațiilor, în primul rând. Televiziunea, radioul, cotidienele şi periodicele au plasat în primele pagini materiale ce au vizat istoria țării, istoria poporului, până nu demult acoperită de valul uitării sau insuficient cunoscută.

După cum arată experiența primilor ani de tranziție, se pare că mass-media s-au conformat noilor reguli de joc şi au acceptat de a fi principalul intermediar între clasa politică şi societatea civilă, între partide şi universul electoral.

Cel mai important lucru pe care îl reclamă mişcările democratice militante pentru nişte alegeri libere şi echitabile este accesul la televiziune şi rado. Cu toate acestea, studiile arată că cei care urmăresc doar televizorul au un nivel de informare mai scăzut şi tind să fie mai confuzi, dar şi mai cinici cu privire la viața politică în genere, decât cei care urmăresc presa scrisă[194].

Aprecierile la capitolul activitatea mijloacelor de informare în masă în timpul campaniilor electorale se reduc la următoarele: a fost o campanie murdară, necivilizată, ceva dezonorat, vulgar, iar campania electorală pentru alegerile Parlamentului Republicii Moldova din 25 februarie 2001 îndeosebi s-a evidențiat ca una dintre cele mai detestabile. Este de menționat că mass-media din republică şi-a permis de multe ori un limbaj incorect în adresa concurenților electorali. Răspunsurile din cadrul sondajului telefonic la întrebarea "Cum apreciați propaganda din mass-media în campania electorală?", realizat de cotidianul "Flux" la 27 februarie 2001, au fost în majoritate de tipul: "A fost ceva dezgustător, o campanie vulgară. Majoritatea concurenților electorali în loc să manifeste cultură şi bunul simț se măcinau unul pe altul în speranța că istoria îi va îndreptăți. Acesta a şi fost

---

[192] *Datele au fost furnizate de Casa Cărții din Republica Moldova.*

[193] *Stepanov G. Potențialul politico-informațional al presei contemporane din Republica Moldova: Autoreferatul tezei de doctor în ştiințe politice. / USM. - Chişinău, 2000, p.10.*

[194] *Chătelet Fr., Pisier E. Concepțiile politice ale secolului XX. - Bucureşti, 1994, p.66.*

motivul din care multă lume n-a mers la votare”[195].

Presa din Moldova mai mult “a convins” decât a informat. Ceea ce s-a urmărit de-a lungul campaniilor electorale a fost mai degrabă un comentariu politic cu pretenții de informare. Presa de opinie, mass-media în general, s-a încadrat într-o competiție unde măiestria de defăimare a concurenților electorali aducea după sine laurii triumfului. Mai remarcăm că informația pe care o primește publicul nostru despre politicieni, viața politică și instituțiile politice este deseori incompletă, uneori tendențioasă și adesea falsă.

Au devenit ceva obișnuit în perioada de tranziție sondajele de opinie cu cele mai variate teme. Sociologii și instituțiile destul de numeroase, capabile să efectueze sondaje de opinie, activează astăzi destul de fructuos. Publice sau nu, sondajele, în special cele care abordau teme electorale, au fost adesea solicitate, devenind repere în cadrul de activitate a partidelor sau alianțelor politice. De multe ori de concluziile acestora s-a ținut cont la alcătuirea programelor electorale ale partidelor și la articularea strategiilor campaniilor. Este prima certificare că sondajele de opinie au devenit un element necesar al discursului politic în general, al recuzitei electorale, în particular, și că rolul lor nu este ignorat. Remarcăm două funcții ale sondajelor de opinie preelectorale, în raport cu rolul lor benefic: în primul rând, ele sunt un time-out acordat participanților la bătălia electorală și electoratului-spectator și, în al doilea rând, un catalizator relativ obiectiv al amalgamului mesajelor electorale emise în exces pe parcursul campaniilor. În plus, sondajele de opinie au devenit un tip anumit de teren de comparație și, concomitent, o alternativă la imaginea pe care o dau statisticile și rapoartele oficiale cu privire la starea lucrurilor în societate. Sondajele atestă că cetățenii Republicii Moldova manifestă foarte puțină încredere față de Parlament – 85%, Președintele țării – 79%, Guvern – 74%, justiție – 66%, partide politice – 83%.[196] De aici și apatia față de procesul politic.

Mijloacele de informare în masă au mediatizat pe larg rezultatele sondajelor de opinie în timpul campaniilor electorale. La 13 februarie 2001 ziarele “Независимая Молдова” și “Moldova Suverană” au publicat un sondaj de opinie privind alegerile parlamentare anticipate, efectuat de Serviciul Independent de Sociologie și Informații “Opinia” în perioada 1-8 februarie pe un eșantion național-reprezentativ pentru întreg teritoriul republicii cu participarea a 1473 de res-

---

[195] *“Flux”, 2001, 27 februarie.*

[196] *Barometrul de opinie publică. / Institutul de Politici Publice. - Chișinău, 2001, ianuarie.*

pondenți, domiciliați în 56 tipuri de localități, situate în toate regiunile țării (cu excepția Transnistriei).

La întrebarea: "Dacă alegerile parlamentare ar avea loc mâine, Dvs. pentru care partid (bloc) politic ați vota?" răspunsurile au fost grupate după cum urmează: pentru Partidul Comuniștilor – 33,1%; pentru Blocul electoral "Alianța Braghiș" – 27,3%; pentru Partidul Popular Creștin-Democrat – 9,0%; pentru Partidul Renașterii și Concilierii – 8,4%; pentru Partidul Democrat – 5,5%. Mai departe, acestea sunt succedate, în ordinea descrescândă, de celelalte partide (blocuri) politice și candidați independenți[197].

Analizând rezultatele acestui sondaj, de altfel și ale tuturor celorlalte sondaje de opinie efectuate și publicate în broșuri aparte sau în alte ziare în timpul campaniilor electorale, am constatat că ele sunt mult prea departe de realitate, de adevăr, prost gândite și, din anumite interese politice, falsificate. Aceste date, de asemenea, ne vorbesc despre cultura politică a sociologilor și a anumitor forțe politice din republică. Nu e bine să prezinți publicului larg dorințele anumitor forțe politice drept realitate.

Eșichierul politic din Republica Moldova cuprindea, potrivit datelor din 6 august 1997, 45 de formațiuni politice înregistrate la Ministerul Justiției, în conformitate cu "Legea privind partidele și alte organizații social-politice"[198], iar la 17 martie 2000 la Ministerul Justiției al Republicii Moldova erau înregistrate 29 de partide și organizații social-politice[199].

Constituția Republicii Moldova, adoptată la 29 iulie 1994, a pus bazele multipartidismului în țară și a determinat locul și rolul partidelor politice în sistemul statalității moldovenești. Din 1994 până în prezent, partidele politice au parcurs o perioadă de clarificări ideologice, transformări structurale la nivelul conducerii și al organizațiilor teritoriale.

În cadrul sistemului multipartidist din Republica Moldova se observă următoarele tendințe: continuitatea vechii nomenclaturi, străduința acesteia de a supraviețui și de a se adapta la noua conjunctură politică; copierea modelelor unor partide politice din statele occidentale; crearea unor formațiuni politice specifice republicii. Apar un șir de partide care caută sprijin în mediul diferitelor categorii

---

[197] *"Moldova Suverană", 2001, 13 februarie.*

[198] *Enache M., Cimpoieșu D. Misiune diplomatică în Republica Moldova. 1993-1997. - Iași, 2000, p.412-414.*

[199] *Cernenco M., Galben A., Rusnac Gh., Solomon C. Republica Moldova: Istoria politică (1989-2000). Documente și materiale, Vol.II. - Chișinău, 2000, p.164-167.*

sociale, printre care: Partidul Social-Democrat, Partidul Național Liberal, Partidul Democrat Agrar din Moldova, Partidul Ecologist "Alianța verde" din Moldova, Partidul Național Țărănesc Creștin-Democrat din Moldova etc.

Propunând propria doctrină și ideologie, fiecare partid formează, de fapt, subcultura politică a grupului de simpatizanți și aderenți[200].

La moment, în republică activează următoarele partide doctrinare: Partidul Comuniștilor din Republica Moldova, Partidul Popular Creștin-Democrat (ambele sunt partide parlamentare) și Partidul Național Liberal. Mai pretind (liderii) a fi doctrinare: Partidul Național Țărănesc (PNȚ) și Partidul Social-Democrat. Activează încă un șir de mișcări și partide, constituite fie din necesitatea susținerii unei singure persoane sau chiar în jurul unor lideri.

În același timp, multe partide politice nu au ținut și nu țin cont de principiile doctrinare enunțate, iar activitatea și acțiunile lor politice sunt de multe ori contrare titulaturii asumate. Aceasta de asemenea este o reflectare a culturii politice, o cultură politică fragmentară.

Cetățenii moldoveni posedă o cultură politică nu prea înaltă, fapt determinat de închiderea arealului basarabean în spațiul sovietic pe o perioadă îndelungată. Cetățenii republicii nu posedă idei politice coerente și pot să formuleze doar judecăți protestatoare la adresa regimului. Pentru unii din ei noțiunea de reformă și tranziție au un sens negativ și de aceea ei sunt ostili partidelor care promovează o astfel de politică. Cu toate acestea, aproape 65% din cetățeni consideră că este bine să avem o economie de piață.[201]

O problemă prioritară ce contribuie la formarea culturii politice a societății noastre este depășirea stereotipurilor din gândirea cetățenilor. Pentru instruirea politică a cetățenilor este necesară dobândirea nu numai a cunoștințelor, dar și a unei practici politice. Cultura politică a individului este determinată de factorul economic și cel social, de statutul social al persoanei, de conștiința politică, de orientările valorice care stau la baza activității lui politice. Este necesară promovarea coerentă a unui sistem întreg de valori democratice, general umane, derularea ordonată a reformelor economice, sociale și politice.

O formă coruptă, des întâlnită în perioada de tranziție în Republica Moldova, este limbajul populist, demagogic. Acesta se caracterizează prin retorism excesiv, sentimentalism primitiv și belșug de promisiuni seducătoare, însă impro-

[200] *Voiculescu M. Politologie. - București, 1998, p.70.*
[201] *Barometrul de opinie publică. / Institutul de Politici Publice. - Chișinău, 2001, ianuarie.*

babil de îndeplinit. Acest limbaj este specific unor lideri ai partidelor politice şi chiar unor persoane din eşaloanele de vârf ale puterii.

Un limbaj propagandistic care aproximează destul de bine ceea ce ar trebui să fie limbajul politic în democrație este limbajul aşa-zis "corect din punct de vedere politic". Câteva dintre caracteristicile lui le vom releva recurgând la descrierea limbajului politic din SUA. Principalele dimensiuni întâlnite sunt deziderate democratice: antirasism, antisexism, anti-xenofobie, într-un cadru mai larg de susținere a realizării garanțiilor drepturilor omului. Scopul acestui limbaj politic este integrarea unor categorii defavorizate din punct de vedere politic, dar şi economic şi social. Calea practică o reprezintă politicile afirmative descentralizate ale societății civile şi ale administrației locale. Ele cuprind acțiuni şi programe, prin care agenții economici, şcolile şi alte instituții sporesc oportunitățile de afirmare pentru membrii grupurilor minoritare. Astfel, limbajul "politic corect" are un rol esențial în stimularea unui mod de gândire democratic şi promovează toleranța şi normalitatea raporturilor între grupele sociale cu identități diferite.

Folosirea repetată a unor cuvinte în discursurile şi propaganda comunistă a contribuit la devalorizarea acestora. Astfel, astăzi oamenii se ruşinează să vorbească despre patrie şi patriotism sau să se manifeste ca patrioți. Aducem doar un exemplu. Între 15 şi 18 noiembrie 2000 s-a desfăşurat pe Internet sondajul internațional "Planet-Project", cu participarea oamenilor din 52 de țări. Una din cele peste 200 de întrebări a fost: "Eşti mândru de țara în care trăieşti?". Rezultatele date publicității clasează canadienii pe primul loc, cu 94% răspunsuri afirmative. Românii sunt plasați pe penultimul loc, cu numai 46% răspunsuri afirmative, iar cetățenii din Republica Moldova sunt plasați pe ultimul loc, fiind cel mai puțin mândri de țara lor, cu numai 40% răspunsuri afirmative.

Năzuind să-şi creeze un electorat stabil, partidele politice desfăşoară o largă activitate de socializare politică a cetățenilor, în concordanță cu ideologia lor de partid. Desigur, formațiunile politice pot depăşi interesele înguste de partid şi pot contribui la formarea unei culturi politice democratice, dar cu condiția găsirii unei forme adecvate care nu ar repeta fostul învățământ politic de partid (sistemul învățământului politic al Partidului Comunist). Fundamentul pe care fiecare cetățean îşi clădeşte propriul sistem de convingeri, atitudini şi conduita politică sunt numai cunoştințele politice oferite de ştiințele politice.

Gradul de civilizație al unei societăți este determinat în mare măsură şi de circuitul liber de idei. Membrii societății îşi formează un comportament şi moravuri proprii unui regim politic democratic, folosind formele instituționalizate ale acestuia, respectând deciziile majorității sau opiniile opoziției şi învățând să

poarte un dialog loial şi politicos, însuşindu-şi regulile jocului politic. Cetățenii îşi vor forma noi opinii față de structurile politicului, iar gândurile şi sentimentele lor nu vor fi controlate şi manipulate de stat sau de alte instituții politice. Numai depăşind toate aceste obstacole putem spera la o înviorare intelectuală a societății noastre.

O problemă aparte o constituie cultura politică a elitei guvernante şi a instituțiilor puterii de stat. De mijloacele, formele şi metodele pe care elita guvernantă le foloseşte la reformarea societății moldoveneşti depinde în mare măsură cum populația se adaptează la noile realități. Sunt necesare elasticitate în tactică, corijarea cursului, dialogul cu opoziția. Puterea trebuie să devină mai perceptibilă față de problemele omului şi ale societății, să prevadă şi să soluționeze conflictele ce apar.

Şi încă ceva. Calitatea morală şi profesională a conducerii de vârf a țării este foarte importantă. Ocârmuirea calitativă atrage emoțional cetățenii în activitățile de ameliorare a sistemului politic.

În cadrul Congresului "Casa noastră – Republica Moldova", convocat la 5 februarie 1994, Preşedintele Republicii Moldova Mircea Snegur a rostit discursul "Republica Moldova este țara tuturor cetățenilor săi"[202]. În scurt timp după acest discurs, la 24 februarie 1994 a fost publicată scrisoarea deschisă a intelectualilor adresată Preşedintelui Republicii Moldova M.Snegur "Pericolul aservirii politice a veşnicelor adevăruri"[203] în care se subliniază: "Ne-a mirat insistența cu care ați folosit nişte date cu caracter istoric, dar ne-a dezgustat scopul pentru care acestea au fost folosite, mai ales maniera incorectă, sfidătoare de bun simț şi de elementară cultură istorică, în care au fost manipulate. Ca oameni deprinşi să judece nu după cele auzite, ci în temeiul mărturiilor materializate în cuvântul scris, am aşteptat publicarea discursului, pentru a verifica cele auzite. Şi ne-am convins că, din păcate, am auzit bine"[204].

Reieşind din anumite considerente şi interese politice, Preşedintele republicii M.Snegur a prezentat la 27 aprilie 1995 Parlamentului un mesaj "Limba română este numele corect al limbii noastre" în care a propus ca în articolul 13 şi 118 din Constituția țării să fie stipulat că "limba de stat (oficială) a Republicii Moldova este limba română".[205]

---

[202] *"Moldova suverană", 1994, 9 februarie; "Sfatul Țării", 1994, 12 februarie.*
[203] *"Literatura şi Arta", 1994, 24 februarie; "Țara", 1994, 5 martie.*
[204] *Ibidem.*
[205] *"Moldova Suverană", 1995, 29 aprilie.*

La 26 iunie 1995 a urmat Declarația Președintelui Republicii Moldova M.Snegur către Executivul Partidului Democrat Agrar din Moldova (PDAM) despre încetarea calității de membru al Partidului Democrat Agrar din Moldova[206]. După ce a ieșit din componența PDAM, Președintele țării M.Snegur înaintează o serie de inițiative legislative privind denumirea limbii oficiale, reforma funciară, impulsionarea ei prin abolirea prevederilor care interzic ca pământul să devină obiect de vânzare-cumpărare, religia (introducerea ei ca obiect de studiu în școală) etc. Partidul de guvernământ, la conducerea căruia se afla pe atunci Andrei Sangheli, s-a pronunțat împotriva "revizionismului de dreapta" și a început un atac împotriva Președinției ca instituție de stat și a șefului statului în exercițiu M.Snegur. Toate acestea atestă un grad nu prea înalt al culturii politice a celor care ne-au guvernat țara.

În cadrul dezbaterilor televizate din campania alegerilor prezidențiale din noiembrie 1996 ex-Președintele Republicii Moldova M.Snegur a spus rugăciunea "Tatăl nostru", fapt considerat de mulți ziariști și politicieni drept un truc electoral pentru a-și atrage alegătorii și, în special, oamenii mai în vârstă de la sate, și a cerut ca să repete rugăciunea și contracandidatul său Petru Lucinschi. A fost o dovadă elocventă a faptului că, în primul rând, politicienii recurg la orice mijloace pentru a atrage electoratul, și în al doilea rând, că cultura politică a conducătorului statului nu atinge nivelul cuvenit.

Anul 1997 începe cu un eveniment de importanță majoră pentru Republica Moldova. La 15 ianuarie își ține discursul de investitură cel de-al doilea președinte al țării P.Lucinschi. Noul șef al statului și-a intitulat discursul într-un mod sugestiv: "Mă consider președinte al tuturor cetățenilor Republicii Moldova", dorind să dea un semnal "tuturor forțelor politice din țară să nu se lase antrenate în confruntări și lupte interne istovitoare, care ar duce la noi tensionări în societate". În continuare P.Lucinschi a declarat: "Pornesc pe acest drum deosebit de onorat pentru mine cu ferma hotărâre de a transforma Președinția într-o instituție deschisă pentru toți cei cărora nu le este indiferentă soarta acestei țări. Președinția va fi o instituție în care va domina numai grija pentru popor"[207].

Cu părere de rău, acestea și alte promisiuni ale Președintelui așa și n-au fost realizate.

Conducerea științifică, în general, și conducerea politică, în special, nu este ușoară, ci, dimpotrivă, este complicată și nu se poate realiza fără înțelepciune și

[206] *Ibidem, 27 iunie.*
[207] *Ibidem, 16 ianuarie.*

responsabilitate.

Nivelul culturii politice este demonstrat şi de votul alegătorilor. Până în anul 1990 acest drept nu a fost pe deplin democratic. Iar din acest an până la 25 februarie 2001 cetăţenii republicii au fost convocaţi la urne de opt ori (în anii 1990, 1992, 1994, 1995, 1996, 1998, 1999, 2001) pentru a-şi alege reprezentanţii instituţiilor puterii locale, în parlament, Preşedintele republicii, precum şi pentru a participa la referendumul republican consultativ din 23 mai 1999, având de răspuns la singura întrebare: "Sunteţi pentru modificarea Constituţiei în scopul instaurării sistemului prezidenţial de guvernare în Republica Moldova în cadrul căruia Preşedintele republicii ar fi responsabil de formarea şi conducerea Guvernului, precum şi de rezultatele guvernării ţării?" În toate cazurile, prezenţa la urnă pentru exercitarea dreptului de vot a fost destul de mare.

Astfel, la alegerile parlamentare din 25 februarie 1990 au participat 2359813 alegători sau 83,43 procente[208], la alegerea Preşedintelui Republicii Moldova din 8 decembrie 1991 – 1988384 alegători sau 83,96 procente[209], la alegerile parlamentare din 27 februarie 1994 – 1869090 alegători sau 79,31 procente[210], la alegerile Preşedintelui Republicii Moldova din toamna anului 1996 – 1698568 alegători sau 70,11 procente[211], la alegerile parlamentare din 22 martie 1998 – 1680470 alegători sau 69,12 procente[212], la alegerile parlamentare din 25 februarie 2001 – 1606703 alegători sau 67,5 procente[213].

Participarea activă a electoratului la vot denotă un interes sporit din partea populaţiei faţă de politica ţării şi un nivel înalt al culturii politice democratice. Acest fapt este esenţial. Neregulile, anularea unui anumit număr de buletine de vot şi alte disfuncţionalităţi induse birocratic, inclusiv tentativele de încălcare a legii – fără a fi lipsite de importanţă – nu au reuşit să compromită sau să degradeze fondul şi conţinutul acestui principiu al democraţiei. Faptul că fiecare cetăţean care a dorit să voteze, a putut, neîngrădit, să o facă, ne confirmă că, din

[208] *"Moldova Socialistă", 1990, 1 martie.*
[209] *"Făclia", 1991, 13 decembrie.*
[210] *Electorala '94. Documente şi cifre. Ediţie a Comisiei Electorale Centrale. - Chişinău, 1994, p.136.*
[211] *"Moldova Suverană", 1996, 3 decembrie.*
[212] *Electorala '98. Documente şi cifre. Ediţie a Comisiei Electorale Centrale. - Chişinău, 1998, p.68.*
[213] *"Moldova Suverană", 2001, 6 martie.*

acest punct de vedere, climatul favorabil democrației este deja un bun câştigat şi asumat.

De altfel, la alegerile Parlamentului Republicii Moldova din 25 februarie 2001 Partidul Comuniştilor a obținut o victorie deosebită (50,2% din voturi) comuniştii deținând 71 de mandate în Legislativ[214]. Rezultatele alegerilor parlamentare au demonstrat că, votând pentru comunişti, electoratul i-a condamnat pe cei care de atâția ani l-au înşelat.

Menționăm însă că nu toți alegătorii se prezintă la urnele de vot, în primul rând o mare parte din tineretul țării. Astfel, la alegerile parlamentare anticipate din 25 februarie 20001 nu şi-au dat votul 30,4% din alegători. S-a înregistrat o participare pasivă la alegeri a studenților, adică a viitorilor specialişti. Acest fapt denotă că în comportamentul civic al studenților nu a fost conştientizată una din maximile democrației, că participarea la alegeri este prima posibilitate de influență asupra puterii politice.

Pe timpurile primei democrații din lume, din Grecia antică, exista o lege înțeleaptă care obliga cetățenii atenieni să ia o atitudine politică şi să acționeze de partea oricărei partide, dar să acționeze. Când era vorba de viața politică, nimeni nu avea dreptul să nu participe la ea – exemplu foarte bun de urmat pentru alegătorii din Moldova.

La 15 februarie 2001 ziarul "Moldova Suverană" a publicat materialul: "Concurenții electorali au invadat Chişinăul cu postere publicitare"[215]. În material se subliniază că poliția municipiului Chişinău a întocmit de la începutul campaniei electorale pentru alegerea Parlamentului Republicii Moldova din 25 februarie 2001 46 de procese-verbale împotriva persoanelor care au "afişat postere electorale în locuri interzise". Însă pentru asemenea încălcări legislația în vigoare prevede o amendă în mărime de numai zece salarii minime. Cu toate că Preşedintele țării a chemat toți concurenții electorali să participe în mod civilizat la campania electorală, totuşi chiar de la începuturile ei cutiile poştale din casele de locuit erau pline cu foi volante propagandistice şi alte materiale care defăimau, în cel mai murdar mod, concurenții la alegeri – exemplu ce demonstrează elocvent cultura politică a unor lideri de partide politice.

Alegerile prezidențiale şi parlamentare din Republica Moldova au scos în relief faptul că în cultura politică a electoratului mai persistă tradiționalismul, ataşat unor valori socialist-egalitariste, înspăimântat de greutățile – inevitabile – care ar însoți

---

[214] *Ibidem, 14 martie.*
[215] *Ibidem, 15 februarie*

realele reforme economice. Alegerile au demonstrat încă o dată că în Republica Moldova cultura politică n-a devenit încă o cultură civică, o formă a culturii în general. Cetățeanul este dominat şi dirijat în continuare de ideologia unei elite guvernante foarte birocratizate, care face eforturi pentru a nu permite autonomizarea acestuia. Toate partidele politice, fie ele democratice sau declarativ democratice, caută să influențeze masele, să le formeze o imagine despre realitate aşa cum o văd ele (adică partidele politice).

O mutație serioasă în mentalitatea individului încă nu s-a produs. Cultura politică a societății noastre este încă departe de a accepta principiul compromisului ca bază a discursului politic. Toate acestea influențează negativ asupra desfăşurării proceselor democratice din republică. Primii paşi pe care ar trebui să-i facă elitele partidelor politice ar trebui îndreptați spre crearea unei imagini obiective a electoratului asupra realității social-politice. Pentru a menține stabilitatea şi a soluționa eficient diversele probleme ale societății, partidele ar trebui să promoveze o politică de compromis, şi nu una de excludere. Aceasta ar genera unele schimbări şi în gândirea membrilor societății, ar contribui la crearea unei culturi politice democratice.

Lupta politică între partide trebuie dusă într-un mod civilizat, iar scopul suprem al participanților la ea să fie nu tendința de a răsturna cu orice preț puterea politică existentă, ci grija pentru asigurarea unei vieți civilizate concetățenilor.

Totodată este necesară o evoluție spre omogenitate în societate în ceea ce priveşte atitudinea față de valorile democratice ale statului de drept. Este necesară reducerea nivelului de conflictualitate şi violență politică, folosirea procedurilor civile de soluționare a tensiunilor ce apar în societate.

Finalmente subliniem că în Republica Moldova există totuşi o anumită cultură politică care are în substanță atât elemente conservatoare, cât şi inovatoare, iar populația țării este aptă, dispusă şi interesată să-şi structureze o cultură politică de factură democratică.

CULTURA POLITICĂ ÎN SOCIETĂȚILE POSTCOMUNISTE: REALITĂȚI ŞI PERSPECTIVE

Pantelimon VARZARI
Chişinău, Republica Moldova
Institutul de Studii Politice şi Relații Internaționale,
Catedra Relații Internaționale şi Ştiințe Politice
doctor-conferențiar
Şef-catedră

Silviu TĂBÎRȚĂ
Chişinău, Republica Moldova
Institutul Muncii al Confederației Generale a Sindicatelor
cercetător ştiințific

Cultura politică este un produs firesc al dezvoltării istorice. Omul conştient tinde să formeze cultura sa, inclusiv cea politică, în concordanță cu anumite idealuri. Rezultatele activităților premergătoare ale generațiilor constituie o parte integrantă a culturii politice.

Cultura politică, fiind un factor important al procesului civilizațional general, constituie un element primordial al sistemului politic al societății. Nivelul dezvoltării culturii politice dezvăluie calitatea şi eficacitatea funcționării acestui sistem. Cultura politică este cea care explică izvoarele, caracterul şi particularitățile sistemului politic concret, regimul politic existent în societate, conştiința politică şi comportamentul grupurilor sociale, dinamica şi direcția proceselor politice care derulează într-o comunitate umană.

Cultura politică formează atitudinea individului, colectivului, clasei, societății în ansamblul ei față de viața politică, față de conținutul, esența, caracterul şi scopurile politicii, față de evenimentele sociale şi politice, legi, mecanisme, forme şi mijloace ale funcționării şi înfăptuirii politicii, față de activitatea puterii politice şi liderilor ei. Fiind oglinda ce reflectă experiența colectivă, individuală, istorică şi social–politică actuală, cultura politică asigură continuitatea normelor şi modelelor determinate şi a formelor comportamentului politic. Ea creează un carcas normativ al procesului politic, determină autoguvernarea activității politice a participanților acestui proces. Aşadar, cultura politică influențează neîntrerupt caracterul şi metodele constituirii, funcționării, modificării şi schimbării

sistemului politic, direcționarea intereselor politice, a standardelor şi antrenarea cetățenilor în procesul politic.

În societățile postcomuniste problemele formării culturii politice în procesul devenirii societății democratice se află în centrul atenției politicienilor şi cercetătorilor ştiințifici. În aceste societăți cultura politică trebuie să devină un factor important al dezvoltării şi dinamizării vieții politice, în care trebuie să se formeze cele mai fine mecanisme psihologice ale acțiunii politice şi să se concentreze dispoziții sociale stabile. În noile state independente noua cultură politică va deschide perspective mari pentru prognozarea politică, elaborarea cursului politic, adoptarea şi realizarea deciziilor politice de guvernare eficientă. Evidența nivelului maturității, caracterului şi conținutului culturii politice va permite politicienilor să prognozeze atitudinea populației față de deciziile adoptate, pronosticînd anumite acțiuni ce ar asigura elaborarea deciziilor adecvate şi realizarea lor efectivă. De aceea conținutul culturii politice a unei societății în tranziție, reflectînd competența politică a cetățenilor, grupurilor sociale şi a comportamentului lor politic, are o mare influență asupra formării şi funcționării instituțiilor de stat şi politice, atribuie semnificații definitorii proceselor politice din societate, determină caracterul interacțiunii dintre stat şi societate civilă.

În literatura ştiințifică fenomenul culturii politicii este privit drept un set de orientări cu o finalitate în politică (partide, constituție, istoria unui stat). Aceste orientări reprezintă nişte predispoziții determinate de diferiți factori - tradiții, memorie colectivă, istorie, emoții, norme etc. În ultimii ani s-au cristalizat două accepțiuni ale termenului de cultură politică. Prima este aceea care asociază cultura politică cu cunoaşterea ideilor, doctrinelor, programelor diferitelor partide politice, a relațiilor dintre instituții politice şi structurile sistemului politic, interacțiunii dintre diferiți subiecți politici. Apartenența cetățeanului la o cultură politică sau alta se poate reliefa prin mai multe modalități, inclusiv prin adeziunea unui individ la o formațiune politică, la o programă sau platformă politică.

A doua accepțiune a termenului de cultură politică se referă la aspectul afectiv-emoțional şi valoric al culturii politice. Cetățeanul aflat, spre exemplu, în fața urnelor de vot optează pentru un partid sau altul mai curînd pe un fon apreciativ şi necritic, determinat fiind, în primul rând, de trăirile sale, de memoria colectivă a comunității căreia îi aparține, de opinia cristalizată în grupuri formale şi neformale pe care le susține şi de diferiți factori emoționali. Cercetătoarea canadiană G.M.Patric, analizînd definițiile culturii politice, optează pentru următoarea caracterizare a conceptului cercetat: cultura politică se referă la un tip particular de standarde autoritare, care definesc cadrul de conduită acceptabil pentru

actorii dinăuntrul oricărui sistem politic; ea constă dintr-o constelație de credințe și idei privind structura autorității, norme (reguli și legi), valori (scopuri și obiective) și simboluri încorporate într-o constituție formală ori cuprinse într-un set de moravuri și deprinderi informale[216].

Cultura politică include în sine acele elemente şi fenomene ale conştiinţei politice şi sociale, ale culturii spirituale a unei sau altei societăți care sînt legate de instituțiile și procesele politice și au o influență determinantă asupra modelelor formării, funcționării și dezvoltării instituțiilor politice, acordă eficiență și direcție procesului politic în întregime şi comportamentului politic al maselor. Aşa cum o cultură determină şi prescrie anumite norme de comportament în diferite sfere ale vieții sociale, cultura politică determină şi prescrie un anumit sistem de conduite (obiceiuri, tradiții, instituții etc.) ale membrilor societății în raport cu viața lor politică (partide, constituție, stat etc.), precum şi regulile „jocului" în sfera politică.

Un loc nu mai puțin important în cultura politică îl ocupă ideologia[217], deoarece problemele acesteia nu se separă de problemele ce se referă la autoritate, putere și relații de putere. Ea este chemată să acorde importanță relațiilor instituționale între cetățeni, să explice realitățile politice în condițiile concret istorice. Ideologia este un element constitutiv al politicii, dar nu este alternativa ei. Ideologia explică categoriile și noțiunile, cu ajutorul cărora se justifică sau se resping instituțiile politice, acțiunile politice, cursul politic etc., dar ea nu poate înlocui cultura politică[218].

Ideologia, fiind un ansamblu de idei, reprezentări, mituri elaborate de formațiunile politice în vederea orientării comportamentului individului și grupurilor sociale în problemele fundamentale ale dezvoltării societății (forma și modul de guvernare, natura și conținutul sistemului politic, vectorul și obiectivele dezvoltării societății, valorile demne de urmat etc.), reprezintă un set coerent de idei care ghidează acțiunea politică a cetățenilor. Ea asigură perceperea valorică, exprimarea intereselor politice de grup și individuale, deprinderea de a analiza pro-

---

[216] *Citat după Josanu I. Cultura politică: abordare de concept. // "Arena politicii", 1996, nr.5, p.7.*

[217] *Despre dimensiunile fenomenuli ideologic vezi mai detaliat: Varzari P., Tănase R. Unele considerații privind fenomenul ideologic. // Revista de filosofie şi drept, 2000, nr.1, p.15-26.*

[218] *Гаджиев К. Политическая культура: концептуальный аспект. // Политические исследования, 1991, № 6, с.77.*

cesele social-politice prin prisma intereselor şi scopurilor politice determinate de individ. În aşa fel, ideologia este o parte componentă a realităţii, a existenţei politice şi spirituale a societăţii contemporane.

Vom reţine că procesul trecerii de la un regim politic totalitar la unul democratic, formarea unei culturi politice pluraliste, democratice este complicat şi contradictoriu. Schimbările in cultura politică a societăţilor postcomuniste presupun modificări esenţiale ale mentalităţii omului, depăşirea stereotipurilor ideologice vechi, familiarizarea membrilor societăţii cu valori noi şi înlăturarea celor vechi, însuşirea cunoştinţelor politice necesare pentru realizarea principiilor, normelor şi valorilor democratice.

Cultura politică a societăţii de tranziţie poate fi reprezentată ca o interacţiune reciprocă a orientărilor valorilor vechi şi noi, cu predominarea stabilă a standardelor comportamentului politic a culturii politice dependente[219]. Această constatare reiese din faptul că procesele restructurării în conştiinţă a orientărilor valorice şi standardelor comportamentului politic, ce se deosebesc de o mare inertitate şi conservatism, au loc prin mecanismele schimbării generaţiilor. Odată cu dezvoltarea relaţiilor de piaţă se modifică şi sursele şi mijloacele formării culturii politice. Aceasta din urmă devine mai diferenţiată din punct de vedere al exponenţilor (subiecţilor) şi metodelor de exprimare. Concomitent procesul formării culturii politice devine mai diversificat şi complicat, deoarece în economia de tranziţie are loc o polarizare adîncă a societăţii (în oameni mai bogaţi şi oameni mai săraci), mobilitatea socială a populaţiei (mişcarea pe verticală şi orizontală a scării sociale ierarhice) şi alte fenomene economice şi sociale, ceea ce creează mari dificultăţi în dialogul social al puterii şi societăţii.

În cultura politică a societăţii postototalitare pot fi evidenţiate cîteva straturi neomogene de elemente, care pot fi caracterizate şi grupate în dependenţă de anumite criterii. Aceste criterii şi grupurile corespunzătoare lor, în opinia cercetătorului rus K.Gadjiev, sînt următoarele:

În primul rînd, pluristructuralitatea – îmbinarea elementelor tradiţionale (etatism, totalitarism, personificare, anarhism, colectivism, solidarism, mesia-

---

[219] *Gabriel A. Almond şi Sidney Verba în studiul lor fundamental de analiză comparată „The Civic Culture" evidenţiază şi examinează trei forme ideale de orientare politică (parohială, de supunere şi de participare) şi trei tipuri de cultură politică (parohială, dependentă şi participativă). Vezi mai detaliat: Almond G. A., Verba S. Cultura Civică. Atitudini politice şi democraţie în cinci naţiuni. – Bucureşti, 1996; Almond G. A., Verba S. Tipuri de cultură politică. // "Arena politicii", 1996, nr.5, p.3-6.*

nism), sovietice (idealism, vojdism, egalitarism) şi moderniste (individualism, drepturile şi libertăţile omului, libera concurenţă).

În al doilea rînd, eterogenitatea – existenţa diferitelor subculturi etnice, religioase, confesionale etc.

În al treilea rînd, caracter fragmentar – fluctuaţii, nedeterminare, o ruptură de orientări şi obiective.

În al patrulea rînd, starea de conflict – lipsa consensului social, împărţirea socialului în cîteva direcţii: societatea şi puterea, poporul şi intelectualitatea, trecutul, prezentul şi viitorul[220].

Unii cercetători din spaţiul exsovietic afirmă pe bună dreptate că cultura politică a statelor Europei de Est, care traversează aceleaşi procese ale reformelor economice şi politice, se caracterizează prin următoarele particularităţi:

- un nivel minimal al convingerii populaţiei în posibilitatea sistemului politic de a reforma cardinal societatea;
- un nivel redus al încrederii cetăţenilor faţă de instituţiile şi organele de stat;
- acceptarea ideii pieţei libere cu toate încertitudinile de implementare a ei;
- o confuzie puternică în reflectarea şi interpretarea unor termeni ca democraţie, pluralism politic, separarea puterilor etc;
- alegerea politică a alegătorului este determinată nu de motivele politice clare şi însuşiri conceptuale, dar de considerente individuale (simpatie – antipatie), psihologice (agresivitate – spirit paşnic) şi, pur şi simplu, din întîmplare[221].

Odată cu proclamarea independenţei, Republica Moldova a pornit pe o cale nouă de transformări de mare anvergură care cuprind toate subsistemele societăţii. Unul din acestea este cultura politică a societăţii, care influenţează direcţiile, caracterul şi conţinutul dezvoltării sistemului politic cu toate componentele lui caracteristice. Mai mulţi cercetători sînt de acord cu faptul că societatea noastră la etapa actuală se caracterizează printr-o cultură politică fragmentară şi conflictuală atît în aspectul deosebirilor dintre purtătorii ei, cît şi în ceea ce priveşte modalităţile de exprimare şi funcţionare a ei. Pentru o astfel de cultură e specifică starea de sciziune, lipsa unui acord între exponenţii diferitelor subculturi referitoare la valorile fundamentale, idealurile şi scopurile urmărite,

---

[220] *Гаджиев К. Размышления о политической культуре современной России. // Мировая экономика и международные отношения, 1996. №.2, с.27.*

[221] *Лавриненко В. Н. Политология. – Москва, 1999, с.361.*

structura şi regimul politic existent în societate etc. Concomitent acest tip de cultură politică se caracterizează şi prin izolare socială, prin lipsa încrederii între diferite grupuri şi categorii sociale, între elite şi mase. Aceste şi alte particularităţi ale culturii politice reflectă diverse stări evidente de conflict şi de mari tensiuni sociale care generează instabilitate politică in societate[222].

Altfel spus, în societatea moldovenească predomină astăzi o cultură politică fragmentară şi conflictuală din punct de vedere al exponenţilor (indivizi, grupuri sociale, subculturi politice etc.) şi al modalităţilor de exprimare al acestora (limbajul politic, comportamentul lor politic etc.). Cultura politică a societăţii noastre este neomogenă şi segmentară, deoarece diverse interese ale diferitelor comunităţi sociale generează consolidarea mai multor modele de cultură politică, numite şi subculturi, care se deosebesc esenţial una de alta. În cadrul culturii politice în republică depistăm subculturi ale elitelor şi maselor, aceste modele semnificînd diferenţe în orientările clasei politice în comparaţie cu cele aparţinînd cetăţenilor. Clasei politice îi aparţine o cultură politică elitară, puterea fiind luată în calitate de valoare politică, iar omul constituind doar un mijloc de atingere a scopurilor propuse. Cultura maselor, la rîndul ei, poate fi constituită din numeroase subculturi bazate pe anumite criterii (etnolingvistice, socio-economice, regionale, de vîrstă etc.). Concomitent vom observa că cultura politică a elitelor se deosebeşte de cea a maselor prin stereotipuri de gîndire, mentalitate şi limbaj politic.

Cultura politică a societăţii moldoveneşti este o sinteză a diverselor valori politice, (noi şi vechi) orientări şi standarde (moderne şi tradiţionale) ale activităţii politice. Aici cultura politică, la unele pături sociale, continuă să se bazeze pe forme de viaţă şi de conştiinţă colectivă. O parte a populaţiei continuă să împărtăşească idei paternaliste, neluînd în consideraţie faptul că statul nu poate şi nu trebuie să intervină în toate domeniile vieţii publice. De aceea trebuie conştientizat faptul că succesele reformării societăţii necesită transformarea pe etape a conştiinţei individului, a comportamentului lui social. În caz contrar orice schimbări fie că vor fi respinse de către o mare parte a populaţiei, fie că vor căpăta forme negative.

Cultura politică a diverselor grupuri sociale depinde de faptul cum se reflectă sistemul politic în mentalităţile oamenilor, de pasiunile şi afectele lor politice, de experienţa pe care individul o posedă în domeniul vieţii publice, de

---

[222] *Fruntaşu P., Rusnac Gh. Republica Moldova pe calea democratizării (aspecte ale procesului de constituire a unui nou sistem politic). – Chişinău, 1999, p.76.*

capacitățile persoanei de a aprecia la justa valoare fenomenele şi evenimentele politice, toate acestea fiind şi manifestări ale culturii politice. Nimeni nu mai pune la îndoială faptul că participarea la practica politică (mitinguri, demonstrații, greve etc.) este unicul indice în formarea unei culturi politice democratice. De aceea unii cercetători arată că pentru constituirea adevărată a unei culturi politice pluraliste şi deci democratice mai este necesară şi asimilarea cunoştințelor politice ce depind de informarea corectă a populației, de instruirea politică adecvată a ei, de socializarea politică a individului, de promovarea consecventă a unui sistem de valori general–umane, de formarea unor convingeri politice şi de derularea coerentă a reformelor democratice şi economice în societatea de tranziție.

Se ştie că cunoştințele politice, de rînd cu valorile politice şi concepțiile politice, constituie conştiința politică - component inseparabil al culturii politice al societății. Cunoştințele politice sunt, de fapt, cunoştințe despre sfera politică a societății, despre diversele ideologii politice, despre instituțiile legitime şi procedurile legale, cu ajutorul cărora se asigură participarea cetățenilor la procesul politic. Dacă ne referim la societatea noastră, observăm că nivelul cunoştințelor politice a scăzut, ceea ce se explică prin sărăcia majorității populației, preocupată de problemele cotidiene. Ca urmare a avansării crizei social–economice, a lipsei mijloacelor financiare şi materiale, în societatea noastră scade nivelul de informare a populației. Populația este „alimentată” masiv de cunoştințe politice doar în perioada campaniilor electorale (locale şi parlamentare), inclusiv de mass-media şi afişele electorale. Sigur că nivelul redus de informare a populației (adecvat sau neadecvat este deja o altă problemă), crizele economice profunde, confruntările politice (adesea sterile) ce au loc în societate provoacă apariția unor fenomene politice negative, cum ar fi alienarea (pierderea de către cetățeni a abilității de a participa efectiv la procesul politic şi de a influența rezultatele lor), apatia (starea de indiferență din partea cetățenilor față de problemele politice), absenteismul (reținere din partea alegătorilor la exercitarea dreptului său de vot), indiferență totală şi apolitism.

Practica vieții social-politice a societății noastre arată că modificările în cultura politică a societății se produc foarte lent. Deciziile clasei politice a republicii, orientate spre încurajarea culturii politice participative a cetățenilor, rămîn practic suspendate. Totodată, aceste decizii, deseori corelînd cu standardele culturii politice vechi şi cu comportamentul politic al populației dominat de acestea, nu sînt însoțite de acțiuni coerente, cel puțin informaționale, menite să submineze standardele comportamentul vechi, depăşite. Această necorespundere şi

discordanţă stă la baza apariţiei crizelor şi tensiunilor social-politice care s-au manifestat îndeosebi în anii 90 ai secolului trecut.

Este deja cunoscut faptul că populaţia nu posedă o experienţă democratică suficientă în viaţă politică. Populaţia nu avea de unde să aibă o experienţă politică, deoarece sistemul politic precedent (de tip comunist) nu prevedea o astfel de dimensiune. Experienţa politică, alcătuind un component important al culturii politice, fixează istoria dezvoltării relaţiilor politice în diferite forme (în tradiţii şi obiceiuri politice, în monumente istorice şi ideologii politice), care se însuşesc în procesul socializării politice a individului. Pluralismul politic actual a scos în evidenţă şi mai mult problema constituirii culturii politice democratice de tip nou şi a selectării riguroase a pretendenţilor de a se include în clasă politică. În acest sens se poate sesiza o contradicţie între necesitatea societăţii de a antrena la maximum întregul electorat al ţării în formarea structurilor puterii de stat la toate nivelurile şi lipsa condiţiilor optime pentru realizarea obiectivului dat. Cultura politică, inclusiv cultura electorală, este tocmai factorul menit să anihileze manipularea politică a cetăţenilor de către putere, cît şi de către formaţiunile politice şi politicienii demagogi. Dezvoltarea culturii politice, reflectînd competenţa politică şi juridică a cetăţenelor, poate avea o influenţă majoră asupra formării şi funcţionării instituţiilor politice şi de stat, atribuind proceselor politice o semnificaţie deosebită, deoarece ele determină caracterul interacţiunii dintre stat şi societatea civilă.

Actualmente, la etapa unor refaceri radicale pe plan politic, juridic, economic, social şi psihologic, societatea moldovenească se confruntă cu dificultăţi în asimilarea noilor valori democratice, în însuşirea normelor şi principiilor democratice de funcţionare a societăţii. Aici e cazul să ne referim la unele efecte paradoxale ale reformelor promovate de clasa politică care provoacă aprecieri negative la majoritatea populaţiei. Pe de o parte, societatea noastră poartă în conştiinţă povara experienţei de viaţă în condiţiile sistemului politic de tip sovietic, dar în care nivelul de trai al cetăţenilor, siguranţa socială, ocrotirea sănătăţii, asigurarea cu locuri de muncă era mai înaltă şi garantată de stat. Pe de altă parte, societatea moldovenească are în faţa ei modele occidentale avansate de organizare democratică a vieţii politice şi economice în condiţiile pluralismului politic şi economic. În plus, ţara noastră dispune de propria sa experienţă acumulată într-o perioadă în care societatea, acceptînd conştient sistemul democratic, depune eforturi în scopul implementării şi consolidării valorilor acestui sistem. Dar tot în această perioadă nivelul de trai al populaţiei a scăzut esenţial, provocînd

astfel apariția unor atitudini şi stări critice din partea cetățenilor fată de sistemul valorilor democratice[223].

O deosebită importanță în acest sens îl capătă factorul economic. Natura transformărilor economice începute în Republica Moldova este amplă şi, totodată, contradictorie. Criza economică ce s-a declanşat l-a începutul anilor '90 ai sec. XX este un fenomen multidimensional, fiind, în primul rînd, expresia destrămării latente şi neuniforme a vechiului sistem totalitar de organizare economică a societății. Acceptînd tranziția la un nou model economic, noi nu am fost în stare să o abordăm în toată complexitatea ei, devenind ostatici unor atitudini simpliste şi superficiale față de reformarea radicală a economiei şi sferei sociale. Ieşirea din situația dificilă în care s-a pomenit societatea noastră poate fi depăşită cu condiția unei abordări obiective, complexe, critice, oneste şi curajoase a realității, numind lucrurile pe nume şi oferind soluții adecvate şi realiste. Prin urmare, stabilitatea politică nu poate fi obținută fără nişte acțiuni vizibile în direcția creşterii indicatorilor economici şi deci a bunăstării materiale a populației, fără crearea unui sistem puternic al protecției sociale a cetățenilor, fără o legislație solidă cu caracter economic şi, nu în ultimul rînd, fără prezența unei clase de mijloc numeroase, care constituie baza socială durabilă şi politică stabilă a oricărei societăți democratice.

În republica noastră putem observa că populația în atitudinea sa față de structurile de putere, față de liderii naționali manifestă diverse orientări valorice. Majoritatea populației a pierdut încrederea în autoritățile puterii de stat, în democrație, reforme şi economie de piață, iar această neîncredere a cetățenilor continuă să se mențină în prezent paralel cu menținerea crizei economice şi sociale. Totodată, cetățenii republicii demonstrează o lipsă de neîncredere şi în personalitățile politice. Despre aceste aspecte ale vieții sociale şi politice mărturisesc toate sondajele de opinie efectuate în țară în ultimii ani[224].

Lipsa în societatea moldovenească a multor valori politice fundamentale şi general-umane care ar fi acceptate de majoritatea populației, precum şi ineficiența unui sistem al socializării politice care ar reproduce şi ar remodela adecvat aceste valori, creează greutăți în calea transformărilor democratice. În primul

---

[223] *A se vedea: Lucinschi P. Poporul nostru aparține cu adevărat familiei europene. // "Moldova Suverana", 1999, 26 iunie.*

[224] *Vezi, spre exemplu: Opinia populației despre partidele politice. // "Moldova Suverană", 2001, 10 ianuarie; Guzun I. Consolidarea orientării democratice. // "Săptămîna", 2001, 2 martie etc.*

rînd, dependenţa procesului formării culturii politice de bunăstarea materială a cetăţenilor face procesul politic adesea imprevizibil şi nu creează condiţii prielnice pentru dialogul social între societate şi putere. În al doilea rînd, formarea stihinică şi neordonată a cunoştinţelor, orientărilor şi convingerilor politice la diferiţi subiecţi ai socializării, care presupun deja modele de excludere reciprocă a comportamentului politic, reţine atingerea unităţii şi coeziunii în societate referitor la valorile fundamentale imanente unei societăţi democratice. Fără prezenţa valorilor general-umane acceptate de majoritatea societăţii, puterea nu este în stare să creeze şi să susţină la populaţie credinţa în legitimitatea sa proprie. În aşa fel, regimul politic se dovedeşte a fi incapabil să realizeze integrarea valorilor diferitelor grupuri sociale în jurul anumitor obiective majore de interes naţional şi să mobilizeze populaţia la realizarea lor.

Cele prezentate mai sus denotă faptul că cultura politică a societăţii noastre actuale se formează în procesul intercalării şi sintezei diferitelor norme şi tradiţii, valori şi viziuni, orientări şi convingeri politice, care, fiind exprimate în diferite simboluri, generează diverse atitudini, adesea opuse, faţă de politică şi un comportament politic necorespunzător al membrilor societăţii. Acest fapt, în ultima instanţă, se răsfrînge negativ asupra derulării adecvate a transformărilor democratice. În acelaşi timp, promovarea nesistemică a reformelor economico–sociale, sărăcia în masă şi reducerea bruscă a locului şi rolului statului în viaţa social–economică a ţării contribuie la micşorarea interesului cetăţenilor faţă de politică, la scăderea participării lor în viaţa politică a societăţii. Conştientizarea necesităţii de a participa activ la procesul politic, competenţa, sporirea responsabilităţii, înţelegerea justă a scopurilor majore ale transformărilor democratice depinde, desigur, nu numai de activitatea instituţiilor de stat, ci şi de funcţionarea instituţiilor societăţii civile, cum ar fi sindicatele, grupurile de interes, organizaţiile neguvernamentale (ONG-urile).

Practica social-politică curentă a societăţii moldoveneşti demonstrează că majoritatea cetăţenilor întîmpină anumite greutăţi în determinarea poziţiilor politice şi se orientează dificil în sistemele de partide, în ideologia lor, în activitatea acestora îndeosebi în perioada campaniilor electorale. Formarea unui model optimal al culturii politice e legată nemijlocit de particularităţile mentalităţii individului, de perceperea justă a realităţii obiective. La baza culturii politice în societăţile democratice apusene se află “eul” (ego) atomar, prin urmare şi conştiinţa individuală, lumea valorică a persoanei. În acest sens, probabil, trebuie conştientizat faptul că succesele reformării societăţii moldoveneşti necesită modificarea treptată, graduală a conştiinţei individului. În caz contrar, orice schim-

bare radicală întreprinsă în societate va fi respinsă de majoritatea populației. După cum demonstrează experiența statelor occidentale, în proiectele de modernizare a societății clasele guvernante luau neapărat în considerație gradul de ideologizare a conștiinței de masă, modul în care era înțeleasă echitatea socială și alte orientări valorice de bază. Ideologia modernizării acestor state se fonda atît pe realizările gîndirii politice universale, cît și pe tradițiile culturi politice ale unui popor, pe moștenirea lui culturală, ținîndu-se cont și de particularitățile mentalității națiunii.

Cele relatate mai sus dau posibilitatea să afirmăm că în statele postcomuniste este necesară implementarea unei culturi a toleranței, demontarea stereotipurilor distructive vechi, cultivarea necesității existenței unei diversități etnice, ceea ce ar contribui la sporirea culturii politice neconflictuale. Se cere, de asemenea, realizarea unor programe ce urmăresc păstrarea și dezvoltarea tradițiilor și culturilor naționale, crearea unor centre multinaționale de cultură, răspîndirea cunoștințelor cît mai veridice și complete despre cultură, tradițiile și obiceiurile cetățenilor ce aparțin la diferite etnii, stimularea interesului pentru cultura altor etnii, îndeosebi în cazul generațiilor tinere.

Cercetătorii din Vest consideră în unanimitate că afirmarea și stabilitatea sistemelor politice democratice este direct legată de sporirea locului și rolului clasei de mijloc în viața societății, predominarea ei numerică față de stratul superior și pătura inferioară a populației. Dezvoltarea clasei de mijloc este determinată de ponderea ei în viața economică și politică a societății. Ea este considerată purtătorul și promotorul valorilor general-umane și servește drept bază a stabilității societății contemporane, generînd progres și dinamism. Fiind unul din subiecții de bază ai culturii politice democratice, stratul de mijloc dispune de mari posibilități intelectuale pentru crearea, consolidarea și susținerea unui regim democratic autentic.

Societatea moldovenească, suprasaturată de diferite instabilități, are nevoie de o clasă de mijloc puternică și dinamică care ar deveni sprijinul și baza promovării reformelor democratice și economice. Această clasă este cointeresată în susținerea reformării societății de tranziție din mai multe motive. Din punct de vedere economic, pătura intermediară susține reformele, deoarece ea dorește să ocupe un loc important în relațiile de piață, în sistemul economic și în viața economică a țării. Din punct de vedere politic, stratul de mijloc sprijină reformele, fiindcă el pretinde să dețină (mai devreme sau mai tîrziu) o parte din puterea politică a țării. În legătură cu reliefarea marilor interese ale clasei de mijloc vom afirma că ea, ocupînd poziții prioritare în toate domeniile de acti-

vitate ale societății, poate influența decisiv asupra proceselor de transformare profundă a economiei naționale şi determina în viitorul apropiat vectorul politicii economice şi sociale. Iată de ce susținerea multilaterală a clasei de mijloc din partea statului va contribui neapărat la constituirea şi afirmarea unei culturi politice democratice, pluraliste şi consensuale în societatea noastră.

În opinia noastră, la formarea unei culturi politice democratice pot contribui următoarele acțiuni şi activități ale societății civile şi instituțiilor de stat:

- anihilarea deficienților caracteristice fenomenului culturii politice care favorizează manipularea şi provocările politice din partea unor subiecți politici în scopul modificării comportamentului politic al populației;
- creşterea nivelului de cultură generală şi moralitate a societății, cu deschidere spre valorile culturale şi spirituale universale;
- asimilarea unor noi metode de gîndire şi comportament, corespunzătoare principilor generale ale economiei de piață şi dezvoltării umane durabile;
- dinamizarea vieții sociale pentru a răspunde adecvat la imperativele timpului: democratizare, legalitate, moralitate, responsabilitate, inițiativă, disciplină etc;
- dezvoltarea culturii naționale cu integrarea ei în spațiul pan-european şi universal;
- educația continuă a populației în spiritul valorilor democratice, dezvoltarea potențialului spiritual al inițiativei civice;
- sporirea tendinței cetățenilor spre unitate şi coeziune în chestiunea funcționării şi posibilităților reale ale sistemului politic actual al țării;
- reducerea nivelului de conflictualitate, ce presupune schimbarea atitudinii unei părți a populației față de interesele altei părți, față de violență politică şi anomie;
- angajarea activă a societății civile în procesul de informare şi conştientizare socială a valorilor democratice şi a priorității dezvoltării umane durabile;
- sporirea eficienței procedurilor democratice de soluționare a tensiunilor sociale, economice şi politice apărute.

O cultură politică democratică înaltă înseamnă mai întîi de toate respectarea şi executarea riguroasă a normelor şi principiilor democratice, a regulilor „jocului” politic, precum şi a legilor într-un stat de drept. În afara legalității nu există democrație, aşa cum, de altfel, nici legalitatea nu poate exista realmente fără democrație.

În acelaşi context vom sublinia în special faptul că formarea unui nivel înalt al culturii politice în societatea moldovenească depinde, în cea mai mare măsură,

de strategia şi deci de vectorul dezvoltării țării în viitorul apropiat. Sîntem de acord cu autorii care sugerează ideea că pînă la sfîrşitul anilor ‘90 ai sec. XX elitele politice moldoveneşti n-au elaborat şi promovat consecvent o formulă politică, un model național propriu de dezvoltare a țării care ar consolida şi integra societatea în numele unui proiect acceptat de clasa politică şi cetățeni. La rîndul nostru, opinăm că anume lipsa unui astfel de concept a provocat învrăjbirea dintre oameni, tensiuni politice şi separatismul politic. Iată de ce elaborarea şi promovarea coerentă a unui model (proiect) de dezvoltare durabilă a societății, bazat pe anumite priorități naționale, principii reformatoare fundamentale, norme şi proceduri democratice ar condiționa depăşirea crizei economico-socială în care s-a pomenit țara noastră şi trecerea ei pe făgaşul dezvoltării sustenabile.

În societatea noastră cultura politică democratică abia se formează, însă ea nu poate să se consolideze fără să se sprijine pe normele şi valorile ce sînt înrădăcinate în societatea noastră. În societățile occidentale cultura politică s-a format treptat, incluzînd în sine orientările vechi şi completîndu-le cu altele noi, care treptat se contopesc cu primele, formînd astfel un aliaj, şi asigurînd în acest mod continuitatea dezvoltării societății.

Stabilitatea politică a societății moldoveneşti şi dezvoltarea ei pe o cale durabilă va fi posibilă numai cu condiția ca cultura politică democratică să capete noi dimensiuni de dezvoltare şi să devină o trăsătură definitorie pentru toți cetățenii, indiferent de starea socială şi convingerile lor politice. Însă aici vom menționa faptul că reformarea societății noastre şi dinamizarea proceselor politice trebuie corelate cu transformarea culturii politice fragmentare şi neconsensuale prezente în societate într-o cultură nouă, democratică, pluralistă, consensuală, bazată pe deziderate şi opțiuni comune ale populației şi pe dialogul social al diverselor subculturi politice. În cultura politică subdezvoltată a societății actuale se reflectă gradul redus de maturitate al instituțiilor politice, al instituțiilor societății civile şi al sistemului politic în ansamblu. Cu alte cuvinte, stabilitatea societății noastre şi normalizarea vieții sociale şi politice pot fi obținute nu numai în baza unei politici social-economice eficiente promovată de structurile puterii de stat, dar şi prin maturizarea întregului sistem politic al societății, prin formarea unei societăți civile dezvoltate cu o cultură politică autentică.

Concluzionînd, vom spune că cultura politică definită şi activă reprezintă factorul-cheie care condiționează viabilitatea unei democrații şi care eficientizează funcționarea instituțiilor de stat şi structurilor societății civile. Nu poate exista democrație în afara unei culturi politice democratice. Acesta este criteriul principal pentru a reliefa şi a decide caracterul democratic al unui sistem politic.

OBIECTUL COMPONENȚEI DE INFRACȚIUNE A TÂLHĂRIEI

Emilia VISTERNICEANU
Republica Moldova, Chişinău
Universitatea de Stat din Moldova
Facultatea Relații Internaționale,
Ştiințe Politice şi Administrative
Catedra Politologie
Lector

Cel mai mare pericol social dintre infracțiunile contra proprietății îl prezintă tâlhăria în scopul sustragerii avutului proprietarului (art. 121 Codul Penal al Republicii Moldova), întrucât această infracțiune atentează la două obiecte nemijlocite – relația socială de proprietate şi cea care apără viața sau sănătatea persoanei.

În literatura de specialitate se afirmă că tâlhăria în virtutea particularităților care o deosebesc de celelate sustrageri (obiectul de atentare, momentul consumării infracțiunii) trebuie atribuită la infracțiunile contra persoanei ori la cele contra securității publice.

Se aduc următoarele argumente: infracțiunile care au mai multe obiecte nemijlocite de atentare sunt incluse într-un capitol sau altul al codului penal în dependență de faptul care obiect nemijlocit este principal şi care facultativ. Tâlhăria se consideră consumată din momentul comiterii atacului însoțit de violență periculoasă pentru viața sau sănătatea persoanei ori de amenințarea cu aplicarea unei asemenea violențe în privința persoanei atacate şi, deci, nu are importanță a fost atins scopul de a sustrage avutul prorpietarului sau nu. De aceea, obiect nemijlocit principal este relația socială care apără viața sau sănătatea persoanei supuse atacului. Iar relațiile sociale de proprietate pot şi să nu fie încălcate, deci ele trebuie considerate ca obiect nemijlocit facultativ.[225]

Unii autori nu acceptă acest punct de vedere şi totodată consideră că obiect nemijlocit principal al tâlhăriei nu-i este nici proprietatea.[226]

[225] *Гугучия М.Б. Ответственность за разбой по действующему уголовному законодательству. - Сухуми, 1968, с.37.*

[226] *Пинаев А.А. Уголовно правовая борьба с хищениями. - Харьков, 1975, с.40; Соотк Л. Преступления против социалистического имущества. - Тарту, 1983, с.31.*

Ei consideră că obiectul nemijlocit de bază al tâlhăriei este securitatea publică, motivând prin faptul că „esența infracțiunii date, este determinată, înainte de toate de metoda acțiunii, deoarece fiecare caz de atac tâlhăresc, chiar şi atunci când dauna adusă persoanei sau proprietății a fost neesențială perturbă condițiile normale ale activității de muncă şi odihnă ale cetățenilor, duce la lipsa de siguranță a acestora în ocrotirea cuvenită a ordinii publice, periclitează calmul social, deşi, acest obiect este întotdeauna lezat în urma tâlhăriei.

În ce priveşte autorul A.G.Santalov, consideră că, „potrivit orientării motivelor şi scopurilor sale, tâlhăria se deosebeşte esențial de exemplu, de huliganism, săvârşit cu aplicarea armei”.[227]

În primul rând observăm în toate opiniile exprimate se atrage atenția asupra obiectului de atentare, lipsind de importanță latura subiectivă a infracțiunii, căci de aceasta în mare măsură depinde calificarea faptelor social periculoase, mai ales a celor cu componență formală sau redusă, scopul cupidant în cazul tâlhăriei poate şi să nu fie atins, dar asta nu-i dovada că infracțiunea dată a atentat la viață şi sănătatea unei persoane din alte scopuri.

Atacarea unei persoane este doar o metodă de extragere a avutului proprietarului. Faptul considerării tâlhăriei ca componentă formal-redusă rezultă din pericolul social sporit pe care-l prezintă metoda dobândirii avutului proprietarului – aplicând violența periculoasă pentru viața sau sănătatea persoanei atacate sau amenințând cu aplicarea unei asemenea violențe.

În cadrul tâlhăriei coincid din punct de vedere juridic mai multe acțiuni socialmente periculoase: atacul asupra persoanei, dobândirea bunurilor.

Ele toate sunt cuprinse de o intenție unică a vinovatului, care şi condiționează pericolul social sporit al componenței date.

Întrucât tâlhăria atentează la viața sau sănătatea persoanei, ea constă dintr-un astfel de atac asupra victimei care-i cauzează un prejudiciu sănătății acestuia sau cauzează o stare de pericol pentru viața sau sănătatea victimei. Dacă o persoană care a fost supusă unui atac tâlhăresc a fost intenționat lipsită de viață, acțiunile vinovatului vor fi calificate nu doar în baza art. 121 Codul Penal al Republicii Moldova ci în cumul cu punctul I art. 88 Codul Penal al Republicii Moldova. Dacă acțiunile vinovatului au fost îndreptate la lipsirea victimei de viață, dar ele s-au exprimat doar în cauzarea de leziuni corporale grave, atunci calificarea se va face în baza art. 121 Codul Penal şi art. 15, art. 88 punctul 1 Codul Penal al Republicii Moldova.

---

[227] *Brînză S.M. Infracțiuni contra proprietății. - Chişinău, 1999, p.129.*

Dacă e să ne oprim la elucidarea obiectului de atentare, în cadrul tâlhăriei, în literatura de specialitate sunt poziţii diferite în dependenţă de faptul la care capitol le atribuie fiecare dintre autori.

Astfel V.D.Menşaghin, P.I.Fainiţkii, D.M.Talberg susţin că tâlhăria ar trebui inclusă în capitolul „Infracţiuni contra persoanei" efectuând simpla comparare între jaf şi tâlhărie, elucidând-o pe cea cu un pericol social mai sporit.

A.A.Filimonova şi B.S.Nikiforov privesc tâlhăria, în primul rând ca un atac cu scop de a sustrage. M.M.Isaev, este adeptul opiniei că componenţa dată are numai un singur obiect de atentare, care este nu personalitatea victimei, ci averea acestuia, din care considerente trebuie inclusă în capitolul „Infracţiuni contra proprietăţii".[228] Toţi cei care atribuie tâlhăria la infracţiunile contra proprietăţii consideră că obiectul nemijlocit de bază îl formează relaţiile sociale care apără proprietatea.

Atentarea la proprietatea privată generează nemijlocit şi nu atentat asupra victimei, personalităţii acestuia în formă de violenţă periculoasă pentru viaţa sau sănătatea persoanei, care e supusă atacului, ori de ameninţarea cu aplicarea unei asemenea violenţe în rezultat provocând leziuni corporale grave, mai puţin grave sau uşoare. De aceea există tâlhărie numai atunci când vinovatul concomitent atentează asupra acestor două obiecte.[229]

Autoarea G.A.Kriger adaugă că în acest caz unul din obiecte este principal iar al doilea secundar (facultativ). Privitor la ultimul, menţionez că opiniile se dispersează. Primul grup de autori îl privesc ca: relaţii sociale referitoare la persoană. Al doilea grup atribuie la obiectul facultativ – relaţiile sociale referitoare la sănătatea persoanei. Conform celei de-a treia opinii, obiectul nemijlocit suplimentar pe lângă relaţiile sociale referitoare la sănătatea persoanei atribuie şi cele referitoare la viaţa acesteia.[230] Autorii ruşi referitor la această problemă se exprimă în felul următor: dat fiind faptul că ei evidenţiează tipurile obiectului nemijlocit în cadrul infracţiunilor cu două obiecte de atentare (tâlhăria) ca cel de bază şi adăugător, acesta include la rândul său, încă două varietăţi ca: obiect adăugător, obligatoriu şi facultativ; atribuie unul ca fiind nemijlocit de bază şi

---

[228] *Гельфер М.А. Преступление против личной собственности и граждан. Особая часть. – Москва, 1987, с.25.*

[229] *Владимиров В.А. Преступление против личной собственности граждан. – Москва, 1962, с.29.*

[230] *Brânză S.M. Infracţiuni contra proprietăţii. – Chişinău, 1999, p.126.*

altul adăugător. Atribuirea unuia calității de bază şi altuia de adăugător se face nu de importanța valorii ocrotite de lege, dar de legătura lui cu obiectul de grup.[231]

Potrivit opiniei domnului S. Brînză obiectul facultativ este alternativ, adică: în cazul aplicării violenței fizice periculoase pentru viața sau sănătatea victimei, acesta este format din relațiile sociale referitoare la sănătatea persoanei; în cazul amenințării aplicării unei asemenea violențe – din relațiile sociale referitoare la securitatea vieții sau sănătății persoanei.[232]

După toate cele anterior spuse, vreau să concluzionez mai întâi prin explicarea sensului obiectului facultativ – relația socială căreia i se poate aduce atingeri doar poate şi să nu fie lezată. Dar luând în considerație pericolul social sporit pe care îl comportă tâlhăria prin atacul său care întotdeauna cuprinde cauzarea oricărui tip de daună sănătății, deoarece fără pricinuirea sau amenințarea pricinuirii daunei sănătății nu există tâlhărie. Atunci pentru claritate menționez că:

Obiecte nemijlocit de bază sunt:

1. relația socială care apără proprietatea şi

2. relațiile sociale care apără viața şi sănătatea persoanei.

Astfel urmează a se încadra relațiile sociale cărora li se aduc atingeri deoarece pentru a fi atras vinovatul la răspundere penală urmează ca el să fie atentat anume asupra acestor două valori, în caz contrar tâlhăria ca componentă de infracțiune cu două obiecte de atentare nu va exista. Infracțiunea dată face parte din categoria componenței lor de infracțiune formal reduse, fiind consumată din momentul începerii atacului.

Ca ***obiect material*** al tâlhăriei se prezintă acele bunuri în legătură cu care se săvârşeşte infracțiunea. În cadrul infracțiunilor contra proprietății bunurile trebuie să aibă capacitatea de a fi de folos pentru persoană. Rezultă deci, că drept obiect material se prezintă: haine, bijuterii, bani etc.

B.S.Nikiforov menționează că: „ca obiect material de sustragere poate fi numai averea străină".

Bun ce aparține altei persoane – acesta-i un bun ce nu-i aparține vinovatului cu drept de proprietate şi nu dispune de dreptul de a-i hotărâ soarta nici într-un mod.[233]

---

[231] *Наумов А.В. Российское уголовное право. Особая часть. – Москва, 1997, с.151,155.*

[232] *Brânză S.M. Infracțiuni contra proprietății. - Chişinău, 1999, p.129.*

[233] *Никифоров Б.С. Уголовно правовая охрана личной собственности в СССР. / Академия Наук СССР. – Москва, 1954, с.29.*

M.M.Isaev „nu poate fi sustras bunul ce-ți aparține. Dacă cineva a dat unei alte persoane bunul său, dar apoi samovolnic l-a luat în cazul dat nu-i o infracțiune de sustragere, dar un act de samovolnicie". Același lucru ne menționează și autorul M.D.Gugucia.[234]

În literatura de specialitate se duc discuții privitor la recunoașterea ca obiect material al tâlhăriei, sustragerea documentelor ce dau dreptul asupra unor bunuri.

Astfel, de exemplu, autorul D.N.Rosenberg menționează că „documentele pot fi obiect al infracțiunilor contra proprietății numai atunci când ele oferă dreptul asupra unor bunuri".[235]

Observăm că autorul citat mai sus face o mică specificare a documentelor, adică numai când acestea oferă un drept asupra proprietății, și cu această ocazie vreau să indic că opiniile specialiștilor la acest capitol, se dispersează.

T.L.Sergeeva, N.D.Nikifirov, D.S.Nikiforov consideră că documentele în aceste cazuri se prezintă a fi nu obiectul material al sustragerii, dar mijlocul de săvârșirea unei așa infracțiuni. De aceea obținerea unor astfel de documente autorii o privesc ca o pregătire la sustragere, dar prezentarea lor cu scopul obținerii valorilor corespunzătoare – ca tentativă de sustragere.[236] N.S.Gagarin consideră că așa categorie de documente sunt atât obiect material cât și metodă de săvârșire a unei astfel de infracțiuni. De exemplu: la sustragerea cecului pentru păstrarea bagajului trebuie calificat ca pregătire la săvârșirea infracțiunii, însă prezentarea cecului pentru a obține bunul – ca tentativă.

În cadrul tâlhăriei însăși faptul sustragerii unor așa documente de la victimă, trebuie calificat ca infracțiune consumată. De altfel când componența dată urmează a fi recunoscută ca consumată numai atunci, când vinovatul ar obține conform documentului sustras bunurile, ceea ce vine în contradicție cu legea".[237]

G.L.Kriger scrie: „cu toate că în cazul atacului tâlhăresc anumite documente nu-și pierd din importanță, rămânând a fi mijloace de luare ilegală gratuită a unor bunuri și după cum legislatorul recunoaște tâlhăria ca fiind consumată din momentul aplicării violenței periculoase pentru viața sau sănătatea persoanei, nu

[234] *Гугучия М.Б. Ответственность за разбой по действующему уголовному законодательству. - Сухуми, 1968, с.26-27.*

[235] *Гагарин Н.С. Квалификация некоторых преступлений против социалистической и личной собственности. - Алма-Ата, 1973, с.27-28.*

[236] *Гагарин Н.С. Квалификация некоторых преступлений против социалистической и личной собственности. - Алма-Ата, 1973, с.26-27.*

[237] *Ibidem, c.29.*

are însemnătate ce anume va sustrage făptuitorul prin intermediul procedeelor violente: bunuri sau documente ce conferă dreptul asupra acestora şi deci nu poate fi vorba de o pregătire la infracţiune".[238]

Opinia combatantă pe care de altfel o împărtăşim şi noi este a d-lui S.Brânză: „Nu putem fi de acord cu această părere, întrucât obiectul material (special) un obiect generic, altul decât proprietatea şi anume ordinea de administrare.

De aceea sustragerea documentelor, însoţită de violenţă periculoasă pentru viaţă sau sănătatea persoanei sau ameninţarea cu aplicarea unei asemenea violenţe, cu scop ca ulterior, în baza acestor documente să fie obţinute bunuri (exemplu: înşelăciune), va fi calificată în cumul ca:

- sustragere de documente (art. 208 Codul Penal al Republicii Moldova);
- infracţiune contra persoanei în funcţie de gravitatea violenţei;
- pregătire de escrocherie (art. 15; 122 Codul Penal al Republicii Moldova).

Personal aş dori să mă refer la alte tipuri de documente ca de exemplu: acţiuni, obligaţiuni, cecuri (emise de instituţiile bancare), tichet de călătorie, cec de bagaje, bilete de loterie etc. Dacă e să le privim dintr-o parte apoi acestea sunt şi ele dovada existenţei unui drept asupra carorva bunuri.

Referitor la aceasta consider în felul următor, că: cecurile de bagaje, tichet de călătorie, bilete de loterie, formează obiectul material al tâlhăriei, dacă ele au fost sustrase cu aplicarea violenţei periculoase pentru viaţa sau sănătatea persoanei sau cu ameninţarea aplicării unei asemenea violenţe; deoarece în cazul dat infractorul doreşte să se folosească de un bun sau de o prestare de serviciu deja achitat de cineva străin (victimă).

În ce priveşte hârtiile de valoare şi cecurile (emise de instituţiile bancare), aici vreau să specific – că acestea pot forma obiectul material al tâlhăriei doar în cazul când acestea fac parte din categoria „la purtător".

Iată de ce atribui acestea la obiectul material, fiindcă prin sustragerea lor, infractorul liber se poate folosi de ele. Exemplu: prin atac tâlhăresc s-a sustras cecul bancar „la purtător" după care imdeiat, făptaşul deţinându-l, a intrat în instituţia bancară şi a obţinut suma de bani indicat în el. Adică, în mod liber, fără careva formalitate de verificare a personalităţii acesteia, el obţine suma de bani.

Altfel vor sta lucrurile la celelalte categorii de hârtii de valoare, care prin sustragerea lor se va califica prin cumul menţionat de autorul S.Brînză.

---

[238] *Кригер Г.Л. Ответственность за разбой. // Советская Юстиция, 1962, №11, с.27.*

În fine, vreau să mă opresc la o altă problemă, asupra cărora se duc discuții şi anume tipurile de documente nepatrimoniale: carnet de student, diplome etc. Unii totuşi le atribuie la infracțiuni contra proprietății.

N.S.Gagarin consideră totuşi că documentele ce atestă unele drepturi personale nu pot forma obiectul material al furtului, jafului, tâlhăriei. Obținerea unor documente cu caracter nepatrimonial, chiar şi dacă au fost obținute în mod violent, nu constituie tâlhărie, deoarece acțiunile vinovatului nu atenuiază la unul din obiectele acestei infracțiuni – asupra proprietății private.[239]

Punctul 29 Hotărârea Plenului Curții Supreme de Justiție nr. 5 din 6 iulie 1992 indică: „în cazul sustragerii paşapoartelor sau altor documente importante ale cetățenilor, când intenția a fost îndreptată spre sustragerea bunurilor materiale (Exemplu: a sustras o valiză în care pe lângă alte obiecte a fost şi paşaportul victimei) cele săvârşite urmează să fie încadrate drept o infracțiune împotriva proprietății şi nu necesită o încadrare suplimentară în baza al. 3 art. 208 Codul Penal. Dacă însă intenția a fost îndreptată special asupra sustragerii acestor documente şi infractorul totodată sustrage bunuri materiale ale victimei, toate cele săvârşite trebuie să fie încadrate în baza al. 3 art. 208 Codul Penal şi în dependență de scopul şi metoda sustragerii acestor bunuri corespunzător articolului ce prevede „infracțiunile contra proprietății".

---

[239] *Гагарин Н.С. Квалификация некоторых преступлений против социалистической собственности. - Алма-Ата, 1973, с.30-31.*

TÂLHĂRIA SĂVÂRŞITĂ ÎN URMA ÎNȚELEGERII DE CĂTRE UN GRUP DE PERSOANE

Emilia VISTERNICEANU
Republica Moldova, Chişinău
Universitatea de Stat din Moldova
Facultatea Relații Internaționale,
Ştiințe Politice şi Administrative
Catedra Politologie
Lector

Sergiu BRÎNZĂ
Republica Moldova
Universitatea de Stat din Moldova
Facultatea de Drept
Şef-catedră Drept penal şi criminologie
Doctor, conferențiar

Practica în lupta contra criminalității denotă faptul, că cele mai periculoase infracțiuni, inclusiv şi tâlhăria, de regulă se comit nu de o singură persoană, dar poartă un caracter de grup. Infracțiunile comise de un grup, legislația în vigoare le recunoaşte ca o circumstanță agravantă. Faptul recunoaşterii circumstanței analizate în calitate de agravantă se justifică prin aceea că la săvârşirea sustragerii în comun de către câteva persoane, între care există o înțelegere prealabilă la comiterea faptei social periculoase, are loc cumularea eforturilor infractorice, ce sunt îndreptate la atingerea unuia şi aceluiaşi rezultat criminal.[240]

Prin sumarea faptelor sale infractorice, participanții grupului din posibilitatea să comită asemenea sustrageri, care nu pot fi, în genere, săvârşite fără participarea altor persoane ori săvârşirea cărora de către o singură persoană comportă mari dificultăți. În afara acestui fapt, comiterea „reuşită” a primei sustrageri poate genera la membrii grupului sentimentului de invulnerabilitate. O astfel de convingere poate conduce la consolidarea raporturilor dintre membrii grupu-

[240] *Кригер Г.Л. Ответственность за разбой. – Москва, 1962, с.44.*

lui infractoric, la elaborarea şi realizarea planurilor cu o perspectivă mai îndepărtată privitoare la activitatea infracţională.[241]

Acţionând împreună coparticipanţii oferă unul altuia susţinerea în pregătirea şi săvârşirea infracţiunii, ajutorul reciproc la mistificarea activităţii sale infracţionale.[242]

În cadrul tâlhăriei, comis de câteva persoane, victimei în cele mai dese cazuri i se pare zădarnică şi imposibilă rezistenţa pe care doreşte să o aplice. Violenţa în asemenea cazuri i se pare a fi atât de reală şi de neânlăturat, că, de regulă, se dezice de orice încercare de a se opune.[243]

Legislaţia stabileşte răspundere penală pentru săvârşirea tâlhăriei în grup, dar nu tălmăceşte această noţiune, de aceea urmează a apela la doctrină.

În literatura juridică, de regulă, se consideră că „grupul înţeles în prealabil" nu este altceva decât „un grup organizat".

Astfel M.A.Gelfer menţionează că grupul de persoane trebuie să comporte un caracter organizat, că înţelegerea prealabilă ce a avut loc între coparticipanţi trebuie să denote faptul că ei s-au organizat pentru săvârşirea infracţiunii.[244]

Autorii V.A.Vladimirov şi Iu.I.Leapunov indică 2 criterii de recunoaştere a sustragerii ca fiind agravat:

1) comiterea infracţiunii de către două sau mai multe persoane;

2) existenţa între aceste persoane a înţelegerii prealabile privitoare la săvârşirea în comun a faptei social periculoase.[245]

1) La cel dintâi criteriu se referă că grupul de persoane reprezintă o asociere a cel puţin două persoane, care participă simultan la fapta antisocială.

Conform Hotărârii Plenului Curţii Supreme de Justiţie din 06.07.1992 nr.5 „Cu privire la practica judiciară în procesele penale despre sustragerea averii proprietarului" p.18 menţionează „că sustragerea săvârşită în urma înţelegerii prealabile de către un grup de persoane, trebuie considerată săvârşirea faptelor la care au participat două sau mai multe persoane, care s-au înţeles în prealabil de-

---

[241] *Brânză S.M. Infracţiuni contra proprietăţii. – Chişinău, 1999, p.220.*

[242] *Гагарин Н.С. Квалификация некоторых преступлений против социалистической и личной собственности. - Алма-Ата, 1973, с.84.*

[243] *Кригер Г.Л. Ответственность за разбой. - Москва, 1962, с.45.*

[244] *Гельфер М.А. Преступление против личной собственности граждан. 1 особая часть. – Москва, 1987, с.9.*

[245] *Владимиров В.А. Квалификация похищении личного имущества. / Юридическая литература. – Москва, 1974, с.172-173.*

spre săvârşirea în comun a infracţiunii şi care au participat nemijlocit la realizarea ei”.

Astfel vor fi calificate şi faptele persoanelor care fac parte din grupul infractoric, dar cărora cu toate că nu au participat nemijlocit la sustragerea averii, însă până la săvârşirea sustragerii, în procesul înţelegerii prealabile între participanţii grupului, le-au fost repartizate în comun acord rolurile (de exemplu, unii stau la pândă, alţii ameninţă cu aplicarea violenţei, fie percheziţionează victima, fie prin acţiunile concludente demonstrează victimei că rezistenţa nu are nici un rost etc.).[246]

Aici apare problema conformităţii, specificul acestuia constă, cum este cunoscut, în aceea că toţi participanţii la infracţiune acţionează împreună, fiind ghidaţi de scopuri comune şi fiind reuniţi prin unitatea locului, timpului şi faptelor.

G.L.Kriger consideră că toţi cei ce au participat la comiterea faptei social periculoase trebuie consideraţi ca autori, deoarece în cadrul tâlhăriei ca autor trebuie să se considere nemijlocit şi acea persoană care spre exemplu ţinea victima, cel ce căuta prin buzunarele pătimaşei sau chiar şi acel ce nu făcea nimic stând în faţa victimei demonstrând că rezistenţa va fi zadarnică.[247] Coautorul se poate exprima în mai multe planuri, ca de exemplu: fiecare coautor îndeplineşte integral latura obiectivă a infracţiunii sau fiecăruia îi revine să îndeplinească o parte a laturii obiective, etc.

Observăm, cu toate că unul dintre coautori poate avea un rol dominantm, iar ceilalţi - auxiliar, toţi ei împreună sunt coautori, dacă fiecare dintre ei şi-a adus aportul la săvârşirea nemijlocită a laturii obiective a sustragerii.

În practica judiciară apar unele situaţii când în grupul înţeles în prealabil dintre toţi membrii incluşi aici numai unul are vârsta cerută de lege pentru a fi atras la răspundere penală.

În Hotărârea Plenului Curţii Supreme de Justiţie nr. 5 din 06.07.1992 „Cu privire la practica judiciară în procesele penale despre sustragerea averii proprietarului” se explică că „faptele participanţilor la sustragere, săvârşite în urma înţelegerii prealabile a unui grup de persoane, trebuie calificate ca infracţiune săvârşită în grup, indiferent de faptul, dacă ceilalţi participanţi nu au fost traşi la răspundere penală conform art. 10 Codul Penal sau din alte temeiuri prevăzute de lege”.

---

[246] *Brânză S.M. Infracţiuni contra proprietăţii. - Chişinău, 1999, p.222.*
[247] *Кригер Г.Л. Ответственность за разбой. - Москва, 1962, с.48.*

2) Cel de-al doilea criteriu calitativ, adică existența între persoanele respective a înțelegerii prealabile referitoare la săvârşirea în comun a infracțiunii.

Prin înțelegere prealabilă trebuie de înțeles acordul cu privire la săvârşirea în comun a sustragerii de către două sau mai multe persoane, acordul cu privire la săvârşirea în comun a sustragerii de către două sau mai multe persoane, acord încheiat până la săvârşirea nemijlocit a infracțiunii date. Deci, înțelegerea prealabilă trebuie să ia naştere înainte de a comite fapta social periculoasă sau, chiar, şi cu puțin timp înainte de a ataca victima, de exemplu:

Cîțiva infractori întâlniți întâmplător pe o stradă văd o persoană care deține careva bunuri la ea şi doar prin simpla mişcare de cap, semn de a acționa în comun va fi recunoscută ca tâlhărie, adică nu este altceva decât o înțelegere tacită, prin prezența legăturii subiective.

Nu poate fi vorba de agravanta dată dacă înțelegerea cu privire la săvârşirea infracțiunii a apărut în procesul atacului nemijlocit sau dacă infractorii acționează în rezultatul coinciderii fortuite a intențiilor acestor persoane.

Conținutul înțelegerii se poate referi la acordul cu privire la obiectul material al sustragerii presupuse, cu privire la metodele de comitere a acesteia, căile de desfacere a valorilor sustrase şi procedeele de tăinuire a sustragerii. Înțelegerea prealabilă poate include, de asemenea, rolurile între participanții grupului infractoric.[248]

Atacul tâlhăresc, de regulă, nu necesită o înțelegere prealabilă amănunțită, este destul o înțelegere în linii generale.

Practica arată că într-un număr limitat de atacuri tâlhăreşti vinovații din timp determină victima; dar şi-n aceste cazuri înțelegerea prealabilă se prezintă a fi nedetaliată, deoarece este greu de presupus dacă victima va opune rezistență, şi care va fi intensitatea ei.

Încă mai dificil este de presupus o înțelegere prealabilă detaliată a coparticipanților în acele cazuri când intenția de a acționa împreună apare spontan în legătură cu circumstanțele favorabile care s-au creat. Toate aceste particularități într-o oarecare măsură limitează posibilitatea evidențierii în grupuri tâlhăreşti a caracterului organizat.[249]

De aceea, în fiecare caz în parte este necesar de stabilit cu ce scop este folosită violența. Dacă vinovatul, aplică violența, urmărind scopul de a se ascunde, aici avem cumul a două infracțiuni:

---

[248] *Brânză S.M. Infracțiuni contra proprietății. - Chişinău, 1999, p.226-227.*
[249] *Кригер Г.Л. Ответственность за разбой. – Москва, 1962, с.47.*

- tentativă la furt şi cauzarea de leziuni, dacă vinovatul, aplicând violența şi-a pus scopul prin careva metode să obțină bunul străin.[250]

[250] *Гугучия М.Б. Ответственность за разбой по действующему законодательству. – Сухуми, 1968, сс.55,57.*